

Наталья
Шмелькова

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
БЕНЕДИКТА
ЭРОФЕЕВА

Наталья
Шмелькова

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
БЕНЕДИКТА
ЭРОФЕЕВА

ВАГРИУС

**Наталья
Шмелькова**

**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
ЭБЕНЕДИКТА
ЭРОФЕЕВА**

ДНЕВНИКИ

**ВАГРИУС
МОСКВА
2002**

УДК 882-94
ББК 84Р7
Ш 72

Художник С.Виноградова

**В КНИГЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ФОТОГРАФИИ
ИЗ АРХИВОВ АВТОРА И СЕМЬИ В.В.ЕРОФЕЕВА**

**ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ РФ
ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ.**

**ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ВСЕЙ КНИГИ
ИЛИ ЛЮБОЙ ЕЕ ЧАСТИ
ЗАПРЕЩАЕТСЯ
БЕЗ ПИСЬМЕННОГО
РАЗРЕШЕНИЯ ИЗДАТЕЛЯ.**

**ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ
НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА
БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ
В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ.**

ISBN 5-264-00821-3

© Издательство «ВАГРИУС», 2002
© Н.Шмелькова, автор, 2002

ОТ АВТОРА

С Венедиктом Ерофеевым я была знакома в течение последних лет его жизни и благодарна судьбе за встречу с этим замечательным писателем и необыкновенным человеком. Видясь с ним часто, я всегда записывала отдельные его высказывания, замечания, рассказы о себе, о друзьях, об отношении к различным событиям. В книге этой привожу и некоторые тексты писателя с краткими к ним пояснениями.

Дневники мои порою носят мемуарный характер, так как писались они часто по памяти, а не по живому следу. В таких случаях, как правило, мной не указывались даты, но, по возможности, сохранялась хронологическая последовательность событий.

Должна сказать, что долго не решалась я на их полную публикацию. Ведь записи мои очень личные: велись они исключительно для себя и совершенно не предназначались для печати. Но вот промелькнуло двенадцать лет после смерти писателя. Много это или мало? Не знаю. И вот, решилась. Решилась, прекрасно сознавая, какую беру на себя ответственность.

Заранее могу себе представить, как многих читателей покорабят отдельные страницы моих записей.

Одни скажут: «Как это легковесно. Ведь речь идет о таком писателе, о такой личности!». Другие не простят, наверное, того, что отозвалась о них далеко не лестно. Но что поделаешь? Ведь как уже было сказано, писала я эти строки только для себя, что давало мне полную свободу.

Хочется надеяться, что даже самый придирчивый читатель почерпнет для себя из моих записей о Венедикте Ерофееве что-то новое. И если такое случится, то буду считать свой труд ненепрасным.

1985 год

17-е февраля

На квартире журналиста Игоря Дудинского скопище народа: выставка неофициальных художников и игра в «путаницу». По кругу ходит лист бумаги. Каждый пишет, что хочет и, загнув текст на обратную сторону листа, оставив последнюю фразу, передает написанное соседу. Являюсь с опозданием. В комнате лишь одно свободное место на низкой лавочке у незнакомого мне мужчины. Он непрерывно курит «Беломор». По ходу игры мой текст переходит ему: «В сумасшедший дом он попал по блату». Когда лист обошел несколько кругов и всё зачитали, он обратился ко мне: «А у нас с вами получился очень плавный переход». В перерыве художник Валера Черкашин сообщил: «А я тебя сфотографировал с Веничкой Ерофеевым». Так значит это Ерофеев?! Знала бы раньше, придумала бы что-нибудь поинтереснее. В разговоре с Ерофеевым спросила: «А над чем вы сейчас работаете?» Ответил, что заканчивает «Вальпургиеву ночь», что действие пьесы происходит в дурдоме. «А что вас натолкнуло на этот сюжет?» Рассказал, что не так давно пребывал в «Кашенко», наблюдал как на 1-е мая для больных мужского и женского

отделений устроили вечер танцев — первое, что и натолкнуло.

Начали расходиться. Уехала с художником Борисом Козловым слушать магнитофонную запись писателя Юрия Мамлеева.

Об этой нашей встрече у Ерофеева есть строчки в дневнике, как я, сев рядом с ним, нахально стрельнула у него две беломорины и еще авторучку.

Наташа Воронина, юная покровительница московского андеграунда, приглашает меня на организованный ею квартирный вечер поэзии Генриха Сапгира. Маленькая комната забита народом. В основном — молодежь. Кому не хватает мест, рассаживаются на подоконнике. Разливается чай. После ухода Сапгира — неожиданное появление Ерофеева в сопровождении его жены Галины. Наперебой все просят почитать его «Вальпургиеву ночь». Зачарованно слушаю его исполнение, его прекрасный баритон. Записываю на магнитофон.

ДОКТОР (желчно). ...Так как же обстоит с вашим общим состоянием, на ваш взгляд?

ГУРЕВИЧ. ...Короче, ощущаешь себя внутри благодати — и все-таки совсем не там... ну... как во чреве мачехи...

Периодически — взрывы смеха. В перерыве все курят на кухне. Подошла. Поздоровалась. Не поняла — вспомнил ли он меня? Кажется, нет.

Долго после этой встречи Ерофеева не видела. А с ним, как узнала от Наташи Ворониной, приключилась беда — рак горла. Операция. Она предложила навестить его в больнице. Удивлена. Ведь я с ним практически не знакома. Почему именно мне она звонит? Попросила прихватить немного коньяку: «Врач разрешил», — сказала она. Но почему-то наша встреча не состоялась. (Уже потом, от Вени, я узнала, что от рака горла умер родной его брат Юрий, отказавшийся от операции).

«Если бы я знал, что есть такая боль, — рассказывал он мне, — я бы лучше выбросился из окна»).

Странно... Звонит мне Маша Фомина, с которой я мало знакома — встречались где-то на квартирных литературных вечерах. Просит позвонить меня Ерофееву домой. «Я сама очень боюсь звонить, — говорит она. — А вдруг жена скажет, что он умер?»

Дает номер его телефона. Удивлена: мы живем в таких отдаленных друг от друга районах, а телефоны так похожи:

Мой: — 434-777-9

Его: — 454-777-0

Уже позже, узнав мой номер телефона, Ерофеев сам был очень удивлен. Долго цифры сопоставлял, что-то вычислял и даже расшифровал их...

По просьбе Маши ему позвонила. Услышала в трубке космический голос. Сказал несколько слов и тут же ее повесил.

1987 год

Татьяна Щербина пригласила на литературный вечер в Дом архитектора. Должны выступать прозаики Евгений Попов, Виктор Ерофеев, из поэтов Лев Рубинштейн, она и многие другие.

В вестибюле сразу увидела Веню Ерофеева. Он был в коричневом из искусственного меха полушубке, меховой шапке, скрывающей его мальчишескую с проседью челку, а лицо его после перенесенной операции так заметно изменилось...

Окружавшие его о чем-то оживленно беседовали, обращались к нему, а он долго и пристально смотрел на меня. Смотрел не как на человека, которого вспомнил, узнал, нет. Ведь после тех двух мимолетных, случайных встреч прошло два года. Смотрел не как на женщину, которая ему приглянулась. Взгляд — как судьба. (Уже потом он мне сказал: «Я был уверен, что ты ко мне подойдешь...»). А я, сидя в зале, переживала, что не поздоровалась с ним, не кивнула. Ведь он мог подумать, что я не узнала его. Что он так сильно изменился после операции.

В фойе он уже был один и шел мне прямо навстречу. Осмелилась и подошла. Смущенно залепетала: «Здравствуйте. Вы меня, наверное, не помните... Мы виделись у Дудинского... У меня есть самиз-

датские «Петушки»... Так хотелось бы ваш автограф...»

Ерофеев улыбнулся, извлек из кармашка синей холщовой хозяйственной сумки микрофон, и снова я услышала его голос: «Пожалуйста, приезжайте, тем более, что жена моя сейчас в больнице».

Подошла Таня Щербина. Минуту с Ерофеевым побеседовала и откланялась. «Вы, наверное, ее пришли послушать?» — спросила я. «Да, и ее тоже, — ответил Ерофеев и многозначительно добавил: — Но в основном — своего однофамильца».

В зале нас разделяло несколько рядов. Он сидел впереди меня, наискосок, и я хорошо видела его лицо. Слушал всех внимательно и особенно «однофамильца».

Как мне показалось — очень не понравилось ему это выступление и даже раздражало. Ушел со второй половины вечера ни с кем не попрощавшись.

У моей соседки по дому Инны в феврале день рождения. Советую ей себе в подарок купить картину замечательного художника-шестидесятника Игоря Ворошилова. Он не москвич и работы хранит в квартире своей знакомой, Наташи Алешиной*. Звоню ей, чтобы узнать адрес, и — опять совпадение — ее дом на Флотской, в одном дворе с Ерофеевым. Прекрасно. Прихвачу заодно самиздатские «Петушки» для автографа, и вместе с ней к нему зайдем.

Звоним. Дверь открыла его давнишняя приятель-

* Бывшая жена поэта Геннадия Айги. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ница Алена, как она нам представилась, и тут же я увидела известного во всей Москве Игоря Ноткина, небездарного фотографа, окончательно избравшего роль юродивого, зарабатывавшего себе на портвейн, стоя у церкви и прося милостыню. Он бурно нас приветствовал. Появился в дверях заметно пошатывающийся Ерофеев. Ни с кем не поздоровавшись, он возлег на диван и, подперев голову рукой, погрузился в созерцание. Беседа не клеилась. Ноткин нес какой-то сумбур, а я, не зная, чем себя занять, села музицировать за напрочь расстроенное пианино. Для серьезности начала с классики, а потом, окончательно осмелев, надрывно исполнила есенинское «Пой же, пой на проклятой гитаре».

«Сука», — чуть ли не с нежностью в голосе, глядя на меня, вдруг изрек Ерофеев, а минуту спустя с той же интонацией добавил: «Жидовка».

Н.А. с Ноткиным ушли, а мы с Аленой перебрались на кухню. Разговорились. Рассказала, что после операции его практически, кроме старых друзей, никто не навещает: избегают психологической нагрузки — для кого-то непривычным был его голос через микрофон.

«Приезжайте, приезжайте, — говорила она мне и даже попросила остаться переночевать: — Я боюсь с ним оставаться одна».

Когда вышли из кухни, Ерофеев уже был в другой комнате, лежал на полу и крепко спал. Поднять его было невозможно. Подложили ему под голову подушку, накрыли одеялом, и Алена вдруг неожиданно уехала, оставив нас вдвоем.

Пробудившись рано утром, Ерофеев, как мне показалось, не сразу понял: кто я, откуда, и вообще, что вчера происходило. Был заметно смущен. Разговор не клеился. Но напряженность обстановки быстро разрушили вторгшиеся без звонка с двумя бутылками дешевого портвейна соседи по дому — алкаш Эдик и казах Сережа. Художник. Полилась демократическая беседа. Порывалась уехать, но Ерофеев упорно останавливал. Звонила из больницы его жена Галя. Сообщила, что выписывается и скоро будет дома. Приехав, окинув меня быстрым взглядом, как бы между прочим спросила: «А это еще что за девушка?» Собираемся все уходить, но Ерофеев меня упорно задерживает. Уже в дверях сказал: «Обязательно звоните и приезжайте в любой момент». «Петушки» мои не подписал, а отдал читать их художнику Сереже. «Пусть просвещается», — сказал он.

Ерофеев мне сам начал звонить. Почти каждый день. Иногда просил об этом Галину: «Мальчик очень просит, чтобы вы приехали».

Разговаривали мы с ним обо всем, на любые темы, но особенно ему нравилось, когда я несла всякую околесицу. Я это сразу отметила и всегда старалась его рассмешить. И это было совсем не трудно. Он любил посмеяться. Иногда хохотал над моими глупостями до упаду, до слез. Тогда Галя, голосом строгой жены, говорила: «Шмелькова, ну хватит же. Ему вредно так смеяться. У него же большое горло!» Как-то при очередном приступе смеха Веничка мне

сказал: «Если моя любимая Беллочка Ахмадулина — декадентка, то ты прямая ей противоположность — каламбуристка».

Я уже чувствовала, что стала ему необходимой, хотя порой (особенно по телефону) приходилось выслушивать самое разнообразное: «У меня-то все серьезно. Ты моя планида», «Ты мне уже так долго мешаешь жить. Таких, как ты, давить надо», «Ты не меня жалеешь. Ты себя пожалей. Ты родить еще можешь? Тогда бы я выколотил деньги из-за границы, и мы бы купили в Америке колясочку».

Галя потихоньку раздражалась. Как-то сама, пригласив меня к ним в гости, вдруг неожиданно выпалила: «Не слишком ли вы к нам зачастили?» По донесению Венички, она начала собирать обо мне информацию. Первым откликнулся ближайший друг всех московских, и не только московских знаменитостей, Станислав Лён*. Откликнулся, ревнуя всех к Ерофееву, весьма злобно, на что Веничка отреагировал спокойно: «По отношению моих знакомых к тебе, — сказал он, — я определяю их отношение ко мне».

Еще в первые дни нашего знакомства Ерофеев попросил Лёна пригласить меня с Майей Луговской**, вдовой поэта Владимира Луговского, в открывшееся в самом центре Москвы поэтическое

* Настоящая фамилия Епишин. Близкий друг Ерофеева. Доктор наук, литератор, лауреат премии В.Даля.

** Ученый-гидрохимик, литератор, художник.

кафе «Гном». Предстоял интересный вечер. Ожидалось выступление поэтов и художников — Льва Кропивницкого, Игоря Холина, Генриха Сапгира и других шестидесятников. Лён клятвенно обещал Веничке выполнить его просьбу, но конечно же нам не позвонил. Ерофеев был страшно расстроен, тем более что финал этого вечера оказался для него печальным. В теплом кругу знакомых и друзей он неожиданно опьянел. Постепенно все разошлись, оставив его одного без денег, не ориентирующегося ни во времени, ни в пространстве. Спасла Ерофеева художница Марина Герцовская. Не будучи с ним знакомой, взяла такси и доставила домой на Флотскую.

Я на Флотской. Звонит Ната А.: «У меня Игорь Ворошилов. Очень хочет вас видеть». У Вени депрессия. Идти отказывается. Еле уговариваю. Из всех сил стараюсь его развеселить. Игорь, скользнув по мне своим острым пронизательным взглядом, воскликнул: «Да она же его любит!» А Веничка холодно отрезал: «Ты с каждой минутой становишься все вульгарней». Но по возвращении домой вернул и подписал мои самиздатские «Петушки»: «Милой Наталье Шм. подписываю этот паскудный экземпляр с почтением и нежностью. Помнящий неизменно В. Ероф. 27/11-87 г.»

Галя посылает нас с Веней в аптеку, выдав ему 25 рублей на всевозможные лекарства. Ценя ее доверие, отчаянно сопротивляюсь, когда он на все день-

ги закупают вина. По возвращении — дикий скандал. Я реву. Веничка невозмутим и даже придумывает Гале, как он выдворил одну даму с модной прической из очереди за вином: «Я ей все-таки модную прическу попортил! Я ее внутри магазина постоянно отстранял. Она мне: «Сволочь! Я все-таки раньше тебя возьму!» Тогда я сверху беру ее за волосы и швыряю на пол! Гул одобрения». Ну и выдумщик Ерофеев!

Галя оставляет меня ночевать. Даже приносит в постель какие-то успокаивающие капли, говоря при этом: «Двоих я вас, наверное, не прокормлю». И добавляет: «Да, Ерофеев, любовь — не картошка».

Утром, к великому моему удивлению, Галя приглашает меня в гости к своей матери Клавдии Андреевне Грабовой. Я с ней еще не знакома и воспринимаю свое появление в ее доме как смотрины. Встретила внешне доброжелательно. За беседой незаметно ко мне присматривается. Галя с Веней подчеркнуто внимательна и нежна. При прощании, как бы между прочим, Клавдия Андреевна наказывает: «Веня, держись Гали!»

Галя в своем отношении ко мне совершенно непредсказуема. Позвонила по телефону и пригласила приехать, чтобы всем вместе послушать выступление по телевизору Высоцкого. Веничка его очень любит. Являюсь. Не могу не почувствовать ее сильное раздражение, вызванное моим присутствием.

Слышу, как Ерофеев ей шепчет: «Не обижай девчонку». Собираюсь домой. Веничка умоляет: «Не уезжай, не уезжай!» Из глаз его градом сыплются крупные слезы. Первый раз вижу его в таком состоянии. И все же уехала. Из-за Гали. Она вышла на кухню и долго, в оцепенении, подперев голову рукой, смотрела в темное окно...

Веничка выразил желание приехать ко мне в гости на Юго-Запад. До самого подъезда его провожала Галя. Зайти отказалась, как ни уговаривала. Сразу же обругал все вывешенные на стенах картины художников-шестидесятников. Даже моего любимого Зверева. «Какие-то все дутые», — сказал он.

Правда, похвалил одну мою работу — занесенную снегом в вечернем лиловом лесу часовенку.

Через несколько часов по вызову Венички с несколькими бутылками сухого вина появился «любимый первенец» Вадим Тихонов*. Вижу его впервые. Показался занятым. По неумным комплиментам в мой адрес сразу чувствую его прочную неприязнь к Гале: «Поздравляю, Ерофеев. Наконец-то тебе повезло! Надо же, без горла — и такая любовь! К ней грязь не пристанет. Видела бы Носова, что у тебя появился аппетит» (Веня съел омлет).

Мне: «Он тебя постоянно цитирует, все за тобой за-

*Ближайший друг Ерофеева со времен учебы во Владимирском пединституте, которому посвящены «М—П». «Первенец» — т.е. первый ученик, один из первых читателей поэмы и восприимчивый ее. Персонаж «М—П». Умер в 2000 году.

писывает. Ушел бы от нее, если бы она не попадала в больницу. Ей от него только валюта нужна и т.д. и т.д.»

Веничка поддакивает: «Она думает, что только при ней я могу писать». Вадик удивлен, что Галя меня еще как-то терпит: «Пожилых женщин она не признает. У них все может быть серьезным. Вот молоденькие — куда ни шло. У них все кратковременное».

Разговор прерывается появлением моего отца. Они с Ерофеевым заочно знакомы. Папа восхищается его «Петушками». Веничка слышал о нем, как о крупном ученом, остроумном, доброжелательном, разносторонне образованном человеке. Папа только что прочитал «Вальпургиеву ночь» и охотно делится своими впечатлениями. Уходя, с добрым автографом подарил Вене свою книгу о Ферсмани. Ерофеев рад подарку, тем более, что в книге есть глава «Хибинская эпопея», а ведь Кольский полуостров — его родина. «Я думал, что войдет кто-то вроде Докучаева, — сказал Веничка, — а он, оказывается — свой парень». И уже потом, когда прочтет папину книгу, он мне скажет: «Мне очень понравился А.И. (Александр Ильич Перельман. — *Н.Ш.*), но я не ожидал, что он так замечательно пишет. А получить от меня такой комплимент, сама знаешь — не так просто».

Периодически звонит Галя. Ерофееву: «Ты что, переселился?» Собираются уходить. Поспешно убираю квартиру. Веничка очень внимательно наблюдает за моими действиями: «Первый раз вижу тебя за таким занятием». Вадик уходит недовольным: как будто выпроводили.

Уже давно призываю Ерофеева на время покинуть душные стены Флотской и отправиться в «Пушкинский» на выставку «Прадо» — «От Гойи до Пикассо». Пойти согласился с радостью, но ведь он непредсказуем!

Строгий договор с Ерофеевым в субботу посетить Абрамцево. Ведь мы уже так давно мечтали поехать туда в гости к Саше Епифанову («Епифану»), его доброму другу, физику, внуку художника Грабаря.

Ерофеев (деловито): «У Грабаря младшего, наверняка, есть чуть самогону. Во всяком случае по телефону он мне дал это понять потому, что рядом была Надька — Галина подруга. Я обещал сделать пасхальный взнос Грабарю на сахар. У него сложная система. Я ему просто дам рублей пять».

Наконец собрались.

На вокзале первым делом порываюсь сбежать за билетами. Ерофеев в недоумении: «Ты что? Не читала «Москва — Петушки»?» Едем зайцами и, конечно, контролеры — двое мужчин и женщина. Странно. Почему-то они направляются сразу к нам, в самую середину вагона. Веничка немедленно установился в окно. Значит, придется отбиваться одной. Возмущена.

— Почему такая молодая и так сильно поседела? — по-свойски, с улыбкой обратилась ко мне подвыпившая контролерша.

— Как увидела вас, так сразу и поседела, — буркнула я.

Все трое рассмеялись и присели на лавке напро-

тив. Завязалась неторопливая беседа. О многом контролерша меня расспросила и о многом сама рассказала. И за что сын ее 3 года отсидел за решеткой, и почему дочь разошлась с мужем, и т.д. и т.д. Пассажиры-безбилетники смотрели на меня как на спасителя.

На платформе в Абрамцеве Веничка очень серьезно спросил меня: «Ты теперь понимаешь, как пишется проза?»

Епифан встретил радостно, гостеприимно. Уже на подходе самогон. Приготавливает он его, судя по сложной аппаратуре, со всей ответственностью и любовью. А Веничка вносит свой вклад: деньги за сахар.

А потом — соревнование по стрельбе из моего спортивного чешского пистолета. Мишень — маленький резиновый рыжий медвежонок. Каждому — по три пульки. Первым стреляет Веничка. Медленно-медленно опускается на корточки и долго-долго целится. Рука его неумолимо тверда, а глаза мне кажутся даже жестокими. Три выстрела — а медвежонок и не думает падать. Ерофеев по-детски огорчен, и мы ему как классика со скрипом выделяем еще две пульки.

И все-таки (забегая вперед) мой пистолет сыграл свою зловещую роль... В Абрамцеве есть маленький летний домик, который Веня с Галей, когда у них еще были деньги за переводы «Петушков», мечтали купить. Внесли они за него немалый залог, но были обмануты: и домик им не продали и залог

не вернули. Поселились в домике, как поняла из рассказа, какие-то кагэбисты. Не антисоветчику же Ерофееву его отдавать! Вроде бы так и объяснили отказ.

В один из прекрасных морозных солнечных дней повели меня Веня с Галей показать этот злосчастный домик. Зимой в нем никто не жил. Прихватили пистолет. Галю оставили стоять на дороге, как говорится, «на шухере», а мы с Веничкой, открыв калитку, пробрались по сугробам к застекленной терраске. На столе, застеленном белоснежной скатертью, красовался недопитый бокал красного вина. Пять пуль скользнуло по стеклу. Шестая — пробила его насквозь, угодив прямо в бокал!

И снова в Абрамцеве. На этот раз у давнишних Веничкиных знакомых — известного физика Александра Леонтовича и его жены Людмилы. Ерофеев любит бывать в этом доме, тем более что у Леонтовича на даче, как и в Москве, хранится огромная коллекция пластинок классической музыки, которую Веничка так любит.

Конечно, он не может явиться без «гостинца» и заговорщицки уговаривает меня в магазинчике, что недалеко от прудика «Шоколадка», купить хотя бы две бутылки пива.

— Какое вам еще пиво? — огрызнулась на меня заметно подвыпившая продавщица с лицом цвета бордо. — Здесь же зона отдыха!!!

— А что, — вежливо спрашиваю, — разве пить пиво это такой невыносимо тяжкий труд?

Веничка смеется: «Иногда изрекаешь что-то путное».

По дороге к Леонтовичу клянусь Ерофееву, что буду купаться в «Шоколадке» даже в самые лютые морозы, если он только будет писать «Фанни Каплан». Ерофеев на это: «А кто будет вылавливать твой труп?.. Да, — говорит он, — как жаль, если я не закончу свою самую смешную вещь!» Вкратце рассказывает сюжет: «Это трагедия в пяти актах. Участвуют в ней: Мишель Каплан — хозяин заведения (приемного пункта винно-водочной посуды). Появляется только в третьем акте и в состоянии белой горячки. Гибнет в начале пятого. Фанни Каплан — дочь его. Лет семнадцать. Слабоумная от рождения. Лжедмитрий и Лжедмитрий Второй — собственно — приемщики посуды. Развязные придурки. К концу пятого акта все околевают» и т.д., и т.д.

Наконец, у Леонтовичей. Встретили гостеприимно. Интересные разговоры, домашняя наливка, по желанию Ерофеева заводится его любимая музыка. Засиживаемся допоздна, и хозяева предлагают нам остаться у них переночевать.

Утром снова у Епифана. Встречает, как всегда, радостно. Неожиданное появление старого Веничкиного приятеля Виктора Тимачева по прозвищу Тимак. А я его сразу назвала «Рюкзаком». Веничка рассказывал мне, что он все время приезжал в Абрамцево с большим-большим рюкзаком, на дне которого неизменно бултыхалась маленькая-маленькая бутылочка со спиртным. «Рюкзак» Веничку обо-

жает, боготворит. Смотрит на него с почтением, и Ерофеев принимает его любовь.

Разъехались поздно вечером.

Ерофеев экзаменует меня: «А скажи-ка, за что же тебе все-таки так нравятся «Петушки»? Растерявшись от неожиданности вопроса, говорю первое попавшееся: «За музыку, за звучание... Поверишь ли, от твоих отдельных фраз порою просто мурашки по коже бегут. Ну, например: «А бубны гремели. И звезды падали на крыльцо сельсовета. И хохотала Суламифь». — «Кое-что понимаешь», — отреагировал Ерофеев.

При прощании написал мне небольшой список книг, необходимых ему для чтения: «Если попадетсЯ, обязательно купи».

Русская поэзия.

Плещеев. Б. серия.

Лохвицкая.

Кюхельбекер в 2-х т.

Дельвиг. Б. серия.

Андрей Белый. Б. серия.

Павел Васильев. Б. серия.

Бестужев-Марлинский. Б. серия.

Пастернак в 4-х томах (в доме только малая серия).

Зачем-то пожаловалась Веничке на плохое самочувствие — сильные боли в сердце и горле. «Ну что ж, умирать будем вместе», — сказал он.

Впервые от него узнаю, как в 86-м году его не пустили на лечение во Францию. Приглашали: глав-

ный хирург онколог Сорбонны и филологический факультет (2-е русское отделение) того же Сорбоннского университета. Причина отказа властей: откопанный в трудовой книжке четырехмесячный перерыв в работе в 63-м году. Был потрясен. Уже потом в одном из интервью он скажет: «Умру, но никогда не пойму этих скотов».

Апрель

Едем с Веничкой за город к его старым друзьям — многодетным Лере и Коле Мельниковым. Очень приятная пара. В Москве в «Детском мире» купили в подарок пластинку — Гумилев в исполнении Евгения Евтушенко.

Жилище Мельниковых оказалось в моем вкусе. Большой деревянный дом, полузаброшенный сад, распластавшийся на траве обшарпанный катер. За дверью на наш звонок откликается яростным лаем собака. У нее новорожденные щенята. Веничка признается, что не любит и боится собак, и галантно пропускает меня вперед.

В скромно обставленной комнате над старым пианино бросается в глаза портрет Вагнера. Любимый композитор? Очень даже возможно. По донесению Ерофеева, мать милого Коли Светлана Мельникова состоит в обществе «Память», а великий композитор, как известно, был не менее великим антисемитом. Но я отвлеклась.

Впереди Пасха, и Лера заранее приготовила к ней бутылъ прекрасной домашней настойки. По настоянию Венички, она немедленно нами выпивает-

ся. Вечером — просмотр киноплёнки: Коля еще до операции снял Ерофеева на видеокассету.

Зная, что Ерофеев был верующим, что христианские принципы были для него священными уже с семнадцатилетнего возраста, что проповедовал он их «по мере сил» и среди студенчества, как-то спросила его, почему он до сих пор не крещен?

Рассказал, что разговоры идут об этом уже давно. Что приезжали уговаривать его даже священники. Заявил, что не любит православие за холуйство. Что если бы Господь дал ему еще два-три года, то написал бы книгу о православии. Сказал, что сейчас готов креститься, но что примет католическую веру. Попросил раздобыть книгу Карсавина «Католицизм». Предложил мне быть его крестной матерью. Спросила, почему именно я?

Рассказал свой сон. Будто много дней шел он по безводной пустыне и умирал от жажды. Неожиданно появилась я и напоила его своим молоком. Сказал, что где-то читал, что крестная мать даже важнее родной. «Вот связалась со мною, теперь и тяни!» — закруглил он разговор.

Отправилась в костел Святого Людовика к отцу Станиславу. Преклонных лет латыш, на первый взгляд, несколько надменный, выслушал меня очень внимательно. А мой вопрос, может ли православная быть крестной матерью католика, привел его, как мне показалось, просто в недоумение.

«А почему бы и нет?» — удивленно развел он руками.

Договорились, что крестить Ерофеева будут на Пасху, 17 апреля. В этот день католическая Пасха совпадала с православной. У меня уже был приготовлен для Ерофеева католический крест с распятием, привезенный моей матерью несколько лет назад из Польши, из Ченстохова, и приобретенный ею там на Пасху.

В этот же день позвонила Вене, сообщив о назначенной дате. Дал свое согласие. «А кто будет совершать обряд?» — спросил он. И пообещал: «Я эту Страстную неделю попробую жить всухую. А в Пасху наверстаем. Семь дней для размышлений, а я очень умею размышлять». Сказал, что крестным отцом его будет старинный друг и наставник по университету филолог Владимир Муравьев. Зная, что он католик, подумала: наверное не без его влияния примет Веничка католическое крещение.

17 апреля

Вспоминаю, как он, имея обыкновение всегда опаздывать, пришел в этот день в точно назначенный срок — 10 утра. Он был, как никогда, подтянут, чисто выбрит, в белоснежной рубашке. При всем умении казаться бесстрастным, не мог скрыть своего волнения. Правда, не упустил случая сострить: «Ты что, ведешь меня в КГБ?» (т.к. встретились на Лубянке у «Детского мира»).

— Почему так поздно креститесь? — строго спросил его отец Станислав.

— Я с тридцать восьмого года! — кратко пояснил Ерофеев.

— Молитвы знаете?

— Даже по латыни. Проходил в университете, — ответил Веничка.

Начался обряд. Крестил ксендз Петр. Ерофеев не мог скрыть своего волнения. У него дрожали губы.

Началась служба. Поились звуки органа. Запел хор. У Венички на глаза навернулись слезы. Причащались с ним, стоя рядом на коленях.

Отмечали на Флотской. Ожидались гости, и Галя приготовила праздничный ужин. Среди пришедших были и старые Веничкины друзья — поэтесса Ольга Седакова* со своим мужем-композитором Валерием Котовым. Он сразу сел за расстроенное пианино и вдохновенно исполнил начало 1-го концерта Чайковского.

— Веничка, — позвала я его, — Валера в честь тебя исполняет свое последнее сочинение — «Первый концерт Чайковского!»

— Это в стиле Пригова, — улыбнулась Седакова.

Подаренный мною польский крест с распятием Веничка повесил над изголовьем, но Галя его очень скоро сняла, сославшись на то, что Эдик — сосед по подъезду — не только алкаш, но и kleптоман.

Слух о принятии Ерофеевым католичества быстро облетел Москву. Реагировали по-разному. Одни

*Поэт с мировой известностью. Лауреат нескольких европейских премий. Упоминается в поэме «М—П»: «Пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессою...»

негодовали. Другие воспринимали свершившееся как эпатаж. Кто-то возмущался: «Православная не может быть крестной матерью католика». Некоторые просто беззлобно посмеивались.

Апрель

Разговорились о литературе. «Всем признателен, всех люблю, — сказал Ерофеев, — которым хоть чем-то обязан».

Своими литературными учителями он считал Салтыкова-Щедрина, раннего Достоевского, Гоголя и многих других. Про Гоголя, например, сказал: «Если бы не было Николая Васильевича, и меня бы как писателя тоже не было, и в этом не стыдно признаться».

Современную отечественную прозу обсуждать не любил. Мало кого в ней признавал и из тех немногих особенно выделял Василя Быкова и Алеся Адамовича. Преклонялся перед Василием Гроссманом. Даже попросил меня привезти перечитать «Жизнь и судьбу». Сказал: «Перед Гроссманом я встал бы на колени и поцеловал бы ему руку».

Из западных писателей Ерофеев любил Стерна, Рабле, Кафку, которому, как он считал, многим обязан, Гамсуна, Ибсена, Фолкнера, преклонялся перед Набоковым: «Никогда зависти не знал, но тут завидую».

В литературе, как и вообще в людях, Ерофеев не переносил бездушия. Как-то сказал: «Я хоть и сам люблю позубоскалить, но писать нужно с дрожью в губах, а у них этого нет». Во многих писателях его

коробила «победоносная самоуверенность» — «писатели должны ходить с опущенной головой». Не признавал напыщенности — «писать надо, как говоришь».

А писать ему хотелось всегда, но мешала болезнь — тяжелейшая операция. Когда многие, чуть ли не до последних дней его жизни, обращались к писателю с просьбой дать письменное интервью, написать предисловие к авторскому сборнику стихов и т.д., он часто отказывался, порою отшучиваясь: «Времени нет. Оно все уходит на то, чтобы не умереть».

При прощании Ерофеев дал мне список необходимых ему книг.

БВЛ. Гомер — Илиада, Одиссея.

Данте — Божественная комедия.

или Гомер — Илиада (в серии антич. классики).

БВЛ. Античная лирика.

В той же серии антич. класс.:

Эсхил — все трагедии.

Софокл — - - - -

Плутарх — сочинения.

Овидий — Метаморфозы.

В любом издании и в любом виде Цицерон, Ю.Цезарь, Геродот, Фукидит, Александрийская поэзия, Тацит.

Хоть что-нибудь Шекспира (у меня дома только Король Лир и комедии — 7 штук).

Фет. Толстой синий том Б. поэта.

БВЛ. Рабле — Гаргантюа и Пантагрюэль.

Монтень.

Карсавин — Католицизм.

Гёте — Фауст.

Аверинцев — все, кроме «Плутарха».

Мифы народов мира в 2-х т.

Л.Стерн. «Сентиментальное путешествие»

Апрель

А сегодня почти целый день слушаем с Веничкой классическую музыку, которую он так любит и хорошо знает. Музыкальная память его просто поражает. Коллекция пластинок — большая и с хорошим вкусом подобранная. На полках царит необыкновенный порядок: все расставлено по системе, с большой любовью и аккуратностью. Любую пластинку можно найти за секунду.

Ерофеев любит Шуберта, Брукнера, Шостаковича, Грига и особенно Сибелиуса. Очень часто слушает его музыку в последнее время, говоря, что неотвязно — постоянно снится ему Кольский полуостров. Вот и сегодня заводи́ли Сибелиуса. «Послушай мою Родину», — сказал он мне.

Отдавая предпочтение классике, Ерофеев не отрицал и другие жанры: «Было бы только талантливо». Как-то сказал: «Я был бы счастлив, если бы написал две-три хорошие русские песни».

Очень любил русские романсы. Показал мне свой пухлый дневник под названием: «Русский романс от Титова до Свиридова». Не поленилась и все и всех пересчитала. Поразилась. В блокноте оказалось 57 авторов и 943 романа!

Любил Ерофеев и живопись. Был знаком со многими художниками. Относился к ним несколько скептически. «Я за ними часто наблюдал, — как-то сказал он, — как правило, их, кроме своей работы, ничего больше не интересует». Допустила, что это было сказано в плохом настроении.

Настроение у Ерофеева прекрасное. Хочется вырваться куда-то на волю. «Ну что, — спрашивает, — посетим, наконец-то, вашего легендарного художника — чудака Виктора Михайлова, у которого на Рылеева часто приостанавливался Толя Зверев?» — «Конечно, посетим, — отвечаю. — А ты со Зверевым был знаком?» — «Как ни странно, не был, — ответил Веничка, — хотя многие считали нас чуть ли не друзьями». — «И очень жаль, — говорю. — Ведь Зверев написал бы с тебя столько замечательных портретов, а ты исписал бы за ним не одну страничку своих дневников. Ведь он был замечательным, остроумным рассказчиком. Порою такое нес, что тебе и не снилось». — «Ну, ну», — засомневался Ерофеев. — «А стихи какие он за секунду писал! Ну, чтобы тебя не утомлять — вот к примеру самое коротенькое: «Дождик лил, а я пил» — ну как?» Ерофеев только рукой махнул...

У метро «Кропоткинская» нас уже дожидались Веничкины друзья: артисты Леша Зайцев и Жанна Герасимова. Показались очень милой парой. На наш звонок дверь открыл сам хозяин — нарочито всклокоченный, в очках, из-под которых пробивался острый, пытливый взгляд бесенка. Элегантно покло-

нившись, он проникновенно поцеловал Ерофееву руку, а Веничка невозмутимо, как будто ему каждый день при встречах ручки целуют, неторопливо проплыл на кухню.

Ему здесь уютно. Беседа льется рекой. Обожающий его Зайцев беспрерывно читает монолог за монологом, периодически заключая Ерофеева в объятия, объясняясь ему в любви и восхищаясь его талантом.

Жанна потихоньку мне рассказывает, что Ерофеев при встречах почему-то упорно ее не узнает. А ведь она не раз с Зайцевым навещала его в больнице. Объясняет это его холодностью, надменностью. «Сейчас он стал намного мягче», — сказала она.

Засиживаемся допоздна. Вечером, после их ухода, происходит что-то вроде пожара. Почему-то лопнула лампа, и маленький язычок пламени пополз вверх по проводу, немного задев угол какой-то картины. Мистификатор Михайлов изображая ужас, бессмысленно метался по огромной квартире с какими-то тряпками. А я-то, зная его, видела, что пребывал он в истинном восторге от происходящего. И не ошиблась. Не прошло и дня, как всей Москве уже было известно, что в доме Михайлова в присутствии Ерофеева дотла сгорел Василий Ситников!, подлинник Ватто!!, и, если мне не изменяет память — Рафаэль!!!

Об этом мне сказала поэтесса Татьяна Щербина, которая в свою очередь слышала о происшедшем от великого художника и великого фантазера Дмитрия Плавинского.

— И что же такое у вас произошло? — с непод-

дельным ужасом в голосе спросила она меня при встрече.

Галя, почему-то разыскивающая Веничку, отлично зная, где он, продолжала неустанно наводить обо мне у общих знакомых очередные справки. Уже потом, по донесению Ерофеева, узнала, как отозвался обо мне наш общий знакомый — замечательный художник и поэт — Борис Козлов: «Наташка — чудесный человек, но, как и многие из нас, немного с сумасшедшинкой».

Апрель

Козлов легок на помине. Позвонил мне и пригласил нас с Веничкой посмотреть его новые работы, а также на какую-то выставку. Спросила его, знает ли он, что Ерофеев крестился на Пасху в костеле Святого Людовика? В трубке — веселый хохот: «Молодцы ребята! Представляю, сколько вы выпили, чтобы придумать такое!»

Являемся. Веничка в своем репертуаре. Сразу уютно пристраивается на диване, не окинув взглядом, хотя бы для приличия, ни одной вывешенной картины.

О многом весело вспоминаем. Например, как однажды моя старшая подруга Майя Луговская попросила Славу Льна и художника Олега Целкова познакомить ее с Ерофеевым. Те пришли к ней в дом с Козловым, выдав его за Веничку. Вечер прошел прекрасно. Очень Луговской понравился Ерофеев!

Без договоренности и, конечно, без билетов едем на электричке в Добрынихи к «любимому первенцу». И, конечно, опять контролеры и на сей раз штраф. С трудом находим Вадикин дом. Знакомлюсь с его женой Любой и дочерью Машенькой. Все едины в желании немедленно отметить встречу. Оставив Веничку на попечение домочадцев, отправляемся с Вадиком по шпалам за вином. За беседой в очередной раз он выражает удивление, как Галя еще меня терпит? Дает мудрые советы, как Веничке не надоесть. По возвращении — уже накрытый стол. Вечером — прогулка к маленькому пруду с разжиганием костра. Веничке холодно сидеть на непрогретой еще солнцем земле. Протягиваю ему свою шерстяную кофту. «Какая самоотверженная девчонка, — хвалит он меня, — сама мерзнет, а мне кофту отдает». Опаздываем на последнюю электричку и остаемся до утра. Перед отъездом Веничка деловито берет из книжного шкафа и кладет себе в сумку несколько книг, заявив, что Вадик ничего не подарил ему в день рождения. Тихонов смиренно молчит. Провожает нас до электрички, но Веничке еще хочется подышать свежим воздухом. Долго бродим по лесу. Устал... Сооружаю ему настил из папоротников, и он безмятежно засыпает. Простились в Москве на вокзале.

10 мая

Еду на 3 дня от МГУ на всесоюзное совещание в Таллин. От Ерофеева впервые узнаю, что на кладбище «Александра Невского» похоронен любимый им

Северянин. Шестнадцатого мая — столетие со дня его рождения. Веничка просит посадить на его могиле цветы. Желательно незабудки. Выбираюсь только к вечеру и выполняю просьбу. Для отчета, зная о его недоверчивости, зарисовываю надгробную плиту с высеченными на ней строками: «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб». На могиле — уже принесенные кем-то розы... Беру с земли несколько лепестков и уже в гостинице приклеиваю их на листок с зарисовкой. И еще внизу приписываю несколько сочиненных экспромтом строк:

На заброшенном кладбище «Невского»,
Приютившемся в чопорном Таллине,
Есть могила поэта известного,
Игоря Северянина.

Я пришла туда поздно вечером.
Я искала ее робея.
На могилах горели свечи,
И от них темнота светлела.

По приезде в Москву вручаю Вене листок, извинившись за пошловатость оформления. «Ничего, ничего, — сказал он, — это как раз в духе Северянина», — и бережно повесил его над письменным столом.

Сообщил новость: Каверин в кооперативном книгоиздательстве собирается опубликовать «Москва — Петушки» и уже приезжали от него два гонца и взяли экземпляры.

Вечером заехала к Майе Луговской. Показала ей Венины фотографии. Она рассказала мне, как он с Олегом Целковым и Борисом Козловым лет 10—12 тому назад были у нее в гостях. Уходя, Веня забыл у нее книгу — пьесы Булгакова («Дни Турбиных» и «Последние дни Пушкина»), в которой, как она потом обнаружила, были заложены маленькие офорты неизвестного ей автора. Напомнила, как через 2—3 года, еще задолго до нашего с Веничкой знакомства, она подарила их мне на день рождения. Луговская восприняла это все, как мистику. «Ты же понимаешь, — сказала она, — что это он подарил их тебе, а не я!» Показала мне оставленную у нее Веней книгу с автографом: «Дорогие Лидия Николаевна и Иван Васильевич! Примите от меня эту книгу — первое издание двух пьес Михаила Булгакова. Мне приятно сознавать, что эта книга будет у вас. Меня всегда трогало ваше отношение к моему брату. Н.Булгакова-Земская».

«Ну и Веничка, — думаю. — Как же он мог не вернуть такую книгу, да еще с автографом, ее владельцам!»

Гуляя с Ерофеевым по Москве, случайно забрели к моей давнишней знакомой — интересной художнице и замечательной рассказчице Татьяне Киселевой. А у нее, оказывается, сегодня день рождения!

За столом — приятная компания. Из знакомых мне — журналистка Наташа Бабасян, искусствовед Таня Метакса — родственница известного коллекционера авангардной живописи Георгия Костаки,

Леша Панин — сын замечательного композитора и гитариста-виртуоза Петра Панина и сам музыкант. Они все знают «Петушки», и наше появление встретили «на ура».

Веничка быстро освоился в неизвестном ему обществе. Первый тост, конечно, предложили за него. А второй, неожиданно для всех присутствующих, он предложил за удачное приземление на московской земле Беллы Ахмадулиной. Она сегодня со своим мужем, художником Борисом Мессерером, возвращается из США.

Ерофеев с увлечением рассказал нам, как 13 февраля он провожал их в Соединенные Штаты. Самое сильное впечатление на грандиозном сборище на даче Ахмадулиной в Переделкине на него произвели коньяки, расставленные по задумке Беллы журавлиным клином, — острие клина было направлено ему прямо в грудь!!!

Уже поздно. Идет оживленная беседа. Расходиться никому не хочется, а магазины, конечно, уже давно закрыты.

Первым вызвался раздобыть что-то Леша Панин. Веничка сомневается: «Ведь уже так поздно!»

Леша (чуть ли не патетически): «Как?! И я для своего кумира чего-то не достану?» Мгновенно исчезает. Через несколько минут торжественно возвращается с ожидаемой ношей. Вечер продолжается...

Веничка чуть ли не несколько дней с удовольствием все вспоминал Лешины слова: «И я для своего кумира...?»

Белла Ахмадулина и Борис Мессерер, вернувшись из США, приглашают Веничку в гости, сообщив, что привезли ему «вагон подарков». Галя в сильной простуде, и Веничка уговаривает меня пойти с ним.

Дверь мастерской, что на улице Воровского, открыл нам несколько смущенный Мессерер: «Белла спит», — сказал он. В мастерской идет что-то вроде ремонта. Приятного вида молодой человек поправляет проводку, чинит выключатели и т.д. и т.д. Мессерер, как руководитель происходящего, в мелкой суете. Беседа не вяжется, и я уже рада, что составила Ерофееву компанию, развлекая его какими-то пустяшными разговорами. Где-то через час Мессерер отправляется на Арбат и возвращается оттуда с двумя бутылками коньяка. Раздается легкий стук каблучков, и появляется Белла — как всегда в черном, таинственная и печальная. Обняла Веничку. Нежно поцеловала. Протянула мне руку. Он представил меня ей как свою крестную. Садимся за стол. Белла волшебным голосом читает с листа два последние свои стихотворения. Преподносит в подарок Веничке изящный японский магнитофон.

Напомнила ей, как в 84-м году я сопровождала ее на машине в Дубну, в Дом ученых, где моя подруга Галина Анискина устраивала ей персональный вечер, прошедший, конечно, с большим успехом. «Очень приятная женщина», — отозвалась Ахмадулина. Вспомнила и о моем пребывании на ее вечере. Она мне тогда сказала: «Умеете слушать. Я это чувствовала со сцены» и подписала пригласительный

билет: «Наташа! Спасибо, что мы совпали в дне и жизни. Ваша Белла. 30.10.84.»

Уже поздно. Коньяк на глазах исчезает. «Почему так мало купил?» — с легким укором спрашивает Ахмадулина Мессерера. Берем такси и едем в ресторан (в Дом кино?). На всякий случай Белла оставляет на двери записку Гале, где мы находимся.

Зал заполнен. Мест нет. Никого уже не пускают. Мессерер говорит метрдотелю о Ерофееве, как о лучшем писателе России. Сразу освобождается столик. Две бутылки сухого вина. Легкая закуска. Белла рядом с Веничкой. Нежно гладит его по руке: «Самый высокий... Самый, самый...» Периодически кто-то подходит к нашему столу и их фотографирует.

На улице, при выходе из ресторана, Веничка идет с Мессерером, а мы с Беллой — чуть поодаль. Разговорились. Осторожно спросила меня про Галю: «Что она из себя представляет?»

Попросила Беллу поскорее, если это только возможно, посодействовать поездке Венички с письмом в Париж для лечения.

— Да, да, конечно, — сказала она, — но вы не представляете, как это все трудно сделать.

Мессерер остановил машину. Очень деликатно, незаметно вложил мне в руку деньги, чтобы довезли Ерофеева до дома. Тепло попрощались.

У Веничкиных друзей филологов Люси и Марка «Булгачат» — день рождения их крохотного сына, и Ерофеев просто умоляет пойти меня вместе с ним.

А мне как-то не по себе: непривычная обстановка, незнакомые люди...

— А почему их называют «Булгачатами»? — спрашиваю его.

Веничка ответил, что Люся Евдокимова — жена Марка Гриндберга — приходится внучатой племянницей Михаилу Булгакову. Поэтому так и называют.

— Теперь я, кажется, понимаю, — говорю ему, — что пьесы Булгакова, которые ты несколько лет назад оставил у Луговской, скорее всего принадлежат им.

Обещаю Ерофееву, что заберу книгу у Майи Л. при условии, что он тут же вернет ее Люсе и Марку.

Все приглашенные встречаются в метро на перроне. Первым вижу Бориса Сорокина* с изящным букетом желтых нарциссов. Вслед за ним с двумя персональными бутылками сухого вина в синей холщовой хозяйственной сумке появляется Ерофеев. Сообщает, что вот-вот должны еще появиться Ольга Седакова с Валерой Котовым. Ждем 15—20 минут и, по настоянию Венички, покидаем перрон, несмотря на отчаянное сопротивление Сорокина.

Уже сидя за накрытым столом, Марк, узнав, что мы не дождались Ольгу с Валерой, бросился встречать их к метро.

Вскоре они все появились. Чуть смущенный хозяин дома, бледная, как мне показалось, расстроенная Ольга и, как всегда, улыбающийся Валера, который в честь Венички тут же произнес восторженный

*Старинный друг Ерофеева со времен Владимира. Филолог. Упоминается в «М — П».

тост. В целом все прекрасно: умные, милые, добрые хозяева, интересные разговоры и т.д. и т.д.

Возвращались вчетвером на такси: Ольга с Валерой и я с Веничкой на Флотскую. По дороге Валера даже приостановил машину, чтобы забежать домой и принести нам с Веней на дорогу пачку «Примы».

Невозможно забыть, как ироничен и остроумен был Ерофеев. Он любил шутку, веселую историю, удачный каламбур. Даже самая короткая беседа с ним была всегда праздником. Юмор не покидал его в самых тяжелых ситуациях.

Как многие талантливые люди, он не утратил детской непосредственности. Сегодня, например, рассказывает о своем посещении цирка в 1981 году, куда он пошел со своей знакомой и ее дочкой. Вспомнил, как маленький, дрессированный медвежонок все время падал со стула. Рассказывая, сотрясаясь от смеха, никак не мог дойти до финала. Из глаз его катились слезы. Зимой в Абрамцеве (опережая события — 1990 год) как-то попросил покатать его на санках. Попросил заговорщицки: «Только, когда стемнеет, чтобы никто не видел».

Ерофеев рассказывал, как в одном интервью ему задали вопрос: «А как вы относитесь к женщинам?» На что он коротко ответил: «Противоречиво отношусь». Натурой он был увлекающейся. Считаая себя «врагом всякого эстетизма», любил женскую красоту и даже придавал значение одежде: «У вас, жен-

щин, внешний вид очень зависит от того, что вы носите. А на нас — что ни надень». Сам одевался скромно, не любил обновок, чувствуя себя уютнее в старой одежде. Он не признавал в женщинах вульгарности, бестактности, озлобленности. Цenia женственность, говорил: «К чему все остальное? Уж я-то в стиле что-то понимаю».

Ерофеев не переносил, когда о женщинах говорили непристойности. Рассказывал, как, будучи свидетелем какого-то циничного разговора, ушел, «чуть ли не набив морду». «Как можно так говорить о женщине!» — эмоционально жестикулируя, возмущался он. По его рассказам, он еще с юношества не признавал кратковременных увлечений, ценил преданность, не прощал измен.

Неприхотливый, не придающий большого значения бытовым условиям, Ерофеев очень страдал от своей урбанизированности. Мечтал жить за городом: «Хоть в каком-нибудь самом маленьком домике на берегу хотя бы самой ничтожной речки». А на природе он преображался, сам порою удивляясь, что может пилить и колоть дрова, перелезать через заборы, совершать дальние прогулки в лес за грибами. Грибы были особой его страстью, и он по-детски расстраивался, если не находил хотя бы одной чернушки. Ерофеев любил цветы и с большим вкусом составлял из них букеты. Мог подолгу наблюдать за сидящей на ветке птицей. Любил разводить огород, проверяя по утрам, появились ли новые ростки, топить печку, что проделывал по всем правилам.

Наконец-то ему предоставляется эта возможность: во Дворце культуры «Меридиан» на выставке Анатолия Зверева и Виктора Казарина знакомлю его с Сашей Кроником. Он обещает Вене с Галей на лето сдать часть дома, который снимает недалеко от Москвы в поселке Птичном. Через несколько дней уже можно переезжать.

Мне предстоит командировка в Тольятти. Ерофеев переживает: «Ты все время куда-то уезжаешь... Тольятти надо спалить».

6 (?) июня

Перед самым моим отъездом хозяйка квартирному салону Наташа Бабамян приглашает нас с Ерофеевым на прослушивание его «Вальпургиевой ночи». Читать будет профессиональный артист из Театра Станиславского.

Являемся. Квартира забита народом. Из знакомых мне — художники Таня Киселева, Саша Москаленко и с букетом роз для Венички филолог Занна Плавинская*. Она уже как-то встречалась с Ерофеевым на квартире Славы Льна, где часто собирались литераторы и художники, читались по кругу стихи и проза. Занна рассказала, что, когда очередь дошла до нее, она прочла оду «Бог» Державина. Сидевший особняком и тихо попивавший свой персональный коньяк Ерофеев вдруг произнес: «Какие девушки в Москве бывают. Державина читают наизусть» и почтительно поцеловал ей руку. Больше она его не ви-

*Бывшая жена художника Дмитрия Плавинского.

дела и в этот вечер так и не поняла, вспомнил ли он ее.

Подошел к Ерофееву художник Саша Москаленко. Застенчиво попросил разрешения сфотографировать его. Познакомила их. Саша пригласил нас к себе в гости на Арбат, где у него квартира-мастерская. Договорились обязательно встретиться после моего приезда из Тольятти.

А потом выступление артиста. Читает он «Вальпургиеву» с листа, целиком, без перерыва. Ерофеев, подперев голову рукой, слушает очень внимательно, не шелохнувшись. По окончании чтения спрашиваю его: «Ну как?», имея в виду, конечно, исполнение. «Писать надо лучше», — с неподдельной мрачностью ответил он.

Приглашают остаться на чай, но Веничка вежливо отказывается. Состояние его из-за моего отъезда чудовищное. Стараюсь его чем-то отвлечь. «Все не то...» — говорит он. Обещает написать мне в Тольятти письмо.

Взволнованно сообщил новость: сегодня он стал дедушкой! Родилась девочка, которую, наверное, назовут Настей.

В Тольятти покупаю Вене массу книг: Мандельштама, Хлебникова и т.д. Почти каждый день звоню. Разговаривает со мной коротко и сухо, а то и бросает трубку. Лишь в последний мой звонок слышу: «Приезжай, скорее приезжай! Какие там дела? Мне бы твои заботы». Перед самым отъездом в Москву получила от него сразу два очень теплых письма.

«Милая и пустая девчонка, здравствуй. И как без тебя тошнехонько!

Со времени твоего отъезда началась полоса полуоцепенелой полуразбитости, вернее, полоса сиротства и умственного распада. И безрадостности. Потому и пишу коротко, безвкусно и уныло.

С 10-го числа в столицу не выползаю. Я там совсем околею от скорби. Здесь, в маленьком домике, я от той же скорби тоже немножко околеваю, но каждый раз утром обнаруживаю себя в живых. Охоты шастать по лесам почти нет, да и какой смысл без тебя? Все-таки по принуждению шастаю и вменяю себе в обязанность умиляться постылыми лютиками. Если не считать вчерашнего позднего вечера, своей писанины не касался. Вчера перед сном чуть-чуть покропал. Вчера же привезли твой польский крест с распятием, я тут же повесил его над головою: вдруг Господь освежит мою душу. Так вот лежу и думаю: «Освежит или не освежит? Освежит, наконец, как не освежит!» А сам в ожиданиях все-таки что-нибудь отваживаюсь делать: посадил 6 грядок укропа, 2 салата и две петрушки. Когда сажал и поливал, размышлял про себя (что я мыслитель, ты ведь знаешь), так вот, я размышлял: «А на ... тебе, неумный, петрушка?» И тут же сам себе бойко отвечал (ты ведь знаешь, что я отвечал), так вот, я отвечал: а когда придет Перельманиха, она будет жрать салат, укроп и петрушку без зазрения совести. И будет после этого еще бокастее.

Чем бы тебе еще побахвалиться? Да, вот чем: по-

завчера, на четвертый день сухого закона — у меня прорезался аппетит, и я слопал за день столько же, сколько съедает нормальный здоровый ублюдок. А вчера, в воскресенье, съел уже столько, сколько сжирают полтора нормальных здоровых ублюдка. Что будет дальше, не знаю, но вот, кроме прожорливости, пока ничем порадовать не могу. Но все-таки это верный и добрый признак после весеннего «загула». Остальное приложится после. Машинку привезу через неделю. А на этой неделе жду в гости обещанных крестного папеньку Муравьева и предмет твоей нежности — Владислава Константиновича Епишина. Муравьев будет ультимативно усаживать меня за перо, а Лён — ну чего тебе говорить о нем? Душка — он и есть душка.

Для ради утреннего променажу сейчас отправляюсь в Птичное за молоком (!). Попутно опущу и эту вот короткую писульку к тебе. Напиши мне, Шмелькова, хоть что-нибудь и хоть такого же объему. Что тебе, Кулешова, стоит? Неизменно о тебе помню, Наталья Перельман. Чаше, чем это полезно ...Остаюсь: Венед. Ероф. Утро 15 июня 87 г.»

«Еще одна короткая депеша, милая девка! Только уже не вдоль листа, а поперек. Семнадцатого числа я все-таки бежал отсюда в столицу от всяческих мизантропий. Вернее, от дурной сосредоточенности на чем-то нехорошем (от нехорошей сосредоточенности на чем-то дурном). И тут же вознаградил себя четырьмя бутылками «Свадебного», до такой степени хорошо мной усвоенными,

что второго телефонного разговора с тобой в тот день даже не помню. То есть хорошо помню, что говорил, но что говорил, не помню. Это все от сиротства, от без-тебя-тности и размягчения мозгов. 19-го я еще принимал в гости сестру Тамару, а 20-го отбыл взад, по проспекту Вернадского, в свой нелепейший из всех домиков на свете. Столичный вояж все-таки освежил меня малость. Я забросил все бумаги, плюнул на все книги и три дня кряду слонялся по окрестным лесам с риском заблудиться и сгинуть.

Да, а ргорос, ты напрасно укоряла меня по телефону в холодности тона и пр. Ни о ком на свете, пустушка, я так не тревожусь и так неотвязно-постоянно не помню, как о тебе, бестолочь. Завтра утром что-нибудь прибавлю, хоть новостей нет.

Есть не новости, а только отсутствие новостей: допустим, почему Саня со своей Галиной провалились в никуда? С тех пор, как шестого июня мы с ними раскланялись, они исчезли, как мелкие бесы перед заутреней. Впрочем, ничего. Гуляю один и заблудился всего раза четыре, и ничего серьезного всякий раз. Вот и сейчас, благо кончился дождик, двину в Птичное. Куплю газету «Правда», пакет молока (!) и снова опрокинусь в лес. Никогда я еще так близко не сходил с флорой, как в свой сорок девятый июнь. Букеты, к примеру, я сооружаю такие, что твоему стервецу Кончаловскому до меня «далеко, как до звезды небесной».

Обрываю на этом. Жду тебя в гости, потому что букеты и рукописи — все это хорошо, но без тебя

быть все-таки паскудно. Дай тебе Бог удач на всех глупых путях твоих. Обнимаю.

Венед. Ероф. 23 июня, 87»

(?) Июль

По приезду в столицу, по договоренности с Ерофеевым, сразу отправляюсь в Птичное. Первой увидела Галю. Не ожидала: встретила с приветливой улыбкой и даже предложила клубники с молоком. А у Венички от радости вспыхнули глаза. Шепнул: «Когда я увидел тебя, шагающую по картофельному полю, у меня чуть не разорвалось сердце».

Выбираемся с Ерофеевым в Москву получить его пенсию. Как и обещали, заглянули к Москаленко. У него уже знакомая — замечательная художница-иконописец Лиля Чернякова. Уже заранее накрыт стол. Обмен подарками: Веничка подписывает Москаленко «Петушки», а Саша дарит ему книгу «Ясная поляна» с репродуцированными в ней его акварелями. Приехали еще два его знакомых посмотреть на живого классика. Заехала и Галина, но тут же исчезла, как ни останавливали. Очень любознательно-любопытный Саша спрашивает Веню, почему именно я (?) стала его крестной. Сочтя вопрос несколько бестактным, Веничка отшутился: «Да так, — сказал он, — просто под ноги попалась». Саша отнесся к ответу со всей серьезностью и остался им очень доволен. (Вот так и знакомь любителей знаменитостей со своими друзьями.)

Неожиданно Веничке стало плохо с сердцем. Перепуганный Москаленко, тем более, что это произошло в его доме (не согласовав со мною), бросился звонить Гале и покупать бананы, которые, по его мнению, очень благотворно влияют на сердечную деятельность. Пока он метался по округе, я быстро сняла сердечный приступ. Веничка сказал, что подобное случается с ним довольно часто, и не упустил при этом отпустить в мой адрес маленькую гадость: «Ты, наверное, подумала, что уже «всё». Отмучилась». Был очень доволен, что реплика эта ввергла меня в полное расстройство. Приехала Галина и увезла его на воздух в Птичное. Как потом рассказывал мне Веничка, вечер закончился замечательно. Два-три часа гуляли они по лесу, не забыв при этом прихватить на прогулку целую бутылку водки.

Приезд в Птичное Кроника с Димой Плавинским. Ерофеев отреагировал на появление Д. очень сухо. Обстановка напряженная. Оказывается, как рассказал мне Веня, в прошлый свой приезд Плавинский как бы в шутку что-то съязвил ему в мой адрес. Веничка прежнее: «Нам с тобой очень многие будут мешать».

К вечеру пошла пройтись. У маленького прудика встретила прогуливающегося в задумчивости Плавинского. В разговоре спросила: «Интересно, что же ты такое про меня Ерофееву ляпнул?» В ответ — какие-то невнятные оправдания.

Уже поздно. Все остаемся ночевать. Рано утром, пока еще все спят, Ерофеев надолго, никого не пре-

дупредив, исчезает из дома. Страшно с Галей нервничать. Отправляемся его искать. Целых четыре часа рыскаем по лесу (а вдруг плохо с сердцем?). По возвращении — он уже дома. Ни с кем не разговаривает. Полный мрак. Нервы мои не выдерживают. Разревелась. Собираюсь в Москву.

Галя: «В таком состоянии я тебя никуда не отпущу».

Ерофеев: «Тоже мне, подружки нашлись».

Я ему: «Между прочим, я к Гале отношусь намного лучше, чем ты думаешь».

Веничка (на сей раз серьезно): «Это очень хорошо».

Уговаривает меня не уезжать. Галя дает мне от сердца какие-то капли.

Ерофеев (подозрительно): «Что-то ты быстро успокаиваешься».

Через два дня Галя с Веней возвращаются в Москву. Звонит Ерофеев: «Скорее приезжай. У меня очень вкусное вино. Надо же помогать в беде хорошему человеку» (имея в виду мой стресс в Птичном). Приезжаю. Опять выяснения каких-то отношений. Опять доводит меня до слез. Опять собираюсь уезжать. Галя предлагает остаться ночевать. По своей инициативе звонит моим родителям. Говорит, что мы все вместе были в кино, что я очень устала и останусь у них. Попросила у Гали снотворное. Она отскоблила бритвой от своей таблетки две-три крупинки и дала их мне. Тут же опрокинулась в сон. Утром еле-еле пришла в себя. Из комнаты слышала, как Веничка очень ругал Галю за то, что она дала мне такое сильное лекарство.

Рассказала об этом Нате Алешиной. Убеждает меня больше это лекарство не принимать.

В последний раз приезжаю в Птичное перед отъездом в Коктебель. По просьбе Венички и с разрешения Гали, привожу две бутылки сухого вина. Ерофеев встречает на автобусной остановке, на обочине леса, прихватив с собой два стаканчика. Сразу обсмеял мои тряпочные синие босоножки: «Хренульки».

Обсуждаем его предстоящий день рождения. Веня: «Я свой день рождения люблю даже больше Нового года. На станции «Чупа» за полярным кругом я издал свой первый крик».

Мелькнула на картофельном поле ожидающая нас Галя. Окликнула ее. Подошла и назвала нас с Веничкой пьянью. И добавила: «Пусть лучше он с Ахмадулиной спивается. Ведь они так давно и нежно любят друг друга!»

Веничка комично стукнул кулаком по пеньку: «Не смей делать замечания католику!» Мы все рассмеялись.

Уже дома допили все вместе вино. Галя пожелала мне хорошо отдохнуть, подарив на дорогу баночку малинового варенья собственного изготовления. Веничка пошел меня провожать до середины картофельного поля. Сказал: «Если бы ты была верна, тебе цены не было бы». Попрощались. Долго смотрела ему вслед... Наконец, он обернулся и махнул мне рукой.

В Коктебеле получаю от Венички письмо.

«Пользуюсь тем, милая девчонка, что минут через несколько Балашиха Надья и Инжакова Ольга отправятся в столицу и попутно опустят тебе эту короткую эпистолу. Я письма писать разучился и отвык: в 60-х годах я писал в среднем 300—400 писем в год. А в 70-х: 30—40. А в 1987 г. я отправил всего только три маленьких письма сестре Тамаре и вот тебе третье махонькое. До этого, до сегодняшнего дня то есть, был настолько размагничен и зол, что о каких-нибудь письмах, даже тебе, было смехотворно и говорить.

На неделю прервались всякие прогулки в леса, все записки в блокнотах, даже всякое чтиво. Приступил было к «Ожогу» Васьки Аксенова, но дошел только до 25-й страницы, прочел: «Мы шли по щиколотку в вонючей грязи поселка Планерское, а мимо нас вздувшиеся ручьи волокли к морю курортные миазмы», — сплюнул и отложил в сторону. Сказал только «экое паскудство» и больше ничего не сказал.

Вчера (впервые после твоего отъезда) высунулось солнце. Но погоду на осень и зиму сулят пасмурнее и холоднее обычного. Так что я и радио перестал включать. Подумал только «Экая гнусность» и больше ни о чем никогда не хочу думать. Довершает все мои неуютности прилипчивый пес Улан, обжора и бич Божий, мое мохнатое наказание, долговязая моя отравка. И с ним мне соседствовать до 29-го.

Занятно было в 33-м «Огоньке» видеть твою фамилию. Так что не все у меня черно.

Еще отрада, допустим, — мой котенок Пиночет. Я все чаще захожу на ту половину, чтоб с ним посидеть. При этом я напоминаю ему, наверное, своими очертаниями Норвегию, а он мне — остров Бахрейн. Он — короткий, как девичья память, я — длинный, как рубль. И еще одна радость меня ожидает: я вменил себе в обязанность мыть шею по четным числам, а после 31-го августа будет первое сентября. И еще 4-го, в пятницу, вечером еду в Москву, чтоб утром 5-го получить свой пенсион. Ты заглянешь или нет? Я предварительно куплю тебе какой-нибудь гостинец, чего-нибудь паршивого и сухого. Помню постоянно. Обнимаю и скорее приезжай на Флотскую.

Венед. Ероф.
22/8.87 г.»

5 сентября

По возвращении из Коктебеля приезжаю на Флотскую. Познакомилась со старшей любимой Веничкиной сестрой Тамарой Васильевной. Она живет в Кировске, переписывается с ним, присылает дефицитные книги. Веничка писал ей обо мне, и ему очень хочется, чтобы я ей понравилась. Все время ко мне придирается: слишком загорела, очень похудела... Не доволен челкой. Подарила ему свои три коктебельские акварели. Сказал: «Живописец ты плохой!»

8 сентября

Снова в Птичном. Долго гуляем с Веней и Галей в лесу. Неожиданно Галя сорвалась в Москву. Веня поделился со мной, что ей грозит больница. Все симптомы: чрезмерное увлечение наукой, исписывание формулами обоев, книг и т.д. «Это происходит с ней с 81-го года», — сказал он.

11 сентября

Вечером звонит Галя. Попросила навестить Веничку в Птичном. Сама приехать скорее всего не сможет. Ерофеев встретил радостно. Сказал, что предчувствовал мое появление. К вечеру — неожиданный приезд Гали. Ночевала у них. Утром все вместе ходили в лес за грибами. Лишний раз поражаюсь, как Веничка любит это занятие: даже никому не доверяет грибы чистить, а уж варить или жарить — тем более.

У Гали действительно обострение. Все время возбужденно говорит о науке, о каких-то формулах. Говорит, что знает о том, о чем никто даже и не подозревает.

Сообщила, что Лён от имени ее начальницы Арбузовой позвонил ее лечащему врачу Мазурскому с целью запечь ее в больницу. Она в панике. Боится приезжать в Москву. Просит меня позвонить Мазурскому и с ним объясниться. В тот же день позвонила. Все обошлось. Он обещал Галю не трогать, пока она сама не захочет с ним повидаться. Сказал, что мнение Лёна для него не авторитетно.

15 сентября

Неожиданный приезд ко мне домой Гали. Рассказала, что была по Веничкиным делам у Бориса Мессерера. Сказала ему: «Если со мною что-то вдруг случится и к вам придет Наташа, примите ее хорошо. Ей можно верить». Даже предложила поговорить с Мессерером, чтобы он устроил меня к себе на работу художником-подмастерьем. Ей очень понравились мои работы, и я одну ей подарила. Но, помоему, это все ее фантазии. Ни с кем и ни о чем она не говорила, но не в этом дело. Мне Галю очень жаль. Про Льна сказала: «Я его на порог больше не пушу. В конце концов квартира моя. Он Веничке всегда завидовал, даже его фигуре».

Предупредила ее, что из-за Льна я даже не приду на долгожданный Веничкин день рождения во избежание с моей стороны всяких эксцессов. «Ничего, ничего страшного, — сказала она. — Их надо учить». В общем, как всегда, когда Гале плохо, как я заметила, мы на какое-то время становимся с ней чуть ли не друзьями. Даже в разговоре со мной у нее как-то проскользнуло: «Наш Веня»...

21 сентября

Позвонила Галя и пригласила в гости. Являюсь. Ерофеева нет — застрял в гостях у Епифанова. Вместо него — Галина мать Клавдия Андреевна. Встретила меня весьма дружелюбно. Часа через два, как ни в чем не бывало, появляется Ерофеев. Он, конечно, как мне кажется, очень переживает Галино состояние, и это отражается на мне. Все время дерзит:

«Слишком много говоришь. Лучше меньше, да умнее. Я всем говорю, что ты пустая. Не пойду на Шагала, не надо нам этих жидяра. Когда поедешь домой?» Галя (совершенно серьезно): «Видишь, как он нежно объясняется тебе в любви?» Горделиво направляюсь к лифту. Веничка бросается за мной. Не отпускает. Допоздна беседуем в его комнате. Сообщил, что отобрал 366 стихотворений русских поэтов и собирается передать их Евтушенко в «Огонек» в раздел «Антология русской поэзии». Очень просит меня не уезжать и остаться у них хотя бы до утра. Время у меня есть, но ради спокойствия Гали отказываюсь, и она, кажется, рада моему отъезду. Сказала: «Чеши» и словно в знак благодарности за мой поздний, неуютный отъезд насильно всовывает мне в сумку банку клубничного варенья собственного изготовления.

22 сентября

В 8 утра звонит Ерофеев. «Почему в такую рань? — спрашиваю. — Проверяешь, дома ли я?» Договорились созвониться в 9 вечера, чтобы обсудить поездку в Абрамцево. Не позвонил. В 10 вечера звоню сама. В трубке нетрезвое: «Глупая дура. До свидания!» И... короткие гудки.

23 сентября

Утром снова звонит. Сообщает: «Как только я проснулся, то сразу подумал о тебе. Чувствую себя скверно. Вот если бы ты приехала, мне сразу стало

бы намного лучше». Договорились, что позвоню ему в 12.30, чтобы точно условиться 24-го все же отправиться в Абрамцево. Звоню. Голос сухой. «Поеду один. Обойдусь. До свидания».

25 сентября

Все же вечером позвонила. Веничка: «Куда ты пропала? Хотел позвонить утром, но решил не будить. Ты же решила не идти на работу». С радостью согласился пойти со мной на квартирную выставку художницы Натты Конышевой у Н.Бабасян. Пригласила и Галю.

Ничего непонятно в его поведении... Какой-то детский сад. Галя воспринимает все это как проявление ко мне его нежности.

27 сентября

Пошли с Ерофеевым на ретроспективную выставку художников-шестидесятников. Понравились ему немногие. Особенно выделил графику Бориса Свешникова (лагерные рисунки), Леонида Берлина и Вадима Сидура. Сказал про них: «Думающие». Обещала пойти с ним в гости к Свешникову, представила в зале Берлину. Пригласил нас в свою мастерскую.

Веня рассказал мне о приезде одного поляка из Варшавы, который привез ему свою диссертацию по его творчеству. Поляк за бутылкой 70-градусного напитка рассказывал, как Ерофеева все в Польше любят, называют Веничкой, в Варшавском

университетском театре вовсю идет «Вальпургиева ночь». Сделал ему и Гале на полгода вызов в Польшу. Правда, Ерофеева несколько раздражило, что в диссертации написано, что он идет от Булгакова. «А я его терпеть не могу, — сказал мне Веня, — прочитал двадцать страниц и отложил». Не очень-то ему поверила. Нравится не нравится — дело вкуса, и наверняка, хотя бы из профессионального любопытства, дочитал он «Мастера» до конца.

28 сентября

Уезжаю на встречу с кинорежиссером Иосифом Пастернаком. Он ставит фильм об андеграундном искусстве 60-х «Черный квадрат» и просит меня отвезти его в психиатрическую больницу к замечательному художнику Владимиру Яковлеву*. Хочет взять у него интервью и снять на камеру.

По дороге много рассказываю Пастернаку о Яковлеве, цитируя ему высказывания о нем известных художников и искусствоведов, в том числе и художника Игоря Ворошилова. «Яковлев... Последняя веточка рая, увядшая на корню. Все его страдания — страдания русской живописи. Если Яковлев в дурдоме, страдает, ждет солнца, то и русская живопись там же. Как кинокритик, я могу отметить чрезвычайную живость его вещей. Как философ, я вижу там борьбу с материей — глухой, непонятной, неиндивидуальной и агрессивной. Самые лучшие его ра-

*Выдающийся художник-экспрессионист. Умер в 1998 году.

боты похожи на взрывы вулканов. Он будит материю».

Возвратясь домой, позвонила Веничке. Разговаривает со мной подчеркнуто холодно. Сказал, что смотрит по телевизору чеховскую «Душечку» и что кто-то на нее очень похож. «Не на меня ли ты намекаешь?» — спросила я. — «Неважно», — ответил он и повесил трубку.

29 сентября

Рано утром звонит Ерофеев. Сообщает, что приехал к нему какой-то американец и преподнес 5 экземпляров «М — П», изданных во Франции. Сказал, что с удовольствием подарит и подпишет мне один экз. Изъявил желание поехать в гости к Борису Свешникову и Леониду Берлину. Вечером снова звонок. Заметно нетрезв и поэтому груб: «Мне на тебя наплевать в высшей степени» и т.д. Берет трубку Галя: «Ты что обращаешь внимание? Ведь он нахамит, а потом переживает. Наверняка попозже перезвонит тебе, чтобы извиниться».

3 октября

Веничке с Галей предстоит переезд с дачи в Москву. Большой компанией едем на машине в Птичное за вещами. Допоздна гуляем в лесу. Все остаются ночевать. Мы с Галей располагаемся на узкой тахте из-за тесноты чуть ли не в обнимку. До утра беседуем и все о науке. В основном говорит Галя. Веничка дарит мне обещанный экземпляр парижских «М — П» с

репродуцированной на обложке картиной известного художника В.Калинина «Жаждающий человек». Подписал: «Очень умной девочке Наташке от еще более мудрого автора в память о 87-м. В.Ер. 3/Х.87.» Еще обещает подарить «Континент» с опубликованной в нем «Вальпургиевой ночью».

6 октября

Веничка отказывается идти на Шагала. Вместо этого едем на «Профсоюзную-100»: закрытую, одностенную выставку художников «Лианозовской группы». Вывесили даже Оскра Рабина. Встретили общих знакомых художников и поэтов Льва Кропивницкого, Генриха Сапгира, Игоря Холина и многих других. Возвращаемся на Флотскую. По дороге, как бы между прочим, с наигранным равнодушием в голосе Веничка спрашивает: «А все-таки, что это за другая твоя фамилия Кулешова?» Отвечаю, что это фамилия моего второго мужа — филолога, с которым я уже давно развелась. «И правильно сделала», — почему-то сказал Веничка. «Кстати, — сказала я, — у него, как и у тебя, день рождения — 24 октября». Ерофеев был удивлен. Говорю, что очень рада его предстоящей поездке с Галей в Польшу. Ерофеев: «Я бы больше хотел поехать с тобой. Что ты все время твердишь: «Галя, Галя...»

Пробыла на Флотской 3 дня. Настроение у Венички прекрасное. В шутку: «Отваливай скорей». Галя удерживает.

12 октября

На квартире верного друга Ерофеева Машеньки Шавыриной — вечер поэзии. Стихи читает приехавший из Канады замечательный поэт Бахыт Кенжеев. Комната забита народом. Пришел, конечно, и Лён. Он все никак не может пережить наше с Веничкой знакомство. Но сегодня он со мною более чем любезен. «Я счастлив, — говорит он, — что Ерофеев в надежных руках! Если бы мы продлили ему жизнь...» и т.д., и т.д. Вечером позвонила Веничке и обо всем ему рассказала. Оказывается, Ерофеев звонил в тот же день Машеньке и очень благожелательно обо мне отозвался.

14 октября

Позвонила Галя и пригласила меня приехать к ним в гости. У Венички очередная волна хорошего, теплого ко мне отношения: «Ты мне снилась. С тобой спокойно. Я тебя люблю, девчонка. Мне тебя не удобно приглашать к себе. Я все жду, когда ты сама скажешь, что приедешь ко мне. Мне без тебя трудно. Ты хоть раз в неделю приезжай ко мне».

Вечером у Вени был Игорь Ноткин. Нес какой-то полубред. Веничка спросил: «Что ты несешь, может быть, ты уйдешь?» Игорь ушел, проворчав, что я путаю все его карты. Веня махнул рукой, сказал, что этот юродивый мечтает о нашей ссоре.

Веничка сообщил новость. Опять приезжал к нему знакомый поляк, который в Вильнюсе нашел остатки утерянной «Антологии поэтов общежития Ремстройтреста», в котором одно время (57-й год) Ерофеев работал грузчиком.

Веничка так заразил простых рабочих своей неподдельной любовью к литературе, что они сами начали писать стихи, а Ерофеев их обрабатывать. Так и появилась эта, составленная им «Антология», включившая и его стихи.

Ерофеев сказал мне, что полюбил русскую поэзию с юношеского возраста, что сам писал стихи с 16-ти лет, подражая некоторым любимым поэтам — Бальмонту, и особенно Северянину. Вот одно из них из утерянного цикла «Путешествие вокруг Европы на теплоходе «Победа».

Гавр

Я снова, опьяненный маем,
на опьяняющем фрегате
впиваю майскую гуманность
с полупрезрительной гримасой.
Вдыхаю сладость океана,
симпатизируя Пикассо,
и нарочито нелояльно
внимаю треску делегатов.
«Молле — апофеоз жеманства», —
Жюль Мок убийственно итожит.
Его агрессия жантильна,
как дуновение нарцисса.
А Кристиан в пандан премьеру

пленен кокетством чернокожих,
компрометируя Тореза
лишь компонентом компромисса.
О, катастрофа Будапешта
была изящным менюэтом,
она, как декольте Сильваны,
сорвала русские муары.
Для нас служила оппонентом
декоративность пируэта,
для них — трагедия Суэца —
своеобразным писсуаром.
Я, очарованно загрезив,
постиг рентабельность агрессий
и, разуверившись в комфорте
республиканского фрегата,
неподражаемо эффектно
симпровизировал позессив,
пленив пикантностью Жюль Мока
и деликатных делегатов.

В антологии — несколько разделов.

I: «От романтизма к реализму»

II: пропущен (очевидно, утерян)

III: Декадентство,

Футуризм,

Имажинизм,

Символизм,

«Венедиктовщина».

В последнем цикле много стихов, посвященных
Ерофееву. Например: Виктор Никитич Глов.

Ерофееву В.

Я на площади — Прохожий,
В парикмахерской — Клиент,
Я вчера был Допризывник,
Завтра — Абитуриент.

На работе я — Завскладом,
В электричке — Пассажир,
В ОТДЕЛЕНИЕ — Нарушитель,
У ребят — Кумир.

Я в газете — Главредактор,
А в анкете — Братый в плен,
В магазине — Покупатель,
В профсоюзе — Член!

Так и будет век от века,
И ночей, и дни!
Где ж я стану Человеком,
Ты хоть объясни!

I/IX.57 г.

Или такое, например, посвященное Ерофееву
тем же автором.

Когда я закрываю глаза,
Все зримое перестает существовать,
Все невидимое вливается в меня,
Когда я закрываю глаза.

Когда меня покрывает мгла,
Бессилье увидеть погружает в страх:
Но в миг освещает Божья рука
Все невидимое, погруженное в меня, —
И даже мой страх покрывает мгла.

7/IX.57г.

А вот из «Избранных эпиграмм», посвященных В.Ерофееву Владимиром Андреевичем Волковским. («под псевдонимом Волковский скрывается В.Р.-ский и — В. Ерофеев. »)

Венедикту Ерофееву

Ты, в дни безденежья глотающий цистернами,
В дни ликования — мрачней свиньи,
Перед расстрелом справишься, наверное,
В каком году родился де Виньи!

17 октября

Едем с Ерофеевым в Абрамцево. По дороге поделился: «Галю вот-вот заберут в больницу. Уже звонил врач Мазурский». Попросил меня позвонить ему: «Ты девка обязательная».

20 октября

Позвонил вечером Веня. Сообщил, что умерла Мила Леонтович. «Ты смотри, не сорвись на похоронах», — попросила я. — «Чтобы я не сорвался, — ответил Веня, — ты должна быть рядом со мной».

На похороны не поехала, но вечером привезла на Флотскую большой букет хризантем. Галя поблагодарила и даже поцеловала меня.

Долго обсуждали с Веничкой, кого ему пригласить на свой день рождения. Все время повторял: «Как без тебя трудно...»

24 октября

Долгожданный день рождения. Не было Беллы Ахмадулиной (какая-то мелкая ссора. Ерофеев расстроен), Славы Льна (странно!), Владимира Муравьева (не любит сборищ). Подарила 9 красных роз, две свои коктебельские акварели и дневник для записей с авторучкой.

Веня обругал мое одеяние: «Где черный свитер?» На акварели не отреагировал. Со многими чуть не перессорилась, например с Сашей Епифаном за то, что не был на похоронах Милы Леонтович. Ольга Седаковой заявила, что в ее статье «О погибшем литературном поколении — памяти Губанова*», она слишком мало сказала о самом поэте.

В основном общалась с Вадей Тихоновым. В мой адрес от него, как всегда, масса комплиментов. Посоветовал нам с Веничкой обвенчаться, на что Ерофеев ответил: «Достаточно, что Наташа — моя крестная мать». Вадик предложил нам с Веней у себя

*Леонид Губанов — лидер неофициального объединения творческой молодежи начала 60-х гг. «СМОГ», что расшифровывалось как «Самое молодое общество гениев» или «Смелость, Мысль, Образ, Глубина». Умер в 1983 году.

сторожку и работу, и даже комнату в своей квартире. «Какое счастье, — сказал он, — что ты оказалась в этом доме», на что Веня ответил: «Она не имела права здесь не оказаться. Представляешь, если бы она попала в руки такого мерзавца, как, например, Лён?» Вадик по секрету сообщил мне, что Веничка меня очень ценит, и что об этом он сам ему говорил.

Через два дня после рождения Веня позвонил мне: «Я тебя очень люблю, девчонка, думаю о тебе каждую минуту, но, к сожалению, ничего уже нельзя изменить. Ты — самое яркое событие в моей жизни за 87-й год». Обещал в конце октября приступить к «Фанни Каплан». «Я знаю, почему Галина меня так торопит», — сказал он, намекая на свою болезнь. В его голосе чувствовались слезы. Сказал, что у Муравьева хранится его тетрадь «Записки психопата», которую тот ему пока не отдает. Она нужна, чтобы сделать некоторые поправки, и только потом можно будет публиковать.

28 октября

Звонит мне, наверное по просьбе Гали, ее приятельница Алена, та самая, с которой я познакомилась в первый день нашей с Веней встречи на Флотской.

«Вальпургиеву ночь», сообщила она мне, Ерофеев написал под давлением Гали, которая заставляла его работать, чуть ли не кричала на него. Выдавала для бодрости виски, помогала печатать на машинке. Сейчас же он все время пьет и принимает снотворное, чтобы забыться. Напоследок выразила уверен-

ность, что вряд ли я, как Галя, смогла бы каждый день быть с Веней. Выслушала ее, не возражая.

1 ноября

Мне предстоит вести занятие для студентов в МГУ. Веничка провожает до самых дверей аудитории. Предлагаю ему поприсутствовать. Ведь ждать целый час — так долго! А потом — погуляем. Говорю, что представлю его аудитории как профессора из Киевского университета. Отказывается и целый час стоит в коридоре у двери, прислушиваясь к моей болтовне. По окончании занятия спрашиваю: «Ну как?» — «Все прекрасно, — отвечает он, — но особенно мне понравилась твоя фраза: «Следует подчеркнуть». Короче, высмеял. Уже потом Клавдия Андреевна по секрету мне сообщила, что Веничка меня очень хвалил.

2 ноября

Приезд на Флотскую с бутылкой коньяка Владимира Муравьева («крестного папеньки»). Вижу его впервые. Беседует с Веничкой и Галей, незаметно на меня поглядывая. Галя после его ухода: «Ну, как тебе Муравьев?» — «Очень интересный», — отвечаю. «И ты ему тоже понравилась», — говорит она.

Вечером звонок Муравьева. Просит Ерофеева прочесть ему несколько строк из Бродского. Потом трубку берет Галя. По ее ответам понимаю, что речь идет обо мне. Отзывается, вроде, благожелательно: хорошая художница, знала Зверева и помогала ему, так что вроде

опыт есть и т.д., и т.д. Спрашиваю Веничку: «А почему он обо мне расспрашивает?» — «Ничего особенно-го, — ответил он, — ведь ты его кума».

3 ноября

Звонит Веничка. Очень просит меня переехать к нему, если Галя попадет в больницу. Обещает покупать продукты в магазине, ходить на цыпочках, когда я буду писать по работе отчет, и т.д., и т.д. Ставлю условие, чтобы он начал писать. Соглашается. «Если я два-три дня не попью, у меня сразу появляется желание писать. Без тебя мне очень грустно, — сказал он, — и если ты переедешь ко мне, тогда я к Новому году закончу «Фанни Каплан». У меня предчувствие, что в 88-м году мы больше не увидимся. Ты найдешь какой-нибудь предлог для ссоры».

(?) ноября

Ездили с Веничкой в Абрамцево и пробыли там три дня. Он очень хочет поехать в «Петушки», чтобы наконец-то увидеть свою внучку Настеньку. Поручил мне купить для нее погремушки.

23 ноября

Приезжаю на Флотскую. Встретил радостно. Подарил нью-йоркское издание «Глазами эксцентрика» с автографом: «Милой Наталье в надежде на то, что она хоть что-нибудь поймет в этой моей давнишней белиберде. В.Ер. 23/XI-87».

3 декабря

Звонит Веня. Ему очень, очень плохо. Просит привезти корвалол. Приезжаю. Он в депрессии. Все время заводит Сибелиуса. На мой приезд почти не реагирует, но в знак благодарности за лекарство дарит мне давно обещанный «Континент», в котором опубликована «Вальпургиева ночь». Подписал: «Наталье Шмельковой с неизменной нежностью. В.Ероф. 3/XII-87».

Разговорились о поэзии. Непонимание и досаду у Ерофеева вызывали поэты, не признающие, а то и просто «оплевывающие» своих знаменитых предшественников: и Пушкина, и Лермонтова, и Цветаеву и многих других. Считал это признаком ущербности. «Какой же русский не заплачет от их строк? — возмущался Ерофеев. — Ведь они должны быть благодарны тем, из кого вышли!» Перед Цветаевой он преклонялся: «Чтобы они без нее все делали?» Как-то сказал: «После того, как Марина намылила петлю, женщинам в поэзии вообще больше делать нечего». Правда, называл при этом несколько достойных, по его мнению, имен. Не любит Ахматову. Даже раздраженно сказал: «Терпеть не могу эту бабу!» Я так оторопела от таких слов, что даже не спросила: «За что же? За рассудок? За ясность мысли? За что?»

Р.С. Уже потом, прочтя как-то дневники Ю.Нагибина, наткнулась в них на такие строки об Ахматовой и Цветаевой: «...Беда Цветаевой, — пишет он, — если это беда, что она не создала себе позы, как Анна Ахматова. Та сознательно и неуклонно изобра-

жала великую поэтессу. Цветаева ею была». (Но это я так, к слову.)

К Ерофееву часто обращались молодые поэты с просьбой их послушать. В оценках своих он был беспредельно строг. Порою беспощаден. Если стихи нравились, слушал внимательно, не прерывая, если нет, то сразу делал выразительный жест рукой, чтобы чтение прекратить. В самых безнадежных ситуациях мог перейти и на резкость. Смеясь, рассказывал мне про одного поэта, специально приехавшего к нему, чтобы почитать свои стихи. Прослушав всего несколько строк, Ерофеев отрезал: «Достаточно. Это настолько мерзко и паскудно, что слушать дальше нету мочи». Разъяренный посетитель, вскочив со стула и с возгласом: «Вы убиваете русских поэтов, и теперь я понимаю, почему вы живете в ведомственном доме» — выбежал из квартиры.

Лучшим из современных поэтов России Ерофеев считал Иосифа Бродского. Полюбил и высоко оценил его поэзию сразу, как только прочел его первые, самые ранние стихи.

В декабре знакомлю Ерофеева с приехавшей из Нью-Йорка моей кузиной — журналисткой и литературным критиком Лилей Панн. Она обращается к нему с просьбой от издательства «Серебряный век» написать хоть немного о Бродском по случаю присуждения ему Нобелевской премии. После продолжительных уговоров Ерофеев передает ей текст, по-

строенный на дневниковых записях — отзывах своих знакомых о поэзии Бродского.

«“Нобелевский комитет ошибается только один раз в году”, — съязвил один мой приятель месяца тому назад. И я, собственно, о Бродском писать не буду, это излишне. Любопытнее знать, как обмолвилась о нем знакомая мне столичная публика, от физика-атомщика до церковного сторожа, в конце октября 87-го г. Я, как можно короче.

Л., корректор издательства «Прогресс»: «Вначале, в бытность питерским тунеядцем, он был интереснее во сто крат. Пилигримы и все такое. Теперь, шагнув за Рубикон, он затвердел от пейс до гениталий».

Р., преподавательница 1-го медицинского института: «Я вижу, в Стокгольме поступают по принципу: все хорошо, что плохо для русских».

В.Т., поэт: «Ты как хочешь, Веня, а я вот за что его недолюбливаю: в нем мало непомерностей. В наше непомерное время надо быть непомерным, а у него безграничны только его длинноты. Да и то не слишком безграничны — можно было б и подлиннее».

А., физик, доктор наук: «Для него все посторонне, и он для всех посторонен. Хотя некоторым врасплох застигнутым читателям кажется, что он ко всем участлив. Натан Ротшильд тоже участвовал в битве при Ватерлоо. В качестве зрителя, на отдаленном холме. К вопросу о «Холмах».

Н.С., искусствовед: «Дело даже не в том, что он белоэмигрант. Но в нем есть какая-то несущественность. При всех своих достоинствах он лишен чего-

то такого, чего-то такого, что делает его начисто лишенным вот того самого, чего он начисто лишен» (!).

В.М., переводчик, крайне правый католик: «Я не говорю уже о достоинствах самого стиха, это очевиднее очевидного. Но в нем есть то, что прежде называли так: вменяемость перед высшей инстанцией».

М., крайне левая православная: «Ну, не такая уж это неприятность, присуждение премии. Миновали уже те времена, когда нам были страшны подвохи со стороны Нобелевского комитета» (1/XI-87 г.).

Б.С., литератор: «Писать надо удовлетворительно или скверно. Отлично писать, как это делает И.Бродский, — некрасиво и греховно. И оскорбляет честь нации, оставшейся вопреки всему у себя дома».

В.Л., тоже литератор: «Он совсем не умеет писать. Стихотворная строка должна звучать сама по себе, а не расплескиваться вниз. Что бы вы сказали, если б Хонсю-Хондо ничем не отделялся от Хоккайдо? Представьте себе: Сахалин непосредственно переходит в Хоккайдо, а Хоккайдо в Хонсю-Хондо. И никакого пролива Лаперуза. Это тошнотворно».

С., биолог: «Теперь я верю тем историкам, которые утверждают, что Парижская коммуна была еврейской махинацией» (1/XI-87 г.).

Продолжать не буду, чтобы вконец не утомить. А панегирических суждений не привожу за их избыточную восклицательность и единообразие и потому, что ко всем им присоединяюсь, конечно. Как бы ни было, грамотному русскому человеку — это я знаю определенно — было бы холоднее и пустынное на свете, если б поэзия Иосифа Бродского по какой-нибудь причине не существовала.

Все изложенные выше мнения о поэте мной самим предельно сокращены и доведены до степени литературной внятности».

12 декабря

В кафе «Бедный Йорик», что на проспекте Вернадского, — персональный поэтический вечер Льна. Опаздываем с Веничкой на полчаса. Художник Борис Козлов поприветствовал нас с легкой укоризной в голосе: «Семеро одного не ждут».

В знак уважения к Ерофееву, посадили нас за отдельный столик, у самой сцены. Лён даже лихо выставил для Венички персональную бутылку вина. Ко мне на сей раз он весьма благожелателен: «Веня в надежных руках». После вечера с трудом поймали машину. Водитель не хотел так далеко везти. Уговаривая, даже чуть с ним не подралась, что Веничку очень развеселило.

17 декабря

Звонок на Флотскую Льна. Напомнил Веничке, что сегодня во Дворце культуры «Меридиан» состоится вечер, посвященный «СМОGu», что «красной нитью» пройдет поэт Леонид Губанов. Запроектировано телевидение. Просит Ерофеева сидеть в президиуме... Но Веничке это не по вкусу. Для поддержки он хочет пригласить Ахмадулину. По свидетельству журналиста Игоря Дудинского, афишу, перечислявшую тридцать одно имя, включая Иосифа Бродского, можно было обменять в Париже, в среде русской эмиграции, на две пары фирменных джинсов.

На долгожданный вечер народу собралось неожиданно мало. Один из поэтов, выступление которого было намечено, откровенно объяснил мне свое отсутствие боязнью КГБ, что помешало бы «наконец-то начавшимся поправляться его литературным делам».

Зато не могло не обратить на себя внимания присутствие в зале Евгения Евтушенко, скромно сидевшего в последнем ряду, как бы не желавшего обращать на себя внимание. Со сцены он не выступал, а жаль.

Зато очень запомнились прекрасные выступления Евгения Рейна, бардов Алика Мирзояна и Владимира Бережкова, Игоря Дудинского и многих других.

Запомнилось, и как прибывшие на вечер «подозрительные» телевизионщики упорно приглашали всех переместиться на несколько рядов ниже, чтобы захватить в кадр находящегося в зале Венедикта Ерофеева, и как тот лишь рукой от них отмахнулся. Спустя пять лет после смерти Ерофеева, присутствующий в зале Лён отметил эту дату публикацией якобы найденной им давно утерянной рукописи писателя «Дмитрий Шостакович» («ЛГ». 25.10.95. № 43). Пропажу рукописи Лён свалил на Губанова: «Если едешь в электричке навеселе, да еще не один, а с пьяным Леней Губановым, — возможно всякое. Рукопись не пропала. Она была просто-напросто украдена Губановым и потом продана за бутылку...» («Новая литературная газета». 1994. № 9).

Но я отвлеклась...

В антракте Ерофеев знакомится с Евгением Ев-

тушенко. Веничка к нему, насколько мне известно, очень благожелателен.

«Вы знаете, — сказал ему Евтушенко, — когда я в Сибири читал «Москва — Петушки», мне очень захотелось выпить». — «За чем же дело, — улыбнулся Ерофеев, — тем более, что у меня нет ни одной вашей книжки». — «А я хочу ваш автограф», — сказал Евтушенко.

Обменялись телефонами, договорились встретиться. «Только, чтобы не было народу» (просьба Евтушенко). На следующий день он позвонил Ерофееву, но встреча почему-то так и не состоялась.

Евтушенко (как позже написал Ерофеев в письме сестре Тамаре в Кировск) ему очень приглянулся: «и потертым свитером, и задрипанным шарфом вокруг шеи и полным отсутствием обдуманности и театральности в манерах».

23 декабря

В кафе «Новые времена» — вечер, посвященный Иосифу Бродскому. Ерофеев мрачен и небрит. Но оживляется, когда выступает Анатолий Найман (воспоминания, выдержки из книги). Организатор вечера пустил в зал реплику: «Даже самый великий скептик мира смеется». Веничку, как знаменитость, много фотографировали.

Вечером приезд на Флотскую Тихонова. Во весь голос (чтобы Галя слышала) уговаривает нас с Веней переехать к нему работать сторожами в деревянный дом, печка, сад, лес, оклад под 200 руб. и т.д., и т.д. Галя из соседней комнаты, конечно, все слышала, и

с этого момента наши отношения сильно охладились.

24 (?) декабря

Снова в гостях с Веничкой у художника Виктора Михайлова. Приезд к нему моих старых друзей, супружеской пары Ольги и Ромы Чепига. Вслед за ними — появление очень талантливого и известного грузинского кинорежиссера Александра Рехвиашвили с его другом кинооператором — Романом Цурцуми. У Саши только что прошел изумительный, нашумевший фильм «Ступени». Рассказывает Ерофееву, что на Западе проявляют огромный интерес к русской современной литературе и что у него возникло желание поставить фильм по его «Шагам Командора». Они с Романом очень хотят через Союз писателей Грузии пригласить Веню в Тбилиси, чтобы отдохнуть и встряхнуться. Говорят, что там примут его с радушием, по крайней мере, в восьми домах, даже глав. редактор «Литературной Грузии» Гия Маргелашвили. Все они считают его существом мифическим и, чтобы убедиться, что это так, угостят со всем грузинским размахом.

Говорю Веничке: «Все это, конечно, прекрасно и заманчиво, но ведь грузины действительно очень гостеприимный и щедрый народ. И как бы тебе не сорваться в этой поездке». Ерофеев, подперев голову рукой, очень серьезно призадумался: «Странно, — говорит, — ведь меня еще никогда от этого не предостерегали»...

В доме Михайлова — большая коллекция картин андеграундных художников и среди них очень много работ Анатолия Зверева. Саша и Рома его очень любят, и мы все вместе просим Виктора полюбоваться его шедеврами, судьба которых так пестра.

Картины Зверева можно было встретить в самых разных домах. Прекрасно зная цену своим работам, он щедро раздаривал порою их малознакомым людям, в домах которых находил ночлег, а если и продавал, то за бесценок. Еще при жизни художника подделки под его работы гуляли по Москве, а после его смерти — за большие суммы продавались на аукционах. Работы обменивали, перепродавали, выпрашивали, похищали, шедевры погибали в огне при пожаре... Они не только вставлялись владельцами в добротные рамы — ими (бывали случаи) могли накрыть мусорное ведро или просто выбросить.

Вспоминаю, как дом Михайлова, в котором находил свой ночлег Зверев, очень долго освобождался под учреждение. И вот Михайлов, не желая выселяться, оставшись во всем доме один, забаррикадировал входную дверь своей квартиры. На следующий день, как раз после отъезда Романа и Саши, ворвалась к нему рано утром истомившаяся от долгих ожиданий общественность. Соппротивление было бесполезным.

Незатейливый скарб художника выволакивался во двор, где складывался в специальный контейнер, а то, что было полегче, например картины Зверева, с улюлюканьем и гиканьем просто выбрасывались из окна. В ответ на наше возмущение слышался хохот: «И эта мазня называется картинами?»

Единственным, кто смущал налетчиков — был Венедикт Ерофеев. Похожий на иностранного корреспондента, сжав в руке свой микрофон, Веничка с бесстрастным видом внимательно наблюдал за происходящим. Незнакомый предмет в руке Ерофеева несколько насторожил общественность. Помню, как ему чуть ли не приказали: «Немедленно уберите свой магнитофон и прекратите записывать...»

(?) декабря

Веничка вспоминает о своем детстве, о родителях и особенно об отце. В который раз рассказывает мне, что он был начальником маленькой станции «Пояконда» в районе полярного круга. В 38-м не успел Веня родиться, как отца по доносу (статья 58-я) за критику советской власти и какой-то анекдот сослали куда-то далеко на восток в лагерь, и только в 54-м году он вернулся.

Мать Анна Андреевна отдала в Кировске детей в детский дом, считая, что им там будет сытнее, а сама уехала на заработки в Москву. Потом вернулась. В детском доме Веничка учился до восьмого класса, а потом перешел в обычную школу в Кировске.

Отец, по его рассказам, был высок, строен, красив и весел. Любил выпить и любил петь, в том числе и арии. Знала его вся округа.

Строгая матушка не позволяла Веничке подходить к отцу на улице, если тот был навеселе. И даже, когда ему вручали золотую медаль по случаю блестящего окончания десятилетки, отца не пустили в

школу, куда он пытался пройти, чтобы поздравить сына.

Веничка рассказывает, как над отцом издевались на допросах. Сам себя прерывает: «Женщинам рассказывать такое нельзя». Из глаз его хлынули слезы. Незаметно перевела разговор на другую тему...

26 декабря

Ольга Седакова приглашает Веню с Галей на свой день рождения. Ерофеев говорит, что без меня он никуда не пойдет. В последний момент, несмотря на плохое самочувствие, к нам присоединяется Галя.

Много цветов, много гостей. Из знакомых мне поэтов — Иван Жданов. Напомнила ему о нашей встрече на дне рождения Евгения Рейна, на котором отмечался и выход его первой книги «Имена мостов».

Разговоры в основном о литературе. Любчикова* своим неповторимым волшебным голосом исполняет романсы.

По рукам пустили воззвание с требованием создать мемориал жертвам культа. Все подписываются.

До 3-х утра читаются стихи, в основном Дмитрия Пригова. Заходит разговор о поэзии Рейна. Ольге он не по вкусу: «Все пишет о себе, да о себе. Кому это интересно?» Веничка с ней не согласен. По просьбе

*Лидия Любчикова — старинный друг Ерофеева, бывшая жена Вадима Тихонова. Упоминается в «М — П»: «...Пришли Вадя с Лидой...»

Ольги привезла ей самиздатский сборник Леонида Губанова. Разъехались все почти к утру.

31 декабря

Ерофееву очень не хочется справлять свой любимый праздник Новый год дома: «Галина все испохабит своими канделябрами» и т.д. Предлагает поехать в Добрыниху к Вадиму Тихонову. Еле уговариваю: «Ведь это неудобно». Ерофеев: «На Галину мне наплевать в высшей степени, вот жалко будет только Андреевну» (Галину мать). Все-таки уговариваю его справлять Новый год на Флотской. Привожу даже елку, игрушки, свечи, подарки Гале, шампанское и т.д., и т.д. У них в гостях уже Жанна Герасимова со своим знакомым Игорем из какого-то театрального училища. Дарю ей свои бусы. Страшная скучища. Страшная духота. Беседа не вяжется. Спать легли все рано.

1988 год

1 января

Внезапное утреннее вторжение на Флотскую обожающих Веничку моих друзей Ромы и Виктора Михайлова. Галя, несмотря на их любовь и доброжелательность к Вене, в нескрываемой ярости. Ерофеев — в полной растерянности, хотя, как мне кажется, он рад их приезду.

В знак протеста за такой прием моих старых, добрых друзей, уезжаю с ними. Останавливаемся, чтобы как-то отметить Новый год, в старом, деревянном, что на Остоженке, доме Шаляпина, в котором Виктор устроился работать сторожем. В комнате, с громадным разрушенным камином, в которой не раз останавливалась Анна Ахматова, отмечаем Новый год.

Днем звоню Ерофееву. Настроение жуткое. Со всеми подробностями, скрупулезно передает все Галины обо мне отзывы.

Успокаивает меня, говорит, что без меня ему тоскливо. Что меня он очень, очень любит. Что с утра ждал моего звонка. Что думал, что поссорились навсегда.

2 января

Уговаривает меня вечером встретиться на Флотской. «Носовой не будет», — сказал он. Приезжаю. Немного отметили Новый год. Успокаивает меня: «Не расстраивайся. Ведь тебя любит такой, как я».

Возвращение Галины. По телефону, в полный голос, чтобы я все слышала, обливает меня (своим подругам) грязью. У меня плохо с сердцем, но Веничка умоляет остаться. Говорит, что очень хочет где-то для нас снять квартиру, чтобы спокойно там работать. «Только немного подожди. Нам надо для этого еще получить премию за «М — П» в «Вести» у Каверина». А что касается квартиры — поможет «Тимак». Он уже рядом с собой в центре Москвы для нас что-то подыскал».

Галя все-таки какая-то странная. Ругая меня, тут же со мною откровенничает: «Последнее время мы с Ерофеевым как чужие», «Он меня разорил. В моем доме от него только телевизор!», «Почему, почему он не умирает?», «Зачем я вышла за него замуж?» и т.д., и т.д.

И я ее еще успокаиваю...

Быть может, Вадик Тихонов и прав, что Носова Веню совсем не любит, прописала его, чтобы быть женой знаменитости, чтобы попасть в богему (тоже мне — счастье!), что ей от него только валюта нужна, и т.д., и т.д. Не знаю. Не задумывалась над этим, да и знать не хочу. Уезжаю.

5 января

В одиннадцать вечера звонит мне домой Галя: «Я сделала большую глупость. Очень прошу тебя,

приезжай. Иначе он убьет меня». — «Хорошо, хорошо, — говорю, — приеду. Глупо все как-то».

В тот же вечер — звонок Евгения Рейна. Приглашает прийти завтра на его поэтический вечер в Дом композиторов. Сказала, что приду с Ерофеевым, хотя не знаю — согласится ли он? Согласился.

6 января

Ведет вечер поэт и близкий друг Рейна Михаил Синельников. Читает Рейн, как всегда замечательно, артистично.

Встречаем Т.Щ. Она с Веней весьма фамильярна. «Ничего, ничего, — говорит он. — Она просто хочет показать своему молодому спутнику, как запросто обходится со знаменитостями».

Станислав Лён чрезмерно эмоционально критикует поэзию Рейна. Веня не согласен: «Отдельные стихи, — говорит он, — просто блистательные».

В конце вечера все знакомые Рейна приветствуют его на сцене. «И что же теперь ты с нами будешь делать?» — спрашивает Т.Щ. героя вечера с намеком на фуршет. Но Рейн увертывается, сказав, что у него предстоит встреча с каким-то шведом, которого он должен развлекать.

Веничка заметно расстроен. Он с таким трудом выбрался из дома, и теперь ему так хочется где-то тихо посидеть, расслабиться.

Выручает Лён. Со своей знакомой филологиней из Питера он ведет меня с Ерофеевым в ВТО. Берем буфет штурмом. Заказываем коньяк с шампанским. Лён удивлен, что Веня не курит. «Это девчонка зас-

тавила меня бросить», — объясняет Веня. «Зря я тебя ругал, — сказал смягчившийся от выпитого Лён, — Веня в надежных руках. И вообще, — продолжил он, — со мною, как и с Рейном, невозможно поссориться. И тебе это не удалось на поминках Губанова, как ты этого не хотела». Но под конец вечера, уже выйдя на улицу и отрезвев, он снова стал агрессивен. Вспомнив Веничкино крещение, раздраженно изрек: «Потащила его в костел...» Сказал про нас: «Спутались».

10 января

Кира Прозоровский — мой старинный друг, замечательный художник, оригинал и добрейшей души человек, будучи страстным поклонником Ерофеева, очень просит меня с ним познакомиться. Пригласил в гости. Веничка дал согласие. Являемся. У Киры уже в гостях Иван Тимашов, реставратор икон, не менее обожающий Ерофеева, чем Прозоровский.

В квартире Кирилла, что в самом центре Москвы, с окнами, выходящими на Храм Василия Блаженного, необыкновенно интересно — картины, иконы, книги, и Веничка в этом доме очень быстро освоился. Кирилл, остроумнейший и интереснейший рассказчик, без умолку засыпает нас какими-то невероятными историями, и Веничка смеется и даже что-то записывает за ним на своих листочках.

Шампанское и деньги уже на исходе, а расходиться никому не хочется.

Тимашов, со свойственной ему щедростью, вы-

зывает такси, и мы весело едем к нему в мастерскую смотреть его работы. С увлечением рассказывает нам о разных школах иконописи, показывая свои отреставрированные иконы, засыпает меня дружескими комплиментами. И вдруг... «Веничка, — говорит он, — а ты знаешь, что Кирилл уже давно, безнадежно очень любит Наташу?» Смотрю на Кирилла с нескрываемым изумлением. Ведь он никогда даже и не намекал мне об этом. Просто всегда восторженно реагировал на мои реплики и выходки. Кирилл опускает голову и, отведя от меня глаза, густо краснеет, а ревнивый Веничка делает вид, что пропустил все мимо ушей и переводит разговор на другую тему.

Под занавес, неумный Тимашов ведет нас в какой-то ресторан. Чем-то я очень понравилась официантке. Сказала, что напоминаю ей какую-то актрису. При прощании вручила нам в подарок бутылку коньяка и очень красивую салфетку, в которую мы, без зазрения совести, завернули остатки закуски. Так и расстались. Довольно грустно... А Веничка потом о Прозоровском часто вспоминал как о любимшемся ему человеке...

13 января

Утром звонит Галя. Сообщив, что она уж как-нибудь меня потерпит, просит встретиться старый Новый год вместе. Отвечаю (не реагируя на ее агрессивный тон), что не привыкла к тому, чтобы меня «терпели», что привыкла быть желанной гостьей. Повыясняли отношения. К вечеру приехала на Флотскую. Веня не верил в мой приезд и не мог скрыть свою радость.

У них гость — Коля Мельников. Немного выпили. Посмотрели по телевизору моего любимого Бергмана — «Осеннюю сонату» — так и отметили праздник.

14 января

Неожиданный приезд на Флотскую Генриха Сапгира. Он только что вернулся из Парижа, захватив с собой плоскую бутылочку французского коньяка. Очень интересно рассказывал о своем путешествии по Франции. У него готовится к изданию книга стихов, и он просит Ерофеева написать к ней предисловие. Вене нравится поэзия Сапгира, и он дает свое согласие. Плоской бутылочки, конечно, не хватает, и мы с Генрихом, покинув дом, где-то долго блуждаем по окрестностям, чтобы еще чего-нибудь купить.

К вечеру, тоже с экзотическим напитком, приезжает замечательный поэт и друг Ерофеева Саша Величанский со своей женой Лизой. Они Веничку, как мне кажется, очень нежно любят.

Галя, как чувствую, вынуждена мириться с моим присутствием, но что я могу поделать?

Вечером собрались пойти с Ерофеевым на вечер поэзии в Дом художника на Крымском валу. Читать будут Д.Пригов, Л.Рубинштейн, Т.Щербина и др. Веничка отказался идти. Просто устал...

Ерофеев, конечно, верит в приметы. Совершенно серьезно говорит: «Дурнейший признак. Я вчера сидел у себя в комнате и почитывал. Вздрыгнул, — важно входит голубь, т.е. он прошел с балкона через большую комнату, коридор и явился. Значит: радиостанция «Свобода» не врет. А по «Немецкой волне»,

еще в 86-м году сообщили, что скончался русский писатель Венедикт Ерофеев.

19—21 января

Виктор Тимачев, «Тимака», пригласил нас с Веней на спектакль Ионеско «Стулья». Играют Алеша Зайцев с Жанной Герасимовой. Самочувствие у Ерофеева превосходное, и он с радостью соглашается. Отметим спектакль в актерской. Потом до 2-х часов ночи ужинали у «Тимака», а в 4 утра все вместе (кроме него) на такси завалились в гости к Зайцеву. Милый Зайцев оказался хозяйственным и хлебосольным. Под столом — несчетное количество трехлитровых закрученных банок с различными соленьями и вареньями, которые он чуть ли не все сразу выставил на стол. Накупается сухое вино. А вечером, оставив нас с Веней у себя, он, как ни в чем не бывало, бодрый и веселый, отправляется по делам на день в Питер.

22 января

По приглашению художника Евгения Вахтангова, была на выставке его знакомого — художника Ивана Лубенникова. Веничка идти отказался и правильно сделал. Выставочный зал оказался на Каширке, почти рядом с Онкологическим центром, что сразу сильно омрачило настроение. Да тут еще вдобавок встретила Алену. Конечно, разговор только о Ерофеевых. Доверительно сообщила мне, что Галя проклинает всех, кто познакомил ее с Ве-

ничкой. Что они оба интриганы и корыстны. Что Ерофеев не хочет с кем-то ссориться из-за большой зарплаты (намек на меня?) и т.д., и т.д. Лишний раз удивляюсь, что за приближенные у них, особенно у Гали?

Все, как сговорились. Почему-то именно сегодня вечером — мне масса телефонных звонков и все они — о наших отношениях с Ерофеевым.

М.Л.: «Я думаю, что тебе это очень скоро надоест. Веничка, конечно, гениальный писатель, но как человек скучен, и даже нуден».

И.Н. (рассказывает): «Сидели у Сапгира. Вдруг вошел Ерофеев — красивый, с проседью, с густым баритоном, похожий на англичанина. «Вот с таким, как вы, — сказала я ему, — можно пойти на край света». — «И вы бы пошли?» — спросил он с долей сомнения в голосе.

«А вообще, — продолжала она, — особым успехом у женщин он не пользовался, по сравнению, например, с Хвостенко»*.

В.С. Как бы вскользь упоминает о Веничкином романе с ее подругой в Абрамцеве. «Не выдержала его пьянства», — сказала она.

Галя все время твердит мне о злопамятстве Вени и прочих его недостатках.

К чему они мне все это рассказывают? Невольно вспомнила слова Ерофеева: «Нам с тобой очень многие будут мешать...»

* Алексей Хвостенко — абсурдистский поэт и художник. Автор многих известных песен. В 1976 г. эмигрировал в Париж.

23 января

Приезжаю на Флотскую. Застаю Веничку за работой — педантично, не торопясь разбирает книжные полки. Лишний раз удивляюсь, в каком все идеальном порядке. Протягивает мне томик Заболоцкого: «Прочти мне 2-3 стихотворения». Читаю (конечно, с выражением), и он милостиво хвалит мое исполнение.

25 (?) января

Звонок Ерофеева. Очень хочет меня видеть. Приезжаю. Галя смотрит на меня зверем. По донесению Венички, она собирается «вышвырнуть» мою елку. Настроение у него подавленное: «В 90-м году меня не будет...» Почему-то вспомнил мое письмо к нему из Тольятти. Сказал: «Если бы подобное ты написала в году, скажем, 37-м, тебе пришлось бы очень худо». Про мой почерк с сильным наклоном строчек вниз сказал, что где-то читал, что это признак меланхолии.

Заскакивает Ната и увлакивает меня в Дом литераторов на персональный вечер Геннадия Айги. Веничка идти наотрез отказался. Вечер оказался удачным. Вели — Евгений Евтушенко, Феликс Медведев, Юнна Мориц. В перерыве в буфете встретили поэта Владимира Алейникова. Подарил мне свои две новые книжки стихов. Вернулась на Флотскую. Веничка встретил подчеркнуто сухо.

28—29 января

По непонятной мне причине — я в опале. Веничка ко мне холоден и даже враждебен. Конечно, думаю, при всей его широте и доброте, он — настоящий разрушитель. Все спокойное, устоявшееся в один прекрасный момент начинает его раздражать. И тогда — не избежать провокаций с его стороны на ссору и даже на разрыв. Может быть, ему необходимо это как писателю? Для сюжета? Даже меня вынудил во время ссоры наговорить ему кучу гадостей. Он был страшно возмущен, даже вскипел: «Я тебе этого никогда не прощу. Мне за 50 лет никто подобного еще не говорил». А сам, как мне показалось, где-то в глубине души, может быть и сам того не сознавая, был рад этому.

Тем не менее, невзирая на ссору, отправились смотреть художественный фильм, чем-то по сюжету напоминающий «Вальпургиеву ночь» — «Полет над гнездом кукушки» К.Кизи. Фильм Веничке очень понравился. Расстались холодно.

На следующий день он по телефону сообщил, что когда Галя увидела его одного, «у нее в глазах вспыхнули два восклицательных знака!»

Рассказал, как Галя перед его уходом сказала по телефону своей подруге: «Мне эта жизнь опостылела. Эта мерзкая парочка пошла, видите ли, в кино. Я его в первый раз за 13 лет совместной жизни спросила: «Зачем ты на мне женился? Ради прописки?»

Веничка поделился, что она не переносит его сына, боясь, что он захочет прописаться в Москве, что Веничка завещает ему какое-то наследство. «А Венедикт-младший смеется, — говорит Ерофе-

ев. — Зачем мне ваша Москва?» Вспомнил Птичное, как мы с Галей «щебетали». «Ну и подружки нашлись, подумал я», — рассказывает Веничка. «Не обижайся на нее, — говорит он. — Она и так несчастная девка».

31 января

Веничка сказал, что когда он получит премию, то купит где-то в районе Петушков маленький домик и туда переселится. Очень хочет, чтобы я была рядом с ним: «Надо думать о будущем, девчонка. Мне тебя очень жалко». Показал мне международную телеграмму из Польши. Наверное, скоро туда поедет. Не поняла: серьезно он так думает или шутит, но по его словам, я буду очень рада его отсутствию.

4 февраля

Звонит Ерофеев. Сообщает новости. Приезжал режиссер из Театра Пушкина (примерно 30 лет). Предлагал поставить «Вальпургиеву ночь». Заплатят 3000 рублей. Поставил условия: убрать «еврейство». Фамилию Гуревич поменять на русскую. Убрать мат. (Ну и дурак!)

Еще приезжал из Парижа переводчик Саша Бондарев. Он занимается литературными делами Вени во Франции. Специально завернул в Москву по заданию «Континента». Они все очень просят прислать им что-нибудь для журнала. Саша сказал Вене, что все уже давно продались и даже..., что он самый честный писатель. К шестому февраля, к шести часам ве-

вчера Ерофеев обещал Бондареву «Мою маленькую лениниану». (В свое время он конспектировал в библиотеке сочинения Ленина, Крупской, письма Клары Цеткин, Розы Люксембург и т.д., и т.д.).

6 февраля

Звонит Веня. Сообщил, что закончил и отдал Бондареву обещанное. Саша так вдохновил его своей благодарностью, что он решил завтра же засесть за «Фанни Каплан», работать каждый день по семь часов, чтобы к марту ее завершить!

10 февраля

Закрытие выставки Натты Конышевой. Разошлись с Веней в метро. Прождала его около часа. Сразу поехала на Флотскую. Вене очень плохо. Весь в испарине. Ничего не говорит. Только: «Как грустно». Глаза... Вспомнила Гроссмана «Жизнь и судьба»: «Такие глаза бывают только у безнадежно раковых больных». Неужели пошли метастазы? Не может быть.

11 февраля

Заскочила на день рождения к соседке по этажу. Познакомились с женщиной, работающей у Мазурского. Рассказала, что Веня у них лежал до операции на горло, что его все любили, нежно к нему относились. Очень высоко отозвалась о Мазурском.

12 февраля

Приехала на Флотскую. Здесь Тихонов. Веня чувствует себя ужасно: слабость, ничего не ест, болит горло. Врач сказал ему, что если 3 года после операции нет последствий, то все нормально. Раковые клетки отмирают. Но до трех лет еще целых полгода.

Тихонов при Галине стал звать меня в воскресные смотреть дом в его окрестностях, в Добрынихе, чтобы мы с Веней там поселились. Галине сказал: «Это я делаю, чтобы ты поскорее отделалась от Ерофеева». Мне: «Галина сама виновата. Она же хотела попасть в богему». Рассказал мне, что у Венички была изумительная жена Валентина Зимакова, мать сына, с которой он развелся из-за ее измены. Не смог простить. Что по-прежнему он собирается снять домик в районе Петушков, объяснив это ностальгией. Веничка слабым голосом включился в разговор. Рассказал, что когда родился сын, он был как две капли воды похож на него, а потом с возрастом стал все больше и больше походить на мать.

«Первенец» сообщил мне, что вся Москва уже давно мечтала с Ерофеевым познакомиться, и что часто он знакомил за плату. Например, Льна он познакомил с Веней за 50 рублей, а самого Льна он знал через Губанова, когда Леня работал у него пожарником.

Рассказы Тихонова прервал телефонный звонок. Звонила Наташа Воронина, которая сразу узнала мой голос. Сообщила, что ее знакомый журналист написал о Вене статью и хочет получить от него раз-

решение на ее публикацию. Вечером журналист уже звонил, и они договорились с Веней о встрече на следующий день.

Притихшая от нападок Тихонова Галина позвала нас с ним на кухню поесть вермишель с котлетой.

15 февраля

Ерофееву предстоит переоформление пенсии, аккуратно выплачиваемой ему государством в размере пятидесяти, а потом двадцати шести рублей по поводу перевода его со второй группы инвалидности на третью. В медицинской справке так и написали: «Может заниматься канцелярско-конторской работой, а также согласно профессиональным навыкам». Он в ярости от всего этого идиотизма и тягомотины.

Не выдерживаю и иду в его районную поликлинику. Представилась журналисткой, занимающейся его литературными делами. Собрала весь медперсонал, включая главврача и заведующую. Начала свою речь спокойно, а потом, незаметно для самой себя, перешла на возбужденный тон. Заявила, что напишу во все газеты разгромные статьи о том, как в СССР обходятся с гениальными писателями и вообще с творческими людьми. Поначалу перепуганные врачи решили перейти в наступление: «Если вы сейчас не уйдете — мы вызовем милицию», — сказали они мне. Веничка очень смеялся над моим заступничеством.

16 февраля

Вечер Евгения Рейна в клубе, где-то в районе Белорусского метро. Веничка вызвался пойти со мной, тем более, что с Рейном он еще не знаком. (Позже Рейн поблагодарил меня за его присутствие в зале.) Вечер прекрасный. По просьбе Ерофеева (поскольку Рейн всегда в курсе самых разнообразных событий), послала ему на сцену записку по поводу выхода каверинского журнала «Весть», в котором должны выйти «Петушки». Ответил, что первый номер все-таки выходит, так как текст уже сдан в набор, а остальные?..

19 февраля

Приезд на Флотскую Александра Давыдова — хозяина кооперативного журнала «Весть». Обсуждали публикацию в нем «Петушков». К беседе Галя меня не допустила, изолировав в соседней комнате. Веня сообщил Давыдову, что в «Континенте» вот-вот собираются издать «Мою маленькую Лениниану». Давыдов спросил, нельзя ли публикацию «Ленинианы» как-то приостановить, но Веня считает, что это не должно помешать изданию «Петушков».

25 февраля

Сенсация! Нашлась рукопись «Петушков». Отсутствовала 18 лет. Привез ее Вене Валера Котов. Сказал, что Седакова отдавала ее читать универси-

тетским профессорам. Так и затерялась. Веня намекнул, что хочет подарить ее мне на день рождения и еще заколку для волос — сам пойдет в магазин и выберет. В заколку поверила больше.

27 февраля

Веня чувствует себя ужасно. Все время говорит о смерти. Галя совершенно серьезно его спрашивает: «Ну подожди, мальчик, не умирай. Нам еще надо съездить в Польшу и дописать «Фанни Каплан». Показала мне свои новые брюки и даже примерила. Попросила на Юго-Западе купить для Вени шампуньонов и замороженных картофельных блинчиков. Не удивляюсь: давно заметила, что как только начинается в их жизни черная полоса, Галя ко мне сразу смягчается. Даже по телефону при мне кому-то сказала: «Приехала Наташка, и, вроде, все ничего». По донесению Венички Галя ему сказала: «Если уж вы так не можете жить друг без друга — пусть приезжает. Я ничего не имею против».

P.S. Привезла Веничке, по его просьбе, «Жизнь и судьбу» В.Гроссмана. Проникновенно поцеловал руку. Сказал, что знал заранее, что приеду к нему в его любимой синей юбке и пушистом свитере. Ко мне очень внимателен. В первый раз за время нашего знакомства спросил, как у меня обстоят дела дома, и т.д. Несколько раз напомнил Гале, чтобы она меня покормила. В разговоре о всяких его потерях в жизни сказал: «Вот только тебя нашел».

3 марта

Телефонный звонок на Флотскую. В трубке голос, передразнивающий ерофеевский: «...ну когда же ты, гадина, подохнешь?» Ерофеев на это: «Приди ко мне, и я разможжу тебе голову...».

Были до этого и другие подобные звонки. Например: «Ну как здоровье? Говорите, что ничего? Так, так...» Или: «Ерофеев, если вы не оставите свои семитские штучки, мы и вас не пожалеем, когда сила будет на нашей стороне».

Чуждый зоологического национализма, Ерофеев реагировал на его проявления в людях с отвращением. Иногда мог и пошутить: «Если начнутся еврейские погромы, то в знак протеста переименую себя в Венедикта Моисеевича» или: «Кого-то могу спрятать в шкаф, но при случае и выдать, если предложат, например, хорошую закуску».

Галя сказала, что если подобные звонки будут продолжаться, то она хотя бы на время для безопасности переселит Веничку к своей матери.

4 марта

Знакомый Венин литератор Олег Дарк предложил ему устроить платный «Вечер двух Ерофеевых» под предлогом, что молодежь запуталась: кто есть кто? Галя в восторге от идеи, т.к. им заплатят. Ерофеев на предложение почти не отреагировал. На мой вопрос «почему?», ответил: «О чем ты говоришь, о чем спрашиваешь? Ведь я уже давно по ту сторону...»

5 марта

Веня чувствует себя очень плохо, а к нему почти без приглашения нагрянула молодежь — перекрашенная девица и трое ребят. Навезли водки, обкурили комнату. Галя не возражала и даже выставила на стол тарелку с нарезанной колбасой.

Из разговора: «А как вы относитесь к Достоевскому? Вы не считаете, что «Преступление и наказание» — простенькая вещь?» Веня нервничает, даже матерится, а они и не думают обижаться. «А как вы относитесь к евреям?» Веня не выдерживает: «Я считаю, что за этим народом будущее». Галя добавляет: «Народ, который родил Христа, не может быть плохим».

Ребята выкручиваются: «Да нет, это не мы их не любим, это они нас не любят» и т.д., и т.д. Наконец ушли. Бедный Веничка!

6 марта

Приехал к Ерофееву из Челябинска бывший однокурсник по фамилии Михайлов. Не виделись 30 слышим лет. Решили, конечно, отметить встречу, и отправил его Ерофеев за вином. Вернулся однокурсник с двумя бутылками коньяка и с шампанским. Но от выпитого, хоть и за оживленной беседой, очень быстро заснул. Уехал обиженным, сказав, что за дружбу, оказывается, надо платить. Что он через стенку из соседней комнаты, где спал, все слышал, — как мы все над ним подтрунивали.

Вечером приезд на Флотскую Веничкиного

сына — Венедикта-младшего. Мрачен. Как и отец — высок и строен. Познакомились.

«А я о вас уже давно слышал, как об очередной своей мачехе», — сказал он, но совершенно беззлобно. Галя встретила его враждебно. Втайне от нее он привез бутылку водки и «Каберне», чтобы наедине с отцом спокойно пообщаться. Веничка от «гостинца» не отказался, но заметил при этом: «Я-то имею на это право, а вот ты — нет». Рассказал мне, как он ездил в Петушки провожать сына в армию. Кто-то из местных, имея в виду его редкое появление в семье, съязвил: «Ничего себе отец. Явился, наконец. Колбаски сыну привез». Веня вытряхнул его во двор.

Веничка-младший рассказал мне, что мать его работает телятницей, а ведь училась вместе с отцом во Владимирском пединституте, и что два раза из-за него ей грозило исключение. «Да, да», — подтвердил Веничка. Обстановка была ужасная. По распоряжению местных властей, автоматическому исключению из института подлежал каждый, кто с ним даже на улице о чем-то с минутку поговорит.

Веничка рассказал, что в начале 70-х он был приглашен поступать на факультет журналистики. Декан факультета, прочтя «Москва — Петушки», стал его большим поклонником... В этот же вечер от него узнала, что Галя в 84-м году, пребывая в болезненном состоянии, подала заявление на развод. В загсе очень нервничала, торопила: «Почему так приходится долго ждать?» Вскоре после этого попала в больницу и там свою мать и тетку умоляла уговорить Веню взять заявление обратно. Веня поделился со мной, что все его знакомые, включая Галю, удивле-

ны продолжительностью наших отношений. Все они были уверены, что все это продлится не больше месяца. Сказал, что сам он чуть ли не с 19 лет перестал верить всяким признаниям.

7 марта

Появление на Флотской в темных очках и при бабочке Льна. Он очень взволнован предложением о «Вечере двух Ерофеевых». Говорит, что для Вени соглашаться на это несолидно. Сам, наверняка, переживает, что остался в стороне.

Галя бушует — нет денег. Лён предлагает несколько вариантов их добывания: 1. Завести сберкнижку, на которую будут приходить деньги от покровителей. 2. Попробовать опубликовать «Петушки» в «Новом мире». 3. Устроить персональный вечер с достойной публикой, что он берет на себя. 4. Предлагает Вене покупать бутылку водки за одну страницу текста и т.д. Со мною Лён очень мил. Веничка, конечно, заметив эту перемену в отношениях, сказал Галине: «А ты помнишь, что болтал Лён о девчонке по телефону?» На что Галя ответила: «Да, конечно. Но он сейчас видит, что она закрепилась».

В этот вечер я услышала от Вени много добрых слов — что он очень сильно меня любит, что без меня ему невыносимо, что от меня он никогда не устает и т.д., и т.д. Сказала, что на Флотскую мне приезжать очень тяжело. «Попробуй не приедь», — ответил он.

У Гали, напротив, — беспричинная, неожиданная ко мне агрессия. Был с ней разговор. Я сказала, что

в любой момент, как она пожелает, покину их дом.
«Уже поздно», — ответила она.

8 марта

Веничке очень и очень плохо. Галя уехала к своей матери Клавдии Андреевне поздравить ее с этим «паскудным», по выражению Ерофеева, международным женским днем. Неожиданно вваливается сосед художник Сергей и умоляет нас хоть на 10 минут спуститься к ним с женой и немного отметить праздник. Делает мне какие-то глупые комплименты. Отшучиваюсь. Веничке не нравится моя реакция на Сережины излияния: «Если бы я к тебе был безразличен...»

А вообще — я в опале. Борис Сорокин, например, по донесению Ерофеева, раскритиковал мои подаренные Веничке акварели. Спросил его: «Тебе что, русских мало?» С отвращением смотрит на подаренный мной Веничке католический крест.

Ерофеев и Галю процитировал: «Почему-то твоей Наташке кажется, что все гении должны жить на помойке и не иметь ни куска хлеба». Ничего не понимаю. С чего она это взяла? Что за бред!

«Наверное, — говорю Ерофееву, — не случайно приснился мне ночью кошмар, как некоторые твои приближенные хоронят меня, да еще живу! Я проснулась утром от своего крика и тут же написала стихотворение». — «А ну прочти», — попросил Ерофеев. Взяла и прочла:

Мне снился ночью странный сон.
На кухне, под кастрюльный звон
Стоял на стульях гроб открытый.
В нем кем-то в спешке недопитый
Алел стакан. Все суетились.
«Что в этом доме приключилось? —
Спросила я. — Кого хоронят?»
«Тебя», — услышала в ответ.
«Но почему? Еще жива я,
И мне совсем немного лет!»
«Тебя», — повторен был ответ.
Охапками несли цветы.
Они тотчас же осыпались,
Как будто за меня боялись,
И улыбались странно рты...
И в лицах не было пощады.
И были лица рады, рады...
И руки жадные тянулись ко мне.
Но вдруг переглянулись между собою палачи:
«Ну ладно. Только помолчи.
Прими снотворное заранее.
Во сне ведь легче умереть.
Не надо так на нас смотреть...
Допей вино вон в том стакане.
Ведь знаешь: эта жизнь в обмане.
Зачем тебе ее терпеть?»
«И правда», — мысль меня коснулась.
Зачем же мне ее терпеть?
Любить, страдать, прощать, гореть?
Я благодарно улыбнулась
И в гроб спокойною вошла.
Глаза закрыла, отвернулась...
К утру в испарине проснулась —
О ужас! Я не умерла.

Веничка прослушал очень внимательно, но ничего не сказал. И то хорошо. Уехала поздно вечером, не дождавшись Галину.

9 марта

Она звонит мне. Сообщает, что был врач. Сказал, что Ерофеева срочно надо отправлять в Онкологический центр.

«Приезжай обязательно завтра, — попросила она, — не так грустно будет».

10 марта

Веничка рад моему приезду. Зачитала ему Лилино письмо, в котором она описывает литературную конференцию в Нью-Йорке. Один знаменитый профессор в своем выступлении сказал, что Ерофеев — самый яркий талант в России.

Уже поздно вечером, перед сном Веничка мне сказал: «Не хочу в больницу, не хочу операцию. Я ведь знаю, что мне предстоит...»

11 марта

Утром еле-еле меня отпустил. Несколько раз звонила ему из университета. Разговаривает сухо, а то и вешает трубку.

Вечером снова на Флотской. Галя уверена, что у него пошли метастазы, что он наверняка откажется от операции.

Веничка не сомневается, что свой день рожде-

ния — 14 марта я буду отмечать в бурной компании.

Удивился, когда я сказала, что приеду к ним, только без вина (врач запретил перед больницей две недели употреблять спиртное).

Галя внешне ко мне весьма дружелюбна. Вечером заезжал Муравьев. Забрал с собой рукопись «Москва — Петушки», которую Веня успел мне уже подарить, а я ему — вернуть, сделав с нее ксерокопию.

12 марта

По дороге к Веничке случайно встретила Рому Чепига (мужа моей близкой подруги Ольги). Рома — сам врач. Работает в клинике Святослава Федорова. Очень меня напугал, сказав: «Метастазы могут перейти на мозг, а это — самые мучительные боли».

Уже с Флотской ездили вместе с Галей за корвалолом.

Долго говорили с Веничкой о литературе. Чуть не поссорились: перепутала год пленума, на котором Жданов громил Зощенко и Ахматову. Он страшно возмутился: «Сколько у тебя было в школе по литературе?» С расстройства пошел на кухню пить от сердца корвалол. Пригрозил, что задаст мне десять вопросов по литературе. «Смотри, если не ответишь, то...» С трудом перевела разговор на другую тему.

13 марта

Утром Галя принесла мне в постель манную кашу и вообще со мной очень любезна.

Меня удивила Ахмадулина. Сегодня она с Мессерером отчаливает в Нью-Йорк и не звонит Веничке, чтобы попрощаться. А ведь наверняка слышала от Льна о предстоящей операции. Веня намекнул на какую-то мелкую ее обиду.

Галя: «Белла — больной человек, и не надо лишний раз ее о чем-то просить». О чем просить?!

Вечером до часа ночи читали Веничкины выписки из книги Галины Серебряковой «Карл Маркс». Очень веселились. Например такие строки: «Внутренний мир Женни был так глубок и обширен, что часто вырывался наружу». Или: «Аппетит Энгельсу никогда не изменял»...

Приятное событие: наконец-то Веничке вернули первое, иерусалимское, издание «Петушков», многие годы блуждавшее неизвестно где.

14 марта

Утром позвонила Галя, чтобы разбудить, но поздравить, конечно, забыла. Взял трубку Веня. Очень нежно поздравил с днем рождения. Пожелал повзрослеть, но потом сказал, что лучше не надо. Пообещала приехать с тортом, но он попросил, чтоб с шампанским: «Вы будете пить его с Галиной, а я вечером засяду за письменный стол. Я не из тех, кто вшивает в себя всякие торпеды. Если захочу, то брошу пить в любой момент. Я даже могу пококетничать со смертью».

К вечеру приехала. Веничка был очень расстроен, что ничего мне не подарил, даже обещанной для волос заколки. Но я подсунула ему ксерокопию

«Петушков», и он мне ее подписал: «По случаю дня рождения самой милой из всех девок — Наталье Шмельковой от автора рукописи 14 марта 1988 г.»

До меня приезжал организатор «Вечера двух Ерофеевых». Веня с Галей все-таки дали свое согласие. Виктор Ерофеев выразил желание выступать вторым.

15 марта

Утром на своей машине приехала Яна Щедрина, давняя Веничкина знакомая, с мужем, и мы все отправились в Онкологический центр. Веничка спросил меня: «Страшно?» — «Ничуть, — ответила я, — все будет хорошо». Назвал умницей.

В Онкологическом центре чудовищные очереди. Обреченные лица... Очень много нацменов, платящих большие деньги, чтобы только сюда попасть. Веня удивлен: «Какая борьба за жизнь!» Галина отыскала хирурга Огольцову, которая делала Веничке первую операцию. В кабинет № 28 они вошли с Веничкой вместе. Долго не выходили. Ждала и молилась... Когда они вышли, по лицам их все поняла. Диагноз: один узел. Необходима операция. Будет полегче первой по продолжительности. Веня с трудом добрался до выхода. Его от волнения заносило. По дороге на Флотскую Галя купила торт и две бутылки вина. «Рождение продолжается», — чтобы как-то отвлечь Веню, сказала она.

Потихоньку от Гали Веничка сказал мне, что он не хочет, чтобы я была приходящей. Чтобы я пожила у них, когда он ляжет в больницу.

16 марта

Утром Веничка еле-еле меня отпустил. Надулся. Простились сухо. К вечеру снова приехала. Галя открыла дверь со словами: «Не может он без тебя». Смотрели «Телемост» — Горбачев в Югославии. Звонил друг Венички — артист Леша Зайцев. Ему дали студию, а репертуара нет. Веничка обещал минут на 40 написать ему пьесу. Я звонила поэту Саше Сопровскому. Просила, чтобы его друг поэт Бахыт Кенжеев связался с Веней, чтобы обсудить с ним, как пробить деньги из Бостона за издание там «Петушков». Мои знакомые Петя и Инна дали мне телефон замечательного врача, их друга Мацаева. Он уже много лет как занимается раком, очень многим помог и не берет даже за лечение денег. Он просил меня, чтобы позвонил ему кто-то из домашних, чтобы узнать некоторые нюансы. Галя не реагирует. Никакой инициативы, мрачнеет с каждой минутой. Ее, наверное, раздражает моя бурная деятельность. Но мне не до деликатности. У Венички настроение, как ни странно, неплохое, хотя Галя при нем мне рассказывает: «Сколько раз умирал от похмелья, горячек, вот теперь от рака горла и все валяется с бабами. В общем, каждый раз начинается новую жизнь».

Веничка очень стойко держится. Не просит ни глотка. Сказал, что готов не пить 10 лет, лишь бы не делать операцию.

Приезд Ляна. Вручает мне подарок к прошедшему дню рождения — альбом «Американское искусство в Спасо». Все поражены такой смене отношений.

Советует уходить из университета. Обещает помочь найти работу — съемки в кино, издание статей и т.д. Галя по этому поводу: «Веня, за ними надо посмотреть, какими они стали друзьями».

Новости: в Шотландии на международном фестивале театрального искусства постановка «Москва — Петушков» заняла первое место. Первый приз — за перевод на английский «Петушков» неизвестной Вене переводчицы.

17 марта

Приезд на Флотскую Леры и Коли Мельниковых с двумя детьми, пластинкой Высоцкого и воблой. Стоит страшный шум. Галя, не любящая детей, нервничает. А Веничка с ними очень нежен. Особенно с девочкой.

18 марта

Галя у кого-то в гостях. Веничка по секрету сообщил мне, что она сдалась и купила ему бутылку коньяка. Упрашивает меня купить ему еще «гостинец», но тут с бутылкой водки появляется Игорь Авдиев* со старым Вениным другом из Владимира Андреем Петяевым.

Игорь предлагает перед операцией Веню соборо-

* Старинный друг Ерофеева. Один из персонажей поэмы «М — П»: «То был Черноусый в жакетке и коричневом берете...». После смерти Ерофеева — скрупулезный исследователь его творчества и биографии. Умер в 2001 году.

вать. Галя, конечно, относится к этому скептически. Агрессивна. Грозится все бросить и т.д., и т.д.

Настроение у Венички чудовищное. Страшно боится операции. Вечером звонок от художника Калугина и его жены Тамары с приглашением Вене и Гале прийти к ним на вечер памяти Вадима Делоне*.

Ночью мне домой звонит из Мюнхена моя близкая подруга Рубина Арутюнян**. Я много рассказываю ей о Ерофееве, в частности о его плохих материальных делах. Собирается выслать мне для него деньги.

20 марта

Утром заехала в мастерскую архитектора Ираклия Мосешвили — близкого друга художника Владимира Яковлева. Он и его жена Тамара очень чтут Ерофеева, как писателя, и не прочь подарить ему замечательную Яковлевскую гуашь — одинокий цветок в громадном, пустынном поле. Ираклий рассказал мне, как они недавно с Тамарой были на авторском вечере Татьяны Толстой. Как из зала ей задали вопрос о «М—П». Она назвала «Петушки» гениаль-

* Талантливый московский поэт. Внук известного математика, академика Бориса Делоне. Правозащитник. Участник демонстрации на Красной площади (август 1968) против оккупации Чехословакии, за что и был осужден на 3 года уголовных лагерей. В 1976-м эмигрировал в Париж (родину предков), где прожил 7 лет. Умер в 1983 году.

** Представительница московской богемы (диссидентка), коллекционер современной авангардной живописи. Эмигрировала в Германию в начале 80-х годов.

ным произведением. Сказала, что обязательно и как можно скорее его надо напечатать.

Являюсь на Флотскую с подаренной Ираклием картиной. У Венички в гостях только что приехавший из Парижа Саша Бондарев. Очень скептически отнесся к предстоящему «Вечеру двух Ерофеевых».

Веничка говорит, что собирается взять в больницу необходимые для работы над «Фанни Каплан» материалы. Когда я усомнилась в том, что он сможет работать в таком тяжелом состоянии, ответил: «Ты меня плохо знаешь. Ведь я человек сюрпризный». И немного помолчав, добавил: «Наверное, Господь от меня еще чего-то ждет, и, скорее всего, еще две вещи, а иначе зачем все это тянуть?»

Звонок Игоря Авдиева: сегодня вечером приезжает со священником для соборования. Оказывается, до моего приезда на Флотскую, звонил Ерофееву Муравьев. Соборование очень одобрил.

Веничка сопротивляется. Ему так хочется спокойно побеседовать с Бондаревым за бутылочкой парижского коньяка. Чуть не плача, его все-таки уговариваю. Он на мои всхлипывания: «Тебе что, уже надоели мои капризы?»

Приезд Игоря Авдиева со священником.

Как потом сказал мне Ерофеев, он очень понравился ему своим спокойным, красивым, благородным лицом. Весь обряд соборования происходил при нас с Игорем. Ерофеев очень волновался. А когда началась исповедь, священник попросил нас с Игорем выйти из комнаты.

В конце обряда батюшка сказал Ерофееву: «Попросите у всех прощения». — «И у Галины тоже», —

сказал ему Игорь. — «Все это по ту сторону», — отмахнулся рукой Венедикт.

P.S. Не помню от кого, случайно узнала, что многие православные священники отказывались Ерофеева соборовать: «Ведь он же католик!»

21 марта

Приезжаю на Флотскую. Галя на вечер памяти Вадима Делоне ушла одна, оставив Веничке две бутылки сухого вина. Настроение у него мрачное. Не покидают мысли о предстоящей операции. Все время заводит 4-ю симфонию Сибелиуса.

Занавески на окне плотно задернуты. У него — Борис Сорокин. Раскланялись холодно.

Веничка о предстоящей операции: «Ведь я ни закричать не смогу, ни застонать, а ведь это так облегчает».

22 марта

Состояние тяжелое. Агрессивен. Моя близкая подруга Юлия Паль обещает мне через военный госпиталь обеспечить любой наркоз и даже ухаживать за Ерофеевым в больнице.

Вечером по «Би-Би-Си» читают «Москва — Петушки»...

25 марта

Познакомились на Флотской с Ниной Васильев-ной — младшей Веничкиной сестрой, живущей в

Москве. Рассказала мне, что после первой операции его больше всего потрясла потеря речи. Все время снились сны: что он говорит, говорит...

Галя Вене при Нине Васильевне: «Да разве Наташка даст тебе умереть? Она поднимет на ноги всю Москву!» (Ну, не ожидала от нее такого!)

26 марта

Освободилось место в больнице, и мы — Ерофеев, Нина Васильевна, Галя и я поехали в Онкологический центр. Сначала Веничка был чуть ли не в панике, но потом, уже в больнице, быстро успокоился, адаптировался.

27 марта

Веничкины именины — день Святого Венедикта. Приехала с розами и корвалолом. Чуть позже — с нарциссами и шоколадкой приезжает Татьяна Щербина. Сообщила, что есть шанс опубликовать «Петушки», «Василия Розанова», а, может быть, и «Вальпургиеву ночь» в журналах «Нева» и «Родник». У нее приятная новость. Вступила в Союз писателей. Рекомендации дали Белла Ахмадулина, Лев Аннинский и Фазиль Искандер. Очень деликатно спрашивает о моих отношениях с Галей. Предлагает, ради спокойствия Ерофеева, мне чем-то помочь — поговорить с ней.

У Венички самочувствие неважное. Говорит, что умрет 1-го апреля. Панически боится операции и не скрывает этого. Вспомнила, как он мне, может быть

в шутку, говорил, что если бы его взяли в плен, то он под пытками выдал бы все тайны.

Несмотря на плохое самочувствие Ерофеева, прошу подписать его письмо некоего Анатолия Гланца — талантливого поэта и переводчика, которому грозят крупные неприятности за дерзкое письмо главному врачу 13-го психоневрологического диспансера. Подписали его всего 10 человек, хотя Гланца в Москве очень многие знали. Наверное, испугались. Вот отдельные строчки письма: «...Как можно на четвертом году гласности и демократии, когда все газеты переполнены статьями, за которые еще пять лет назад давали минимум пять лет тюрьмы — как можно в эти дни травить человека за его убеждения? Как могут врачи, представители самой гуманной профессии, подвергать травле поэта, т.е. человека тонкого и ранимого во всех отношениях? К чему это ведет? Как известно, общество, убивающее своих поэтов, обречено на гибель (Овидий, Пушкин, Лорка, Мандельштам и др.). Как можно, осуждая злоупотребления периода культа личности, повторять преступления 37-го года, в наглом циничном варианте 87-го?» И т.д., и т.д. Веничка, практически не прочтя письма, сразу его подписал: Ерофеев (пенсионер). Но я попросила, чтобы он подписался и как литератор. Забегая вперед: 14 июля 88-го года меня вызвали по поводу этого письма и моей подписи на нем на Петровку, 38. Веничку, слава тебе Господи, вызовом не потревожили.

28 марта

Галя по отношению ко мне, как всегда, непредсказуема. Вытащила из вазы принесенные мной Вене прекрасные розы и под предлогом, что они осыпятся, раздраженно засунула их в сумку. Уже потом, когда она ушла, Веничка намекнул, что на ее любовь мне не приходится рассчитывать.

Вечером по телефону она сообщила мне жуткую новость: Огольцова и другие врачи после осмотра Ерофеева пришли к решению, что скорее всего операции не будет — слишком большая опухоль.

Веничка, конечно, об этом не знает. Уже просит, чтобы я после операции дежурила у него ночью, что он поговорит на эту тему с Огольцовой.

30 марта

Увидела Ерофеева в коридоре с подносом (ужин). Радостно мне улыбнулся. Слава Богу! Думала, что он в тяжелой депрессии.

В палате — Галя. Настроение у нее боевое. Уговаривает Ерофеева писать «Фанни Каплан» Обещает: за одну страницу текста — 100 г коньяку. Все время цитирует Сашу Бондарева: «Первое перо».

Веня, оказывается, еще не видел Огольцову и не верит Гале, что пока операции не будет. Еле убедили.

Мечтает, чтобы я ушла из университета: «А то ты уедешь в свои «Тольятти».

Галя (язвительно): «А ты, конечно, не переживешь?»

31 марта

Приехала с букетом цветов. В палате одна Галя. (Веничка на ужине.) Встретила злобно. Рвет и мечет. Тем не менее сообщает новости: приезжал Лён с каким-то артистом с «Таганки». В театре идет чтение «Вальпургиевой ночи». Хотят ставить.

Появление с букетом нарциссов Бориса Сорокина. Несмотря на принятие Ерофеевым католичества, он, как сказал мне Веничка, считает его практически православным: соборование, первая исповедь и т.д. Предлагает в церкви подавать записки за его здоровье.

Галя перед уходом Ерофееву: «Ты помнишь наш уговор на завтра? Сто грамм коньяку за страницу текста». Стало немного не по себе, хотя и сама хочу, чтобы он писал. Но как-то все не так.

Поздно вечером собираюсь уходить. Веничка уже лег спать.

2 апреля

Приехала к Ерофееву с вербой (завтра вербное воскресенье). На столе — пустая, маленькая бутылочка коньяка, а текст Веничкой так и не написан. Полтора часа гуляли. Дошли почти до Коломенского. По возвращении увидели в коридоре ожидающего его Лёна. Вручил ему выступление Бродского по случаю присуждения ему Нобелевской премии и свою подборку стихов «Послание», которую собираются опубликовать в Париже. Попросил написать предисловие. Сообщил новости: издательства «Книга» и «Московский рабочий» собираются опублико-

вать чуть ли не полное собрание сочинений Ерофеева. Вовсю начинают печатать Аксенова, собираются Зиновьева и т.д., и т.д. Пророчит Веничке очень скоро стать миллионером. «Вот только бы выжить!»

У Ерофеева настроение неплохое, верит в свое выздоровление. Сказал, что в августе собирается ехать в Хибины и штурмовать все сопки. Зовет меня с собой. Собрались с ним 3-го поехать в Коломенское, зайти в церковь на службу, погулять в лесу, пропустив даже обед.

Спросила, почему Галя 28-го была так со мной груба? Ответил: «Ну как же! Она ведь Ерофеева! А тут перед мужиками крутится какая-то бабенка».

3 апреля

Приехала в 11 утра. У Вени уже Галя. Пошли втроем гулять в Коломенское. Встретили Светлану и Колю Мельниковых с кучей детей. Мельникова весьма раздраженно отреагировала на принятие Веничкой католичества: «Хорошо, что не обрезался», — сказала она. Галя скоро уехала, а мы еще все вместе зашли в церковь на службу. Фотографировались. Веничка доволен: на целых пять часов он вырвался из больницы.

Вечером звонил мне Коля Мельников. Сказал, что связался с очень хорошим врачом, который обнадеежил: облечение очень может помочь. Пожалел, что не взял в Коломенское кинокамеру. Ориентировочно договорились, что в следующую субботу все вместе снова туда отправимся. Про Галю сказал, что у нее двойная роль, но у Вени к ней свои привязан-

ности: он понимает, что никто так с ним не будет возиться, как она.

4 апреля

В больницу не ездила и вечером позвонила Гале. Разговаривала со мной сухо. Под конец обвинила в том, что из-за меня Ерофеев не дописал «Фанни Каплан»: «Надо было беречь его силы, а не ходить по выставкам!» Спросила ее: «Почему же за 13 лет совместной жизни с тобой он написал только «Вальпургиеву ночь?» Перешла на крик.

5 апреля

Я у Вени. Галя таинственно вывела меня в коридор. Сообщила, что некий Кривомазов согласился за 100 рублей продать ей пленку с ерофеевским исполнением «Петушков» (ну и знакомые у Венички!)

Веню сегодня облучали. Чувствует себя неплохо. Даже улыбается. Сообщил, что завтра приедет Кривомазов его фотографировать.

Ерофеев верит в выздоровление, а мне страшно: мудрая Луговская сказала мне, что вера в это прямо пропорциональна тяжести заболевания.

Веничка хочет пойти на открывшуюся в «Пушкинском» выставку Сальвадора Дали (очень любит его). Обещаю достать билеты. Долго разговаривали о Набокове. «Когда же ты успела все это прочесть? При мне за столько времени знакомства ты прочитала только два стихотворения Лына».

Вечером Галя по телефону: «Ты что не звонишь?» Сказала, что Давыдов подписал все бумаги и скоро выйдут «Петушки». Поздравила ее. Выясняли отношения. Галя: «Я терпела тебя только для того, чтобы в доме не было тишины, которой я так боюсь».

6 апреля

Застала Веню крепко спящим. Принял четыре таблетки снотворного! Опять сильные боли в голове. Проснувшись, сказал мне, что гонорар, который он получит от Давыдова, положит на сберкнижку, потому что, если умрет, не на что будет хоронить. Веня Гале: «Ты привезла Лиду?» (т.е. вино «Лидию»). Галя, показывая на меня: «ш-ш-ш-ш-ш-ш...» Веня: «Да не скрывай. Наташка ведь своя. Уже давно своя».

7 апреля

Приехала в 7 вечера. У Вени Галя. Самочувствие чуть получше. Никаких новостей. Из отдельных реплик — Ерофеев: «Я никого и ничего не люблю». Галя: «А Наташку свою разве не любишь?» Ерофеев мне по поводу предстоящего моего визита к зубному врачу: «Ты ведь так рада, что не придешь в пятницу и отдохнешь от меня». После ухода Гали: «Почему ты при ней стараешься выглядеть чужой?» — «Как почему, — отвечаю, — чтобы лишний раз не раздражать ее своим присутствием». Сообщил, что с середины апреля его будут отпускать домой на субботу и воскресенье. Жалуется на Галю: «Входит в комнату без стука, а уходя, хлопает дверью, чтобы показать

мощь домовладелицы, а ведь я у себя дома такой же хозяин, как и она».

9 апреля

Встретились в вестибюле в 11 утра. Хотели погулять, но пошел дождь. Настроение у Вени жуткое. Во-первых, очень болезненной оказалась гипертермия (американское изобретение). Во-вторых, дежурная медсестра сделала замечание, что приходит много народу и в палате нечем дышать. Веня в ярости, отказался даже от уколов.

Новости: приезжал за разрешением поставить «Вальпургиеву ночь» режиссер Театра на Малой Бронной. В журнале «Крокодил» намереваются печатать «Москва — Петушки». Веничку это нисколько не смущает: у журнала большой тираж и в нем хорошо платят. Собирается на все плюнуть и в субботу поехать в Абрамцево.

11 апреля

Приехала к вечеру. Веня сообщил, что его навещал поэт Бахыт Кенжеев. Очень ему понравился. Долго беседовали за чаем. Веничка, конечно, большой ребенок: так и не развернул огромную плитку шоколада, которую принес Бахыт, чтобы не испортить красивую яркую обертку, так ему понравившуся.

С грустью поделился со мной, что каждый день во сне видит Кольский...

13 апреля

Приехала с тюльпанами и пирожными. У него журналист Леонид Прудовский. Самочувствие плохое — сильные боли, депрессия. Мрачно шутит: «Единственная надежда на то, что врачи наконец-то поймут — это «всё» и отменят эти экзекуции». Прудовский сказал Веничке, что популярность его необыкновенна. Что ему передают самые теплые приветствия даже те, кто его не знает. Возмущен Кривомазовым. Обещает Ерофееву устроить посещение «Пушкинского» — выставки Сальвадора Дали. Ушла в 11 вечера.

14 апреля

У Венички Галя и Борис Сорокин. Галя рассказала, как они со Льном встретились в метро с Кривомазовым: он привез пленку с ерофеевским исполнением «Петушков» и его фотографии в молодости. Ему отдали обещанные за пленку 100 рублей, а Лён (конечно, эффектно) влепил пощечину, сообщив при этом номер Веничкиной сберкнижки и выразив надежду, что в ближайшее время эти деньги будут на нее переведены.

Веня сказал, что днем его навещал Саша Елифанов со своим знакомым из Баку, не так давно лежавшим в этом же отделении. Цель приезда бакинца — хоть раз в жизни увидеть живого, обожаемого им Ерофеева.

Настроение тяжелое: «Ты должна мне предлагать не рубашки стирать, а саван шить».

16 апреля

Веничка рассказывает: «Приезжали из Театра на Малой Бронной за разрешением поставить «Вальпургиеву ночь», хотя сценарий еще не готов. При чтении пьесы стоял страшный хохот. Режиссер Портнов хочет сократить текст до 3-х часов, ссылаясь на то, что наша публика не привыкла к четырехчасовым спектаклям». Но дело, как мне кажется, не в этом. Портнов по секрету сказал, что хочет опередить «Таганку», где собираются ставить «Петушки».

На субботу и воскресенье Ерофеева отпустят домой. Первое, что он сделает — это сдаст накопившуюся дома посуду и пересадит на балконе цветы. Он в ужасе от больницы. Рассказывает, как в прошлый раз, когда ему делали первую операцию, молодые девки (медсестры) с гиканьем и улюлюканьем везли его на каталке в операционную. А сейчас, когда после болезненной гипертермии, он, обессиленный, опускается на стул, чтобы перевести дух, они торопят его подняться. «И зачем только эти девочки поступают в мединституты?» — недоумевает он.

Галя стонет: «Сколько можно страдать?», а Веничка просит меня поддержать его дух.

Вечером мне домой звонит Галя. Очень возбуждена. Чувствую, что она хочет поговорить со мной о Вене. Уже в который раз рассказывает о его детстве: «Отец сидел. Мать уехала на заработки в Москву. Веня в Кировске почти до девятого класса был в детдоме. Голод. Особенно в 48-м. В школе, несмотря ни на что, был не просто отличником, а вундеркин-

дом. Встретился со мной в 36 лет. Я нашла его просто на помойке. Помогла, конечно, дача Делоне. Там он оживал. С тех пор я всегда старалась накормить его курочкой»...

19 апреля

По непонятной мне причине встретил холодно. Придрался к тому, что не читала Лотмана. Назвал невеждой. Галя рздносно: «С кем связался!» Не задерживал, как обычно, когда собралась уходить: «Поезжай домой, тебе ведь должна звонить Галя из Дубны». Напоследок Галя мне сообщила: они со Льном мечтают, чтобы «Вальпургиева ночь» была поставлена к дню Веничкиного рождения. А Веничка мечтает, если будет жив, поехать в Хибины за голубикой и черникой. Он знает места...

20 апреля

Встретилась в МГУ с Бахытом Кенжеевым. Передал для Вени деньги. «Протяните его хотя бы полгода, чтобы при нем вышли книги, а то все как-то страшно несправедливо», — с горечью сказал он.

21 апреля

Встретил радостно. Попросил сопровождать на гипертермию: «Мне так будет намного легче». — «А как же Галя?» — «Я ей скажу, чтобы не приезжала». Ушла в 11 вечера. На улице, у выхода, присела на лавочку. Закурила. Подошли два дежурящих пья-

ных милиционера. Попросили сигарету. Из их разговора: «Кто второй раз сюда попадет, тому уж конец». Поднялась и направилась к метро. Вослед услышала сочувственное: «Не проводить ли Вас?»

Шла и ревела. В час ночи позвонила Галя. Сообщила, что Веню вот-вот отпустят домой, а через две недели — операция, но он не должен об этом знать! И еще новость: издательство «Московский рабочий» перепечатало «Вальпургиеву ночь» и оттуда запрашивают за проделанную работу 84 рубля (!).

22 апреля

Приезжаю к вечеру. Веня сообщил, что до меня было много народу: Белла Ахмадулина с Мессерером, Сорокин, неизвестная мне Алиса (которая в свое время носила в медальоне прядь его волос) и т.д., и т.д. Самый низкий поклон через Беллу передал ему Иосиф Бродский. Аксенов вроде бы занялся в Америке его финансовыми делами и собирается выбить хотя бы тысячи две. Из Польши в Москву приезжал ксендз и первое, что сделал, справился о его здоровье. Кажется, собираются опубликовать в «Новом мире». Огольцова (хирург) уже прочитала половину «Москва — Петушков» и вошла во вкус.

Веня в ярости от того, что за перепечатку «Вальпургиевой ночи» издательство берет с него 40 рублей, при его пенсии — 50 рублей. Он не знает, что на самом деле просят 84: мы с Галей от него скрыли. «Они все пользуются моей болезнью!» Называет все это «кривомазовщиной». Подозревает, что Галина опять заболевает. Вспомнил, как она из стадоллоро-

вых бумажек делала кораблики и пускала их по воде, приклеивала валюту к портрету Фета. Сказал, что она совершенно не умеет вести дела, назвал «отродьем», и т.д., и т.д. Короче, когда из издательства вернулась Галина с коньяком, ей здорово нагорело. Она вскипела и сказала, что сегодня же встретится с главным редактором К. и порвет договор. Так с ней и сделали. Назначили К. свидание, встретились на улице под проливным дождем и выясняли отношения.

23 апреля

Приехала к Вене после выставки Сальвадора Дали. У него Галя. Встретила дружелюбно. Сообщила, что по «Свободе» передавали «Лениниану». У Венички настроение хорошее. До слез смеялся над моим рассказом о выставке, как одна разодетая в пух и прах дама, глядя на офорт Сальвадора «Леда и Лебедь», недоуменно спросила свою подругу: «Лебедь очень красиво написан, но за что же он так ее клюет?»

25 апреля

Приезжаю с опозданием из-за страшной зубной боли. Ерофеев (подозрительно): «Глаза блудливые». Прошелся и по Сорокину: «С нескрываемым раздражением говорил о ксендзе, приехавшем из Польши и справившемся о моем здоровье. Сорокин ругает Леру за то, что не слушается свою свекровь Светлану Мельникову и редко ходит в церковь, а у

нее трое детей!» Досталось и Леше Зайцеву: «В присутствии посторонних людей ругает Жанну. Говорит, что любит другую». Веничка признался, что уже с юности он не переносит кратковременных романов, увлечений. Сказал, почему думает, что я часто приезжаю к нему через силу: вспомнил мою поездку в психиатрическую больницу к Володе Яковлеву. Я ему призналась: «Устала. Сил нет ехать, но надо». В общем — полный разгром.

Галя сообщила мне, что на днях издательство «Московский рабочий» ей все вернет, и Веничка очень этому рад. Им понемногу отовсюду идут деньги. Веня 600 рублей хочет положить на книжку для поездки на Кольский: «Не с пятью же рублями ехать!» Хочет, чтобы я отправилась с ним, хотя сказал: «Тебе там будет скучно без людей», но потом вдруг шепнул на ухо: «Да без тебя я никуда не поеду, девчушка!»

Попросил прочесть ему вслух опубликованную в «Огоньке» «Элегию» Введенского. Поражена. Ведь только вчера в кои-то веки я разбирала свой книжный шкаф и из одной папки случайно выпало перепечатанное на машинке и кем-то подаренное мне именно это стихотворение! Веничка тоже очень удивился такому совпадению.

При расставании: «Веничка, когда ты возьмешь за перо?» Ерофеев: «У меня болит попа от уколов». — «Но ты же не ею пишешь!»

27 апреля

Судя по всему, Веня об операции и не думает. Верит, что все закончится гипертермией. Сказал: «Если

бы предложили операцию, я бы ответил: «Лучше лягу в могилу и засыпайте». Галя приносит ему читать какие-то детские книжки. Веня считает, что это симптом заболевания. Правда, мать его старинного друга Марка Фрейдкина, врач-психиатр, сказала ему еще до первой операции: «Пока у тебя опасный период, с Галей ничего не случится. Она мобилизует все силы, а вот потом возможно обострение».

Веничка собирается, покинув больницу, праздновать это событие не меньше недели. Я в ужасе. А предстоящий наркоз? Все время агитирую его начать писать. Веня: «О работе ты мне не говори. Думай обо мне, что хочешь, но я сам в этом заинтересован, из-за денег, для экстренного случая, например, для путешествия на Кольский. А пьеса — это тысячи две». Не доволен приближающимся «Вечером двух Ерофеевых». Считает, что ничего из этого не получится. Сокрушается, что у него нет голоса: «Я бы такое наговорил!» Очень сожалеет, что не навещает его Любчикова: «Ничто ей не мешает. Ни возраст, ни здоровье. Всегда веселая такая!»

30 апреля

«Вечер двух Ерофеевых» в клубе «Красная Пресня». Зал на 700 человек. Почти полный. Первое отделение — Виктор Ерофеев. Прошло, как мне показалось, довольно тускло. Затем Веничка. Выступал Генрих Сапгир, прослушивалась магнитофонная запись «Петушков» в Веничкином исполнении, читались отрывки из «Вальпургиевой ночи» артистами

Алексеем Зайцевым и Жанной Герасимовой и т.д., и т.д.

Аплодисментами Ерофеева вызвали на сцену. Вопросы обычные: «Любимый современный прозаик?» — «Нет». — «Любимый поэт?» — «Бродский» и т.д.

Два раза зал вставал и устраивал овации.

В перерыве одна канадка рассказала, что Ерофеева включили в обязательную программу для студентов-филологов Монреальского университета.

Заплатили за вечер 50 рублей. Галя рада.

Вернувшись на Флотскую, отметили событие. Звонил неизвестный всем нам художник с просьбой написать Венин портрет. Еще один, несколько омрачивший событие, звонок, по словам Гали, «от провокатора Галкина из общества «Память». Ни к селу ни к городу поливал евреев-врачей. Галя его оборвала. Сказала нам, что подобные звонки раздаются в квартире периодически.

1—2 мая

Смотрели с Веничкой телевизор. Галя раздражена. Называет нас то «голубками», то «старыми придурками». Оказывается, она скрыла от меня три звонка врача Мацаева, на которого я с таким трудом вышла. Уже позже, при разговоре с ним, выяснилось: от нее он не получил никакой информации о Венином состоянии.

Веничка сказал мне, что у него набираются деньги для поездки на Кольский. Подтвердил свое желание ехать со мной. Говорю, что у меня тоже будут

деньги. Пришел в ярость: «Я всю жизнь был нищим, а вот теперь имею возможность... А ты...»

4 мая

Набралась храбрости, позвонила Гале и все ей высказала. В ответ — чуть ли не оскорбления. «Гая, — говорю весьма спокойно, — я веду дневники, все записываю».

Вечером звонит Ерофеев: «Так-так, — слышу, — дневнички ведешь? А ну почитай что-нибудь из своих записей». — «Пожалуйста, — отвечаю, — заказывай даты» (а память у него уникальная). Задал 15 вопросов. Остался доволен. Даже похвалил: «Молодчага. Продолжай в том же духе».

8 мая

Звонит Ерофеев. Ему плохо. Очень просит меня приехать. Являюсь. Галя в ярости. При ней Веничка ко мне подчеркнуто безразличен. Ему необходим для сердца корвалол, неожиданно исчезнувший из всех аптек. Съездила к знакомой врачухе и привезла целых пять упаковок. У него уже гости: Генрих Сапгир с каким-то врачом из Израиля. Не снимая плаща, вручила Вене лекарство и тут же откланялась. Вечером по телефону он мне объявил, что «все отметили мой демонстративный отъезд».

9 мая

Несмотря на праздничный день, по договоренности с благородным Мацаевым приезжаю к нему на

такси (еду через всю Москву) и, оторвав от жены и многочисленных детей, везу на Флотскую.

Галя встретила грубо. Обругала меня, да и ему досталось. Веня несколько раз ее одергивал. К приезду врача сначала отнесся несколько скептически, но потом — ничего. Мацаев прописал ему очень редкие антидепрессанты, сказав, что сам для него их найдет. Веня отказывается: «У меня состояние не депрессии, а обреченности. А с плохим настроением я и сам могу бороться. Для этого существуют книги и любимые пластинки».

Мацаев обещал ему хороший наркоз и замечательных врачей из отделения химиотерапии. Правда, намекнул, что неплохо будет, если врачу позвонит кто-то из известных людей, например Ахмадулина.

Когда вышли на улицу, я, чуть не плача, долго извинялась перед Мацаевым за такой прием. «Все это ерунда, — сказал он. — Я врач, и мое дело лечить, а не обижаться на кого-то. Но мне просто будет очень трудно говорить с Галей о здоровье Ерофеева».

Вечером позвонила Тане Щербине. Посоветоваться. Поначалу она вызвалась обратиться за помощью к Фазилю Искандеру, но потом отказалась: «Все это в общем глупо и надо идти к врачу именно вам». Предложила позвонить Гале и серьезно с ней поговорить — чтобы та, по возможности, не препятствовала моим действиям.

11 мая

У Гали острый приступ радикулита. Наплевав на ее скверное общение с Мацаевым и достав на работе

спирт, еду на Флотскую ее подлечить. Полегчало, и она сменила гнев на милость. Утром предложила даже поесть: «Мы так давно вместе с тобой не завтракали».

Сообщила ей о приехавшей из Канады поэтессе Марине Глазовой, которая позже рассказала мне, что Бродский собирается организовать сбор средств для Вени, а сама она очень хочет подарить Ерофеевым двухкассетный магнитофон, но боится знакомиться с Веней, таким знаменитым человеком.

Гуляли с ним четыре часа в лесу. Лишний раз поражаюсь, как он знает и любит природу — разглядывает каждую былинку. Видели белку и дикую утку. Сидели на берегу Москва-реки.

Прошла мимо нас женщина с колясочкой. Веня: «Как я не люблю детей!» — «А как же твой?» — спросила его. «Когда он был маленьким, я почти все время находился в отъездах, и он меня не отягощал», — ответил он.

Все время вспоминает, как ему было хорошо и весело, когда он встречал меня на автобусной остановке в Птичном. Сказал, что вот-вот из Кировска приедет его сестра Тамара, с которой он ведет регулярную переписку. В первый раз от Венички узнала, что всю жизнь она проработала на почте. Подумала: «А как образованна! Как хорошо знает и любит литературу».

Ерофеев очень хвалит Тamarу Васильевну, присылающую ему из Кировска такие прекрасные книги. Отдельными, правда, недоволен. Например, «Памятью» Чивилихина, которую он получил от нее

еще в 86-м году: «И для чего мне Тамара Васильевна подсунула этого Чивилихина? (не зря лауреат). Ни слова о разрушении 400 церквей в России в 1929 — 33 гг.

Не зря: — Гос. премия РСФСР.

Не зря: — Гос. премия СССР» и т.д., и т.д.

Рассказала ему, что в августе мой отец едет на всесоюзную научную конференцию на Кольский. Веничка удивлен: «Какое совпадение! Ведь я наметил свою поездку туда именно на август». Еще раз подтвердил, что без меня он никуда не поедет.

На Флотской уже ожидал Веню Олег Дарк. Предложил ему опубликовать отдельные выдержки из «Фанни Каплан» в новом кооперативном журнале. Участвовать в нем охотно согласился Генрих Сапгир, будут опубликованы стихи молодых талантливых поэтов и т.д., и т.д. Веничка дал свое согласие.

После прогулки Ерофеев в чудесном, даже игривом настроении: смеясь, швыряет в меня тапочки, но Галя по секрету мне сообщила, что он все время говорит ей о смерти: «В последний раз бреюсь, в последний раз пью, не разменивай квартиру» и т.д.

14 мая

Приехала к вечеру. У Венички депрессия по поводу предстоящей операции. Как могу — утешаю... Галя сказала мне, что друзья Александра Давыдова привезут к нему своего врача-экстрасенса. Они попросили ее, чтобы я при этом не присутствовала — «сильное поле, это может помешать». Веничка: «Самое сильное поле у меня».

Гале кто-то дал телефон радиостанции «Голос Америки». Она должна позвонить туда и на английском попросить вызов Вене для операции. (Но, конечно, этого не будет).

Вечером заехал Валера Котов. Передал Веничке от Ольги Седаковой текст под названием — «Несказанная речь на вечере Венедикта Ерофеева». В начале говорилось, что с первой фразы «Петушков» повеяло ветром классической блестящей словесности, Гоголем и Стерном, повеяло тем, что запоминается наизусть. Статья Ерофееву очень понравилась.

17 мая

Веню отправляют в больницу. Приезжают Нина Васильевна, Муравьев, Сорокин. На этот раз ему предоставляют одноместную палату, и он очень рад.

По дороге на Флотскую Галя сообщила мне, что Веничка совершенно серьезно 16 мая собрался писать завешание, т.к. абсолютно не верит в свое выздоровление...

20 мая

У Ерофеева Галя и Муравьев, читающий с листа стихи своей дочери (Анюты?). Замечательные! Гале привезла в подарок цветы — завтра у нее день рождения. А Веничке — необыкновенную закваску для простокваши, которую ему передал неизвестный мне математик, страстный поклонник его творчества. Приехавшая позже врач-экстрасенс Зоя очень ее оценила.

Огольцова пообещала Веничке общий наркоз. Настроение его все время меняется, но в целом — ничего. Ко мне очень внимателен, даже поцеловал руку, что ему совсем не свойственно. Журю за то, что не начал писать. Пообещал. Рассказывает, как в связи с его долгим молчанием один из друзей спросил: «А ты не боишься, Веничка, что появится кто-то и ты станешь вторым?» И сам ответил: «Такого быть не может. Ты уже заслужил бессмертие и можешь вообще больше не писать».

21 мая

День рождения Гали. Отметить его она хочет у Вени в палате. Я, конечно, не собираюсь портить ей настроение своим присутствием, и мы с Веничкой в 12 дня перед празднованием идем гулять в Коломенское. Настроение у него подавленное, но всем любитесь: «Как ужасно, все цветет, а я ложусь под нож».

Говорили с ним о моей поездке в Нью-Йорк. Он сказал: «Тебе там нечего делать. Ты здесь нужней. Вот видишь — помогаешь жить гению».

В Коломенском сидели у Москва-реки. Долго слушали и наблюдали соловья. Сорвала ему ветку цветущей вишни...

22 мая

Приехала утром. Веничка рассказывает о Галином дне рождения. Было много народа. Бурно веселились. Масса цветов, но лучше всех — моя вишня.

Сообщил, что 20 мая приехала из Кировска сестра Тамара. Сказал, что писал ей обо мне в письмах. Очень хочет, чтобы я с ней как-то сблизилась, хотя бы ради нашей поездки с ним на Кольский. Боится, что Галя будет плести ей что-то несусветное, чтобы нас поссорить.

Два часа гуляли в Коломенском. По возвращении очень трогательно заставляет меня что-нибудь поесть, попить чаю. К вечеру — приезд Гали. Собираюсь уходить, но она меня удерживает: у нее сегодня после дня рождения прекрасное настроение — много подарков и т.д.

24 мая

Приехала к Веничке на весь день, прихватив с собой работу, так как Галя решила устроить экскурс по магазинам. Он очень рад моему появлению. Чуть позже приехали Люся и Марк «Булгачата» и Юра «Гудочек»*. Много Веню фотографировал. К вечеру подъехала Галя. Досидели с ней до одиннадцати. Вместе пошли к метро. Всю дорогу она весьма миролюбиво говорила о нас с Веничкой.

25 мая

Операция. В 9.00 я на Каширке, на 23 этаже. Увидела пустую палату... Санитарка, которая отвозила Веню на операцию, сказала, что он не спал, но был спокоен (сделали укол). Все время простояла на

* Имеется в виду Юрий Гудков — старинный друг Ерофеева.

четвертом этаже, где Огольцова оперировала Веничку. Потом никак не могла ее найти, чтобы узнать результат.

Наконец, увидела врача, который при мне заходил к Вене в палату. Он узнал меня и, не дождавшись вопроса, сказал: «Слава Богу! Все обошлось. Наркоз подействовал. Длилась операция 4 часа». Тут же позвонила Гале. Поздравила ее. Она собралась ехать за тортами к чаю для медперсонала.

26 мая

В 11 часов после операции Веня в палате. У него Тамара Васильевна, Галя, Марина Глазова из Канады, Лён. Состояние тяжелое. Операция оказалась опасной. Плюс ко всему — задели нерв.

Галя понемногу выдает Веничке коньяк. К сожалению, она не сообразила подарить Огольцовой цветы.

Лён привез Веничке письмо от главного режиссера Театра на Таганке Николая Губенко:

«Уважаемый Венедикт! Последние месяцы постоянно думаю о написанном Вами. «Москва — Петушки» и «Вальпургиева ночь» не отпускают совершенным знанием предмета, разнообразием болевых ощущений за отечество. Уникальность письма выделяют Вашу литературу в ряд честнейших исследований человека — представителя нашей весьма несовершенной социальной системы. Надеюсь на более близкое знакомство, я прошу Вас закрепить за Театром на Таганке «Москва — Петушки»

с тем, чтобы в ближайшем будущем мы могли бы совместно с Вами приступить к работе над спектаклем по этой вещи. С искренним пожеланием всего лучшего, симпатией и благодарностью за Ваши труды. Н.Губенко».

Уходила поздно вечером с Тамарой Васильевной. По дороге она рассказала, что Веничка в своих письмах к ней много писал обо мне — как мы ходим вместе на выставки, что он ведет активный образ жизни и т.д., и т.д.

28 мая

Приехала днем. У Вени Тамара Васильевна, Галя, Виктор Тимачев. Привезла клубнику и сирень. Галя: «Опять с веником». Веничка встретил радостно. Поцеловал руку. Сказал: «Как хорошо, что я выжил!» Запустил в меня полотенцем: «Почему не приезжала вчера?»

Тамара Васильевна выразила сожаление, что она так ни разу и не видела Вадика Тихонова. Галя, показывая глазами на Веничку: «И слава Богу! Это все его работа! А Наташку Тихонов очень любит. Говорит: «Давай, Натуля, выпьем». Веничка сообщил новость: Коротич, вроде, собирается опубликовать в «Огоньке» часть «Петушков».

Галя уехала, а мы с Тамарой Васильевной еще долго беседовали. Много узнала об их детстве. Веня родился в Кандалакше, а потом они перебрались на станцию «Чупа». В эвакуации мать с пятью детьми жили сначала в Архангельской области, а потом все

переехали на родину — в Ульяновскую область. Веня был самым младшим. Родился богатырем — 5,5 кг. В родильном доме все заглядывались. Вспомнила голод, как не хватало хлеба. Как одна незнакомая женщина протянула двухлетнему Веничке кусок сахара, когда он скулил от голода, говорить еще не умел. Детство провел в интернате. Мать думала, что там сытнее, а им, детям, выдавали подбеленную молоком воду, в которой плавали несколько картошинок и макаронин. А дети считали, сколько макаронин у каждого. У кого больше. Во второй класс практически не ходил. Были одни валенки с братом Борей. Говорила, что их мать была прекрасной рассказчицей и что может быть от нее Веничке что-то передалось. В 5 лет Веничка нарисовал Ялтинскую конференцию: «Как, вы не знаете кто это? — Рузвельт».

При прощании тепло пожала мне руку, перешла со мною на «ты».

У Венички сегодня по этажу дежурит очень милостивая медсестра Наташа. Она, вроде, мне симпатизирует и заговорщицки разрешает тайно досидеть до 12-ти ночи. Веня все говорит о Кольском, что согласен поехать со мною даже на неделю, хотя хотелось бы на месяц. Спросила: сможет ли Мазурский устроить мне на август для работы справку о болезни? — «Он слишком чистоплотный человек, — ответил Веня, — чтобы играть в такие игры». Очень просила Веню после операции сократить в питье, на что он ответил: «А что мне делать, когда ты уедешь в очередную экспедицию?»

29 мая

Приехала к вечеру. У Вени Галя и Леша Зайцев со своим другом-певцом Юрой. Привезли «гостинцы» — сирень и бутылку водки. Зайцев Ерофеева очень веселит. При прощании назвал нас с Галей мудрыми женщинами, добавив, что при гении такие и должны быть. Поцеловал обеим руки. Очень скептически отнесся к постановке «Петушков» на «Таганке». «В любом, даже хорошем театре, — сказал он, — спектакль будет хуже текста».

Веничка спросил меня, подружилась ли я с Тамарой Васильевной, говорила ли с ней про нашу будущую поездку на Кольский? Потом сказал, что сам сообщит ей об этом. Уехала в 11 вечера. Еле отпустил.

31 мая

Днем я у Венички. Он спит. Померила температуру: 38. Сообщила медсестре. Та сделала укол. Проснувшись, Веничка сказал, что были до меня Ольга Седакова, Люся и Марк «Булгачата», Зайцев с другом-певцом, но уже без водки, а только с цветами. Жалуется на плохое самочувствие. Огольцова не разрешает знакомым в таком большом составе его навещать. Удивляется, почему так медленно дело идет на поправку. Подозревает, что ему привозят спиртное. Вечером я позвонила Гале для отчета. Она страшно меня напугала, сказав, что такие перепады температуры очень опасны. Рассказала свой сон: будто она на катке наткнулась на электрический столб с фонарем. Он упал, и фонарь стал медленно гаснуть.

Врач ей сказал, что испытательный срок после операции — 10 дней, а прошла только неделя. Сказала, что все же надеется на уникальность Веничкиного организма: «Ведь умирал всю жизнь, с двухлетнего возраста. Святой, что ли?!»

1 июня

Приехала в 6 вечера. У Венички экстрасенс Зоя. Ему чуть получше. К Гале очень внимателен, ко мне — чуть ли не враждебен. Демонстративно все время поглядывает на часы. Правда, перед моим уходом спросил с надеждой в голосе — приеду ли завтра?

2 июня

У Венички Галя. Со мною еле разговаривает. Веничке опять хуже. Ко мне, как и вчера, недоброжелателен. Сообщила, что собираюсь уходить из МГУ. Никакой реакции.

4 июня

Опять встретил холодно. Чуть позже приехали Галя, Валя Еселева* и Тамара Васильевна. Галя ко мне враждебна. Все время цепляется. Конечно, она изо всех сил настраивает Веничку против меня. Со-

* Старинный друг Ерофеева. С 59-го по 60-й г. училась с ним в Орехово-Зуевском пединституте. Жили в одном общежитии. Сама — химик.

стояние его неважное. Ничего не ест. Не верит в свое выздоровление. Уехала в 11 вечера.

5 июня

В 8 вечера я у Венички. Галя, слава Богу, уже ушла. Состояние плохое. Все время в тяжелой дремоте. Но, может быть, это кризис?

7 июня

Приехала в 6 вечера. Галя уже ушла. Веня спит. Проснувшись, крепко пожал мне руку. Сообщил, что Галя назвала меня сумасшедшей, т.к. я 40 минут разговаривала с ней по телефону. Но он, вроде бы, этому рад. Самочувствие его намного лучше (кризис). Написал на листочке бумаги: «Слава Богу, что наступил маленький перелом, а то третьего-четвертого я уже думал, что ухожу навеки». Сказал, что добровольно отказался от коньяка, который привезла ему Галя. Пообещал числа 15-го начать писать «Фанни Каплан». Уговариваю его еще чуть-чуть задержаться в больнице, чтобы позаниматься у логопеда. Вспомнил, что 7-го июня прошлого года я уезжала в Тольятти. Ну и память!

Очень просит, чтобы я его побольше хвалила: «Расскажи обо мне что-нибудь хорошее».

9 июня

У Венички Галя, Лера и Коля Мельниковы, Сорокин. Торжественно сообщила всем, что подала заявление об уходе из университета.

Веничка не может скрыть своей радости. Ему уже отменили все уколы. Потихоньку начал ходить. Не выпрашивает у Гали коньяк. Во всем меня слушается — когда проветрить, когда выпить кефир и т.д.

Даже согласился не пить перед сном индийский чай, чтобы лучше спать.

11 июня

Рано утром звонит Галя. Очень возбуждена. Никак не могу понять, о чем идет речь. Запомнила только конец разговора: «Веня начал поправляться, так что мы опять начнем с тобой ссориться». Днем заехала в больницу. У него Галя. Как никогда, я с нею очень суха, и она это чувствует. Сдуру рассказала ему о Галином звонке. Лицо его стало таким страдальческим. Даже испугалась. Наконец-то сняли швы. Написал мне записочку: «В субботу выписываюсь. Подумай, где бы отметить это событие». Призналась ему, что на Флотскую мне приезжать очень тяжело.

12 июня

У Венички Галя, Лён и Валя Еселева. Галя со мной как никогда агрессивна, и у Вени, мне кажется, именно поэтому плохое настроение. Из Галиных реплик (в мой адрес): «Что за чудовищные пирожные ты привезла! А коньяка от тебя не дождешься!» «Ерофеев! Какая у тебя богатая девка» (имея в виду мою старую красную кофту). «Ненавижу искусствоведов!» «Похожа на Сталина!» (Ну, это уж слыш-

ком). «Ерофеев! Летом мы поедem с тобой на Кольский!» и т.д., и т.д.

Короче, идет на явную ссору с целью, чтобы я не приезжала на Флотскую. Поделилась своим предположением с Веничкой. Угадала. Передал мне Галины слова: «Приготовься до выписки расстаться со своей Наташкой. Ноги ее в моем доме больше не будет».

«Как я устал от злобы», — сказал он. За последние 3-4 дня у него очень сдали нервы.

14—15 (?) июня

Застаю в палате Галя и Леонтовича. Неожиданно Галя со мною сверхлюбезна. Конечно, Веничкина работа. Он сам проникновенно нежен, и не скрывает этого.

Показала ему Лилино письмо из Нью-Йорка, в котором она описывает свои поиски издателей «Петушков», а стало быть, и денег. Веничка старательно выписал всю нужную информацию.

В первый раз за все время нашего знакомства очень резко отозвалась о Гале, что ему очень не понравилось. Конечно, не права я.

18 июня

С букетом пионов приехала только к девяти вечера. Веничка встретил подчеркнуто холодно. От него еще не ушли Тамара Васильевна и Галя. А до меня, оказывается, были 8 человек, включая Генриха Сапгира.

Веничка показал мне анкету, которую привезли

ему из Польши и которую он должен со всей откровенностью заполнить. Сказал, что в Польше его считают вторым Гоголем.

Просидела до 12-ти ночи. Двери все заперты. Пришлось остаться до утра. Веничка недоволен, хоть сам все время меня задерживал. Уехала рано утром. Он крепко спал.

20—21 (?) июня

У Венички Галя и Надя «Балашиха»*. К Гале он очень внимателен. Ко мне — полный холод. Очень нервозен. В целом — все ничего — беседуем, пьем чай. Веничка вроде дал согласие поехать на дачу в Хотьково к моим друзьям — Ольге и Роме Чепигам.

Появление с клубникой и букетиком фиолетовых бессмертников Сорокина. По-моему, удивлен, что Галя и Надя, уходя, попрощались со мной весьма дружелюбно. Конечно, ему очень хочется побыть с Веничкой наедине. Но ничего лучшего он не придумал, как сказать мне интеллигентным тоном: «Наташа, по-моему вы Вене надоели». Веничка от неожиданности даже вспылал. Сорокин смутился.

23 июня

Веничка один. Встретил очень приветливо, даже радостно. Сообщил, что ему, как одному из авторов, «Вести» дадут два экземпляра альманаха и что один он обязательно подарит мне.

* Надежда Балашова — близкая Галина подруга.

Привезла ему «Известия» за 22 июня со статьей «Редакция на подряде», в которой опубликовано интервью по поводу каверинской «Вести» генерального директора НПО «Всесоюзная книжная палата». Ю.Торсуева с главным редактором издательства В.Кабановым.

Вместе почитали. В.Кабанов: «...Одну повесть все же назову, как самую необычную — «Москва — Петушки» Ерофеева. Монолог павшего человека, не сумевшего вписаться в общество и в свое время, время неподвижности и застоя».

Ю.Т. «Крайне жесткая вещь».

В.К. «Да уж, однозначных оценок не будет. Спорная по всем статьям, но талантливая, потому и печатаем» и т.д., и т.д.

Приезд из Владимира старого Веничкиного знакомого, упоминаемого им в «Петушках», — Владика Цедринского. Галя его, как впрочем и многих других Веничкиных знакомых и друзей, явно недолюбливает: «Ты уже по два раза в день ходишь», — говорит она ему.

Уехала рано из-за всей этой напряженной, натянутой обстановки. Веничка, изобразив обиду, не пожелал даже со мной попрощаться.

В 12 ночи мне домой звонит Галя. Очень нехотя, через силу сообщает: «Мальчик попросил меня позвонить тебе и извиниться».

24 июня

Приехала с букетом колокольчиков. Встретил тепло. Чувствует себя неплохо. Ему сняли повязку.

Долго беседовали за чаем. Веня рассказал, что в этом году исполняется 350 лет, как в России пьют чай. В 1638 году крымский хан прислал в подарок чай деду Петра Первого. С этого все и пошло...

Рассказала ему, что в «Пушкинском» проходит американская выставка французских импрессионистов. Веничка поделился, что больше всех он любит Ван Гога.

Появление Сорокина. Пошла прогуляться, чтобы оставить его вдвоем с Веничкой.

26 июня

Поскольку приехала поздно, в палату меня не пустили. Веничка послал мне на маленьком листочке записку: «Я вчера полежал полчаса — и все прошло. Весь вечер смотрел футбол. До полуночи. Отнес бутылку минеральной воды в свой шкафчик. Для занятий. Минут 15—20 сегодня были вводные «испытания». Завтра в 11.30 — со школьной тетрадью или вообще с какой-нибудь тетрадью. А где я ее возьму? (Для «домашних занятий». В этой тетради мне каждый день будут вписывать, какие словосочетания долбить у себя в палате, перемежая глотками минеральной воды, с какими интервалами. По возрастающей сложности и пр.)»

27 июня

Встретил приветливо. Все время предлагает меня с дороги покормить. Галя на это: «За мною он так не ухаживает!» Проводили с Веничкой ее до автобусной

остановки. Первая прогулка после операции! Подъехал Лён. Подарил нам по книжечке с публикацией своих стихов. Поздравил меня с выходом на свободу. Веничка грустно мне сказал, что Галя может помешать нашей с ним поездке на Кольский.

У меня неожиданный сердечный приступ. С разрешения Венички прилегла на его больничную кровать. Страшно на ней лежать! Теперь он за мною ухаживает: подносит таблетку, воду и т.д.

28 июня

Ерофеев сообщил приятную новость: его публикация «Петушков» в «Вести» признана лучшей, он получит за нее денежную премию. Даже показал протокол собрания, который принес ему Давыдов.

Из протокола собрания экспериментальной группы «Весь»:

Присутствовали: Каверин В.А., Окуджава Б.Ш., Самойлов Д.С., Искандер Ф.А., Сухарев Д.А., Гутман Л.Н., Давыдов А.Д., Евграфов Г.Р., Ефремов Г.И., Калугин И.А.

Отсутствовали по уважительным причинам: Быков В.В., Межелайтис Э.Б., Черниченко Ю.

Обсуждался окончательный состав первого сборника «Весь». Состав сборника одобрен.

Решение: установить денежную премию за лучшую публикацию в сборнике «Весь» и вручить ее В.В.Ерофееву за повесть «Москва — Петушки».

7 апреля 1988 г. Переделкино.

29 июня

Приехала вечером. У Вени Коля Мельников. Коля предложил Вене на своем корабле поехать в Кимры, и Ерофеев призывает меня к ним присоединиться. Сказал: «Эта поездка явится увертюрой к нашему с тобой путешествию на Кольский». Нарисовал подробнейший план поездки, сделав на нем несколько надписей: «В Кимры на Савелово курсирует через 10—15 минут пассажирский катер. В Кимрах покупаем товар, поднимаем якоря и вниз по Волге». Под Калязином написал: «Город, где подписано соглашение между поляками и ополчением Пожарского в 1613 году». И рядом... «Там впервые почувствовал, что с горлом неладно и трудно пройти метров 20. И спал почти 20 часов в сутки. И в блокнотике записал: «В.Ер. (1938—85)».

Веничка обещает при выходе из больницы вплотную заняться «Фанни Каплан».

2—3 июля

Веня на Флотской! Галя купила шампанское, и мы вдвоем отметили его возвращение. Он предложил Гале выпить и за меня. «За самоотверженность!» — подняв бокал, провозгласил он. Галя со мною чокнулась, хотя, конечно, не очень ей этот тост пришелся по душе.

Веничка почти весь вечер заводил пластинки, и особенно Свиридова, которого он очень любил, — зарисовки к пушкинской «Метели».

Галя ко мне терпима и даже внимательна, и Веничка этому очень рад. Назвал ее «Витязем», вспом-

нив, как она, точно танк, ходила в военкомат, в котором он многие годы не состоял на учете. Ему грозил срок и, по его словам, вместо 10 лет заключения, он отделался десятью рублями штрафа.

Собираюсь уходить. Веничка недоволен. Отпустил в мой адрес какую-то колкость. «Ну что, — говорю, — сказал гадость и на душе сразу легче стало?» Смеется...

6 июля

Роман Чепига приглашает Ерофеева и меня на международный аукцион картин «Сотбис». Идти? Веничка отказался из-за плохого самочувствия. У него депрессия. Со мною резок. Сказал, что никуда не хочет ехать, ни на Волгу, ни на Кольский.

Рассказала, что меня вызывают на Петровку, 38 за то самое письмо, которое мы с ним подписали в защиту поэта-переводчика Анатолия Гланца. Никакой реакции.

16 июля

Привезла для подарка врачу Огольцовой прекрасно изданный каталог «Сотбис». Отреагировал сухо. Состояние тяжелое. Галя считает, что это «всё»... Что так же было у ее умершего от рака брата.

Звонили с «Таганки». Хотят большой группой артистов во главе с Николаем Губенко приехать к Ерофееву по поводу постановки «Петушков». Губенко, вроде, собирается заранее запросить у Ерофеева все его произведения для постановки в театре. «Валь-

пургиеву ночь» очень хочет поставить у себя в театре и Ефремов.

Уехала в 10 вечера. Веничка при прощании: «А я, наверное, вел себя все это время лучше». Сказал, что не любит всю мою компанию — Михайлова и др. А за что? — говорить отказался.

17 июля

Веничка сообщил мне, что два раза звонила из Нью-Йорка Лиля. Ему собираются прислать на английском языке официальный вызов в США. Лиля, по его словам, с некоторым смущением в голосе сказала, что в Америке он не так популярен, поскольку плохо переводится на английский. Рассказала, что отправила две его фотографии Петру Вайлю и Саше Генису. Что они были очень благодарны ей за это. Сказали, что завидуют ее знакомству с Ерофеевым. Что он опередил всех лучших писателей на 10—15 лет. Что они восхищаются его значительным, прекрасным лицом, его голубыми, как у витьзя, глазами.

Оказывается, Веничка уже разговаривал с Тамарой Васильевной по поводу нашей с ним поездки на Кольский. Сказал, что она не против моего приезда, хотя считает, что это не совсем будет этично по отношению к Гале. Веничка расхвалил свою первую жену Валентину Зимакову, которая после развода не потребовала с него алименты: «Я сама достаточно зарабатываю», — гордо заявила она. Женился он на ней, по его словам, чтобы у месячного младенца были уже и отчество и фамилия. Сообщил мне, что у

нее остались некоторые его записи, в том числе о том, как его изгнали из Владимирского пединститута и вообще из города.

К вечеру — неожиданный приезд Алексея Зайцева с Жанной. Галя очень охотно просит Лешу именно со мной сходить за вином, чтобы дать Жанне лишнюю возможность наедине побыть с Ерофеевым. Собираемся. Веничка в ярости. Даже как-то меня обозвал. Правда очень быстро и нежно с ним помирилась. Подарил мне новую телефонную книжку и подписал ее: «Наталье Шмельковой за то, что она 17 июля 88 г. была умницей целый день. В дар от Ерофеева Венед. 17/VII. 88 г.»

18 (?) июля

Узнаю, что в Москве собирается книга о шести-десятих — светлом десятилетии, когда честные, одаренные художники творили безконъюнктурно, хотя и без надежды на прижизненное признание. Конечно, очень желателен для этой книги был текст Ерофеева, и я обратилась к нему с просьбой: «Ну хоть несколько страничек из биографии, ну, например, о поступлении во Владимирский педагогический институт...» Ерофеев, обложенный номерами «Огонька», за которым он пристально следил, отказывается: «Писать не буду. Меня предупредили — ни с кем не связываться. Издатель должен быть с безукоризненным вкусом» и т.д. Аргументируя, что он не только читатель, но и писатель, продолжаю упрашивать: «Представь себе, что твой любимый Шостакович вместо того чтобы сочинять музыку, каждый день

сидит в консерватории, слушая чью-то чужую». Ерофеев смеется: «Да-да, например Дунаевского, и при этом отбивает такт ногой». В результате — «сделка»: за страницу рукописного текста — бутылка шампанского. И сегодня же! Уже 10 вечера. Магазины закрыты. Галя не верит, что так поздно достану.

Звоню на Лаврушинский Луговской: «Выручайте!» Приезжаю, извинившись за поздний звонок и нахальное вторжение. «И правильно делаешь», — говорит она. Передает с шампанским и чудесной розой Ерофееву записку: «Дорогой Веничка! Время ждет Вашего слова. Нету Свифта, но Ерофеев существует, и его долг писать. Посылаю мой бутылочный привет, как поощрение. Обнимаю. Майя Луговская». Возвращаюсь на Флотскую — текст готов.

«Из 60-х беру наобум только один: с июля 61-го по июнь 62-го, и предельно документально. Если хоть одна душа усомнится в подлинности — это ее дело.

Июль 61-го. Город Владимир. Приемные испытания во Владимирский педагогический институт имени Лебедева-Полянского. Подхожу к столу и вытягиваю билет: 1. Синтаксические конструкции в прямой речи и связанная с ней пунктуация. 2. Критика 1860-х гг. о романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»

Трое за экзаменационным столом смотрят на меня с повышенным аппетитом. Декан филологического факультета Раиса Лазаревна с хронической улыбкою:

— Вам, судя по вашему сочинению о Маяковском, которое все мы расценили по самому высшему

баллу, — вам, наверное, и не надо готовиться к ответу. Присаживайтесь.

Само собой, ни о каких синтаксических конструкциях речь не идет.

— Кем вы сейчас работаете? Тяжело ли вам?

— Не слишком, — говорю, — хоть работа из самых беспрестижных и препаскуднейших: грузчик на главном цементном складе.

— Вы каждый день в цементе?

— Да, — говорю. — Каждый день в цементе.

— А почему вы поступаете на заочное отделение?

Вот мы все, и сидящие здесь, и некоторые отсутствующие, решили единогласно: вам место в стационаре, мы все убеждены, что экзамены у вас пройдут без единого «хор», об этом не беспокойтесь, да вы вроде и не беспокоитесь. Честное слово, плюйте на ваш цемент, идите к нам на стационар. Мы обещаем вам самую почетную стипендию института, стипендию имени Лебедева-Полянского. Вы прирожденный филолог. Мы обеспечим вас научной работой. Вы сможете публиковаться в наших «Ученых записках» с тем, чтобы подкрепить себя материально. Все-таки вам двадцать два, у вас есть определенная сумма определенных потребностей.

— Да, да, да, вот эта сумма у меня, пожалуй, есть.

В кольцо ободряющих улыбок: «Так будет ко мне хоть какой-нибудь пустяшный вопрос, ну, хоть о литературных критиках 60-х гг.?»

— Будет. Так. Кто, по вашему разумению, оценил роман Николая Гавриловича самым точным образом?

— По-моему, Асоченский и чуть-чуть Скабичев-

ский. Все остальные валяли дурака более или менее, от Афанасия Фета до Боткина.

— Позвольте, но как вам может нравиться мнение Аскоченного, злостного ретрограда тех времен?

Раиса Лазаревна: «О, на сегодня достаточно. Я с согласия сидящего перед нами уникального абитуриента считаю его зачисленным на дневное отделение под номером один, поскольку экзамены на дневное отделение еще не начались. У вас осталась история и Sprechen Sie Deutsch? Ну, это для вас безделки. Уже с первого сентября мы должны становиться друзьями».

Сентябрь 61-го г. Уже четвертая палата общежития института и редчайшая для первокурсника честь — стипендия имени Лебедева-Полянского...»

Как известно из опубликованных интервью с Ерофеевым, менее чем через год он был выдворен не только из института, а вообще из города Владимира. Формулировка институтского приказа? «За моральное, нравственное и идейное разложение студентов Института имени Лебедева-Полянского». Основная причина? Обнаруженная в тумбочке Библия — книга, которую он знал наизусть и без которой не мог жить.

Ерофеев говорил, что обстановка была ужасная, что исключению подлежал каждый студент, который с ним заговорит даже на улице, с горечью вспомнил некоторых своих друзей, которые его стали сторониться. На клочке бумаги описал маленький эпизод о том, что было через три недели

(31 мая 62-го) после его изгнания из Владимирского пединститута:

(«Для апофеоза»). На заседании партийной и комсомольской конференции судили за секундное общение с Ерофеевым некоего, если мне не изменяет память, студента Елкина:

Комсорг: И он вам просто повстречался?

Елкин: Да, просто взял и повстречался.

Комсорг: Случайных встреч не бывает. Вы шли по улице III-го Интернационала?

Елкин: Да.

Комсорг: И из-за угла вышел Ерофеев?!

Елкин: Я не помню. Был дождик. Может быть, Ерофеев вышел и не из-за угла.

Комсорг: Ну, так откуда же?

Елкин: Сбоку.

Комсорг: Это с какого боку?

И т.д. и т.д.

19 (?) июля

Уехала утром. Веничка еще спал в Галиной, более прохладной комнате — сердце. Галя мне сообщила одновременно печальную и смешную новость, если она ничего не перепутала и правильно все поняла: ленинградский журнал «Нева» отказался печатать «Петушки» из-за фрагмента о Стаханове.

23 июля

Приезжаю к Веничке (по договоренности). У него — Жанна! Как позже от него узнала — по срочно-

му Галиному вызову. Меня — практически игнорирует. С Ерофеевым чрезмерно кокетлива. С Галей по-дружески щебечет. Правда, зачем-то доверительно мне сообщила: «Когда ты в прошлый раз уехала домой из-за какой-то мелкой ссоры с Галей, Ерофеев бросился на нее с ножом!» (Что за бред. Такого быть никак не может!). И еще с трагическим видом добавила, как Галя ей сказала: «Я думала, что Ерофеев будет писать «Фанни Каплан», а он не пишет. Пусть умирает!»

Неожиданная перепалка. Галя: «Вас всех надо разогнать!» Ерофеев: «В первую очередь тебя». Галя: «Нет. Ты уже от меня никуда не денешься!»

В общем, ужас: сплетни, интриги, ссоры. Надо бы держаться от всех подальше, особенно от баб.

Приезд журналиста Леонида Прудовского. Дал свое согласие принять участие в книге о 60-х. Сказал, что Веничку надо скорее отправить на природу, в Абрамцево: «Пусть уж лучше это произойдет там». Боже, они уже все его хоронят! Несколько раз порывалась уехать. Веничка задерживал. И все же я уехала на радость Гале и Жанне.

На следующий день утром звонит Ерофеев. Очень нежен... Смушен...

25 июля

На Флотской Прудовский. Сообщил, что ждет ленинградское телевидение, которое о Ерофееве будет делать передачу. Очень волнуется, что она сорвется, т.к. до Ерофеева еще предстоят съемки Новеллы Матвеевой и художника Сысоева. Наконец

приехали. Интервью брал Прудовский. Веничка так просто и артистично держался перед камерой, как будто всю жизнь снимался в кино. Передача — на 20 минут. Много вопросов. Рассказал, что писать начал с пяти лет. Учителями, оказавшими влияние на его творчество, считает Стерна и Рабле, хотя «Москва — Петушки» — произведение чисто русское.

На вопрос, как писался «Василий Розанов», ответил: «Нужна была крыша над головой и мне ее в маленьком домике предоставила одна весьма мерзкая бабенка из общества «Память». Прудовский спросил: «А как, несмотря на гласность, вы относитесь к самиздату?» Ерофеев ответил, что приложит все усилия, чтоб он продолжал существовать.

«А как вы относитесь к тому, что вы не член Союза писателей?» — спросил Прудовский. «И слава тебе, Господи! Их уже и так — тысячи!» — последовал ответ.

На следующий день звонили с телевидения сообщить, что «Ерофеев получился лучше всех» и что будут приложены все усилия, чтобы передача прошла.

28 июля

Звонил Ерофеев. Наговорил мне много добрых слов. Сказал, что выпроводил Жанну на следующий день. Что у нее просто спортивный интерес: «Кто кого пересидит?» Что она шепнула ему об этом на ухо. Договорились, что завтра к нему приеду.

29 июля

Приезжаю к семи вечера. Венички нет. Галя ликующе: «Приезжала на машине Жанна и увезла Ерофеева в Абрамцево!» — «Очень хорошо, — говорю, — подышит свежим воздухом». Галя все о Веничкиных похоронах. Сокрушается, что в Москве нет Ахмадулиной и Лъна. «Я вас всех терплю ради Ерофеева, — говорит она. — Чтобы ему было хорошо».

Галя извлекла из Веничкиного письменного стола две фотографии «Рунихи» (Юлии Руновой), Веничкиной юношеской любви, «Комсомольской богини», как ее называли его друзья. «Ты посмотри, какая страшная, какое неприятное у нее лицо, — сказала она. — Ну и вкус у Ерофеева!» А мне оно показалось весьма милovidным.

По Галиным рассказам, Рунова обвиняла Ерофеева даже в том, что он не кандидат наук! А расстались они после его операции. Она явно дала понять, что ей больше нечего с ним делать. А Ерофеев от всех это скрыл и очень страдал. «Сейчас все вроде прошло», — закруглила Галя свой рассказ.

Осталась у нее ночевать.

6 августа

Веничка приехал из Абрамцева в жутком настроении. Поделился со мною, что Катя — внучка писателя Льва Копелева — не пригласила его на свой день рождения из-за того (по его предположению), что он говорит через микрофон. Что разговаривала с ним по-барски и т.д., и т.д. «И вообще — все хорошо. Я буду лучше сидеть дома, привязанным к стулу,

чем еще раз приеду к этому ничтожному племени», — сказал он.

Показал «Литературку» за третье августа. Хвалебные строки о нем в диалоге Евгения Попова и Сергея Чупринина «Возможные варианты».

Читаю: «С.Ч.: Хотя... и тут все относительно, и тут нет правила без исключений. Скоро, как известили «Известия», в составе альманаха «Весть» придет к читателям поэма в прозе Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Наконец-то! Ведь ее, я слышал, успели уже издать чуть ли не в 17 странах.

Е.П.: Венедикт рассказывал мне, что в Финляндии его книгу правительство рекомендует изучать тамошним обществам трезвости. Этот литературный шедевр конца 60-х, эта горькая исповедь российского алкоголика имеет всемирный отклик, и вот только у нас на родине...

С.Ч.: У нас на родине «Москва — Петушки» тоже, положим, разошлись в бесчисленных списках тиражом, которому позавидует любой из приспособившихся. Я вот, например, читал ее лет пятнадцать назад, да и кто в нашем поколении ее не читал?!»

Ерофеев на все это: «Вот посмотришь, какой поднимется страшный бум после издания «Петушков». Встанет вопрос: «Будет ли еще существовать русская литература?»

Приезжал к нему главный художник Ленинградского молодежного театра. Хотят ставить «Петушки». Уходя, прочитал свою маленькую автобиографическую поэму. В оценках Ерофеев, как всегда, сверхпрямолинейен: «Ну почему так мелко? Почему так мелко», — (имея в виду, конечно, мелкотемье) с раз-

дражением спросил он. На что художник невозмутимо ответил, что у него есть вещи и пообъемнее.

Обсуждали с Ерофеевым музыкальное оформление «Петушков». Выразил желание, чтобы звучал Шостакович, хотя бы местами.

Вечером слушали по телевидению 5-ю симфонию Чайковского. Веничка ее очень любит. Дирижер — Светланов.

Уехала в 11 вечера. Веничка сердится. Не попрощался. Галя даже стала меня задерживать...

9 августа

Приезжал со своей женой Таней Венедикт-младший. Веничке очень и очень плохо... Так и уехали они, не пообщавшись.

Вечером звонок мне Татьяны Щербины. Сообщила, что в октябре, в Доме архитектора намечается вечер Ерофеева. Попросила меня помочь в организации его некоему Александру Майорову. Тут же ему позвонила. Назначили вечер на 21 октября к Вениковому дню рождения.

10 августа

Гале нужно идти по каким-то делам, по магазинам, и она просит меня приехать и побыть с Веничкой. Ему очень плохо. Температура — 37, но почему-то весь пылает, в жару. Даже не прикоснулся к оставленной ему Галей маленькой бутылочке коньяка.

Чтобы чем-то его развлечь, показала привезенную для Тамары Васильевны (в Кировск) огромную

Впервые я увидела Ерофеева 17 февраля 1985 года
на квартире журналиста Игоря Дудинского.

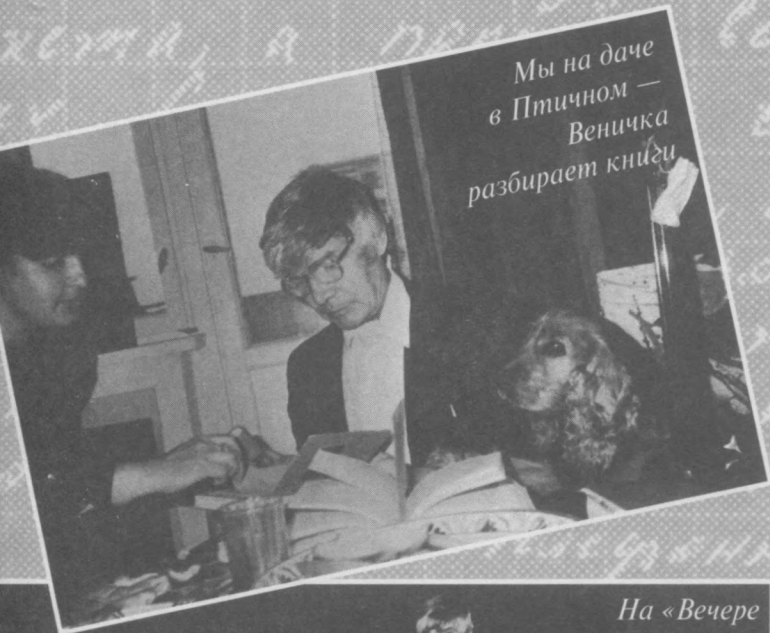
Все играли в «путаницу».

Если бы я знала, что сижу рядом с Веничкой,
придумала бы что-нибудь поинтереснее

*Венедикт Ерофеев
в мастерской художника
Александра Москаленко
у своего портрета*

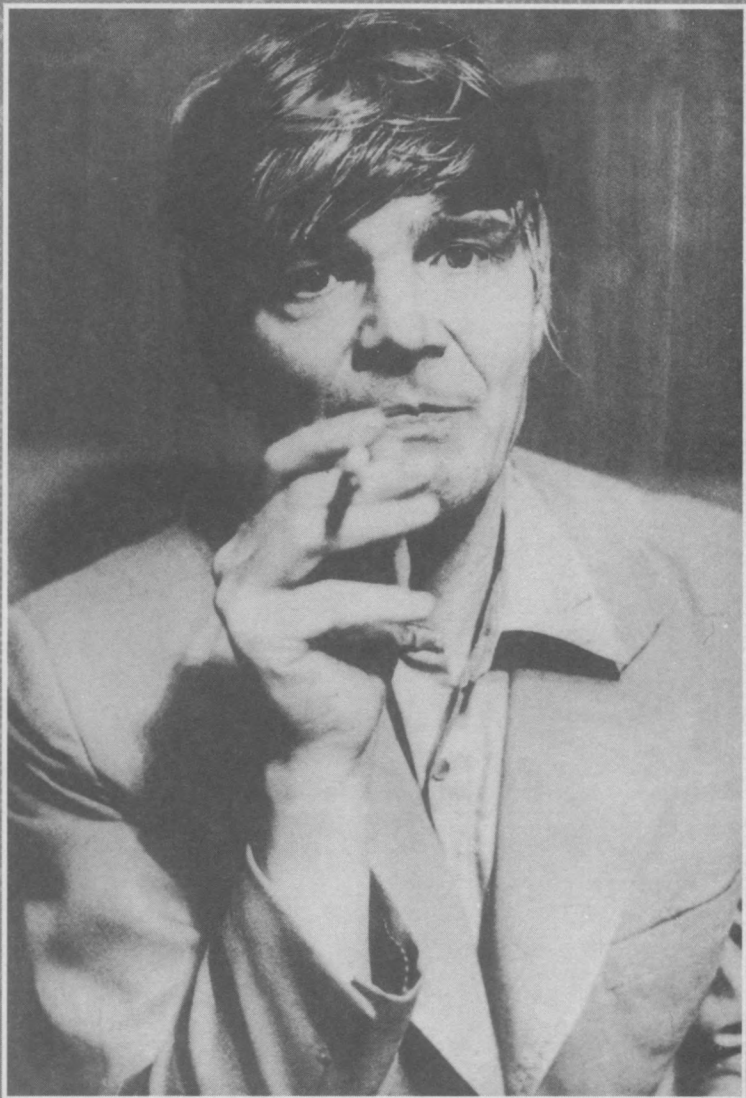
Мы на даче
в Птичном —
Веничка
разбирает книги

На «Вечере
двух Ерофеевых»

*Знаменитый дом
на Флотской,
в котором жил Веничка*

С женой Галиной

*Я уже чувствовала, что стала ему необходимой,
хотя порой приходилось выслушивать
самое разнообразное...*

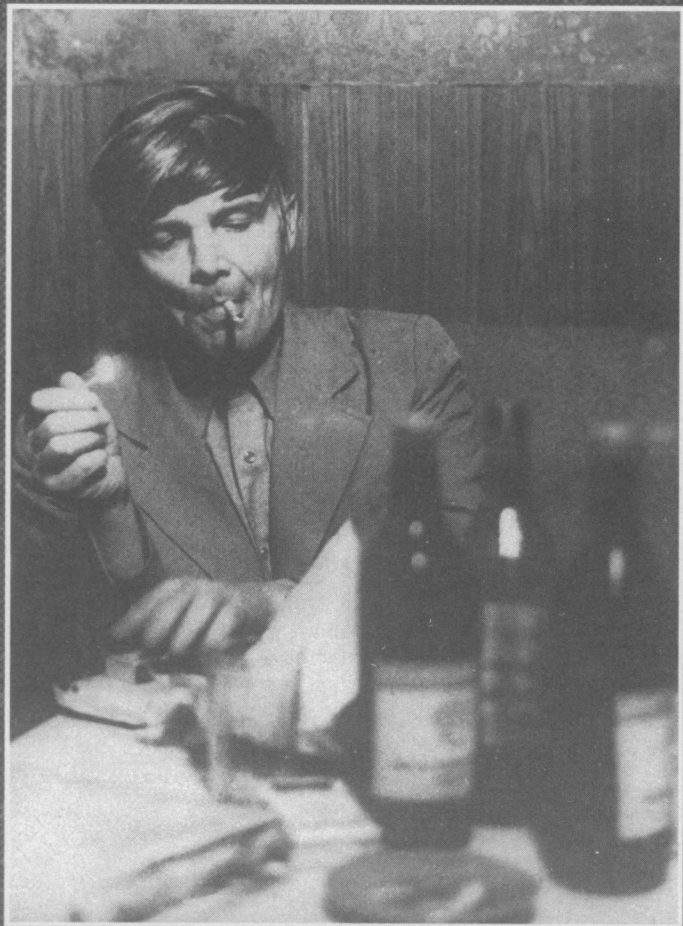
С Евгением Славутиным (слева) и Борисом Мессерером

С Игорем Авдиевым

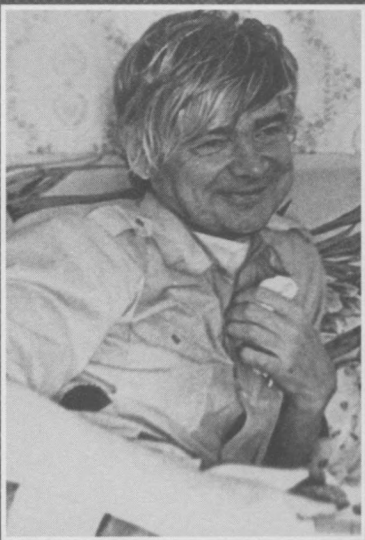
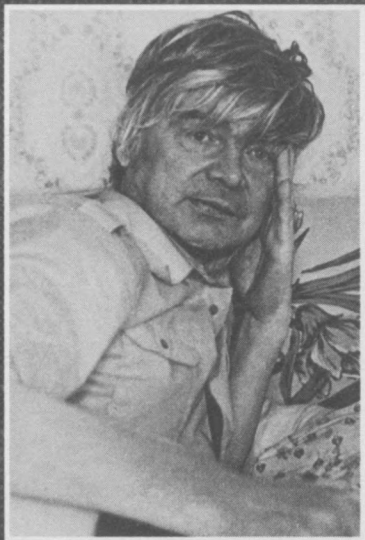
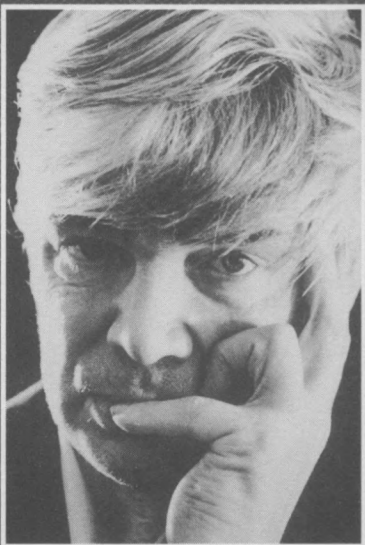
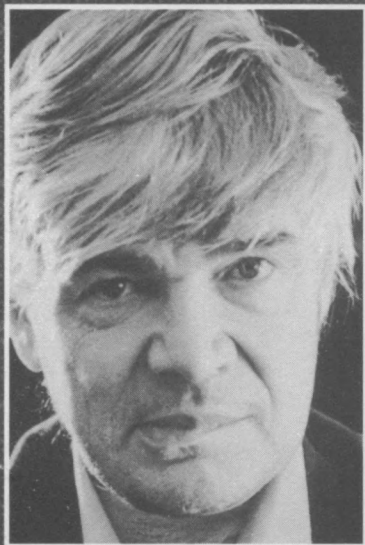

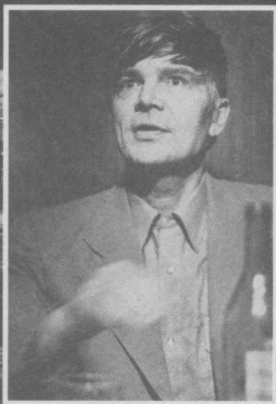
*С Владимиром
Муравьевым (слева)
и Львом Кобяковым*

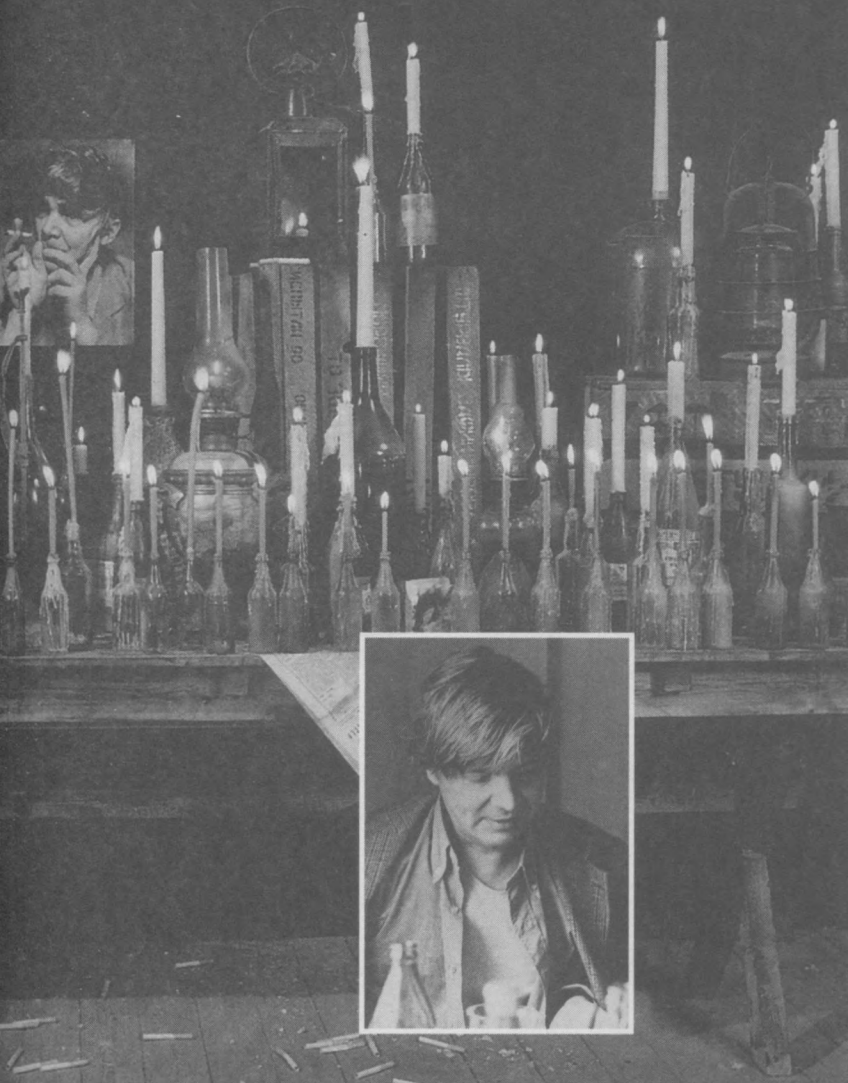

*«Я успел только пригубить из чаши восторгов,
и у меня ее вышибли из рук»*

Фрагмент инсталляции Б.Мессерера
«Реквием по Венедикту Ерофееву»

На могиле Ерофеева с «любимым первенцем»

Вадимом Тихоновым. 1990 год

репродукцию с картины Ильи Глазунова «Мистерия XX века». Из всех изображенных на ней исторических личностей ему больше всего понравилась «Обнаженная — стриптиз». Короче, посмеялся он над этим шедевром.

Звонил Генрих Сапгир. Попросил передать Ерофееву привет от приехавшего в Москву Юрия Мамлеева, и вообще — от всех знакомых парижан. Мамлеев, как сообщил мне по секрету Сапгир, боится встречи с Ерофеевым, несмотря на любовь к нему. Объясняет это мамлеевским мистицизмом.

Долго говорит о своей любви к Ерофееву, о том, как за последние годы они с ним очень сблизились.

Вернувшаяся к вечеру Галина поблагодарила меня «за дежурство». Внешне весьма доброжелательно пригласила «на завтра» смотреть о Ерофееве фильм. Сообщила, что договорилась с врачами положить его под капельницу... Веничка от нее наотрез отказывается. Запрещает за ним ухаживать. На все проявления к нему внимания говорит: «Я — сам...»

11 августа

Приехала в черных брюках и черном свитере. Веничка недоволен: «Неужели в твоём гардеробе не нашлось чего-нибудь получше?» (Как странно от него слышать это слово — «гардероб»...)

У него в гостях сестры — Тамара и Нина. В 10 вечера ожидается о нем передача («Пятое колесо»). 11 августа — день смерти их матери, и собрались они все вместе, чтобы помянуть ее. Веню, конечно, заметно сократили, но фильм все равно получился

очень удачным. Галя (не очень доброжелательно): «Прудовский увековечил себя».

12 августа

Вечером — с сухим вином явление четы Юры и Вали «Гудочков» (Гудковых) — старинных Веничких друзей. О чем-то оживленно беседуя, чтобы на Ерофеева не дымить, курим с Юрой на балконе. В результате из-за ревности — чуть ли не страшная ссора, и даже «Гудочку» пришлось за меня вступить-ся.

Ерофеев жалуется на Галю: «У нее мерзкая привычка. Когда меня нет дома, она с лупой просматривает мои дневники и вырывает из них неприятные для нее страницы». Сказал, что два дневника просто пропали.

13 августа

Приезд на Флотскую Генриха Сапгира с коллегой из «Книжного обозрения». Хотят у Венички взять интервью. Попросила его разрешить мне присутствовать при разговоре.

Один из рассказов Ерофеева — рассказ о потерянной им летом 72-го рукописи романа «Дмитрий Шостакович». А сюжет такой. Ехал один в электричке по Курской железной дороге, везя в авоське две бутылки вермута. Предназначались они для начальства, чтобы не так нагорело ему за двухдневный прогул. А еще в авоське лежала завернутая в газету рукопись «Шостаковича», которую так не

терпелось показать ему друзьям. В электричке он заснул, а авоську, позарившись на вино, вместе с рукописью, конечно, стащили. Долго пытались найти ее друзья. Даже прочесали все железнодорожное полотно, но исчезла она бесследно. Долго он пытался ее восстановить, но не получилось. Очень переживал...

После интервью Веничка читал всем выдержки из «Ленинианы». Оказывается, ее три вечера подряд передавали по «Би-Би-Си».

При прощании Генрих пригласил всех нас к себе в гости на вечер Юрия Мамлеева, а его коллега Володя сказал Веничке, что «Петушки» напоминают ему Гоголя, в частности «Мертвые души».

14 августа

Звонок на Флотскую Прудовского. Расхвалила его передачу о Ерофееве. Прудовский сказал, что надо как-то понежнее отметить день рождения Венички. Сказал, что надо всем скинуться и подарить Ерофееву его портрет. В качестве художника предложил Петра Беленка*.

Приезд к Ерофееву из Польши его друга — концертмейстера и прекрасного пианиста Яноша. Веничка в тяжелом состоянии. По его просьбе Янош сыграл его любимый полонез Шопена (ля-бемоль мажор). Сыграл на подъеме, блестяще, несмотря на

* Скульптор, художник-нонконформист.

сильно расстроенный инструмент. Ерофеев попросил повторить. В глазах его стояли слезы... Поделился: «Я не выдержал бы первой операции, когда на меня не подействовал наркоз, если бы не слышал эти звуки».

Уже к вечеру появился Леша Зайцев с тремя незнакомыми мне своими друзьями. Привез из деревни огромные чудесные яблоки, вино... Шумел, веселил, объяснялся Веничке в любви. Под конец, окончательно всех и все перепутав, предложил мне руку и сердце. Веничка смотрит на него чуть ли не с обожанием. Остался ночевать и рано утром уехал.

18 августа

Ерофеев с упоением читает «Историю государства Российского». «Зачем мне кто-то нужен, если есть Карамзин?» Заводили 7-ю симфонию Бетховена. Веничке нравится только вторая часть: «Зачем так длинно писать, когда есть такая часть?» Сообщил, что его приглашают в Союз писателей. Сказал, что покажет им фигу. Галя, вроде, не против фиги, но подумывает о какой-то большой пенсии в Союзе.

Галя Вене: «Хватит пить, Ерофеев! Ну хоть поменьше, что ли. Да и денег уже нет».

Веня: «Будут тебе деньги, будут!»

Галя: «Знаю, что будут, но тебя ведь не будет!»

Она просит у меня «Континент» для «Мосфильма». Там, вроде, собираются ставить «Вальпургиеву ночь».

19 августа

Здоровье Венички идет на поправку. Сон спокойный и глубокий. Сегодня к нему должен приехать Сапгир. Он просит написать Ерофеева предисловие к его новой книге стихов.

Веничка дал почитать мне «Известия» за 19-е августа со статьей «Пятое колесо, или В поисках «лишних» людей и идей». В статье приведено одно из писем, приходящих в редакцию по поводу «Петушков». Такой, например, текст: «Спасибо за очищающей силы расстройство. Такое впечатление. Древние греки сказали бы — «Катарсис». Согласитесь, это многого стоит».

20 августа

Привезла Гале обещанный «Континент». У них с Веней гости — художник Алексей Нейман, делающий с Ерофеева наброски для будущего портрета, и пианист Янош со своей русской женой актрисой Ниной. Она встретила меня очень радостно и даже расцеловала, чем вызвала Галино недовольство. Звонила Веничке Ахмадулина. Очень долго с ним беседовала. Галя: «Как они с Ерофеевым похожи! Их водой не разольешь!»

21 августа

У Гали ко мне очередной приступ агрессии. Взяла и ушла в соседний дом к своей приятельнице Нате. Вслед за мной, в знак протеста, отправился и Веничка. Галя ему бросила вслед: «Чтоб ее ноги здесь боль-

ше не было, поскорее бы приезжала Жанна!» Веничка поделился со мною, что Галя на нее делает ставку и даже хочет на какое-то время поселить ее в их квартире. Ко мне он очень внимателен. Обещает первой подарить «Весть». Мечтает в самом начале сентября поехать со мной на дачу к Нате.

25—26 августа

Звоню Ерофееву. Галя раздраженно: «Попробуй позвонить завтра вечером». Звонит Ната: «Тебя разыскивает Ерофеев». Перезваниваю ему и говорю, что приеду к Нате с замечательным искусствоведом Сергеем Кусковым смотреть картины Игоря Ворошилова. Веничка, чтобы повидаться со мной, согласился к ней заглянуть. Через полчаса появляется в жутком состоянии в сопровождении Гали! Она за-таскивает Нату на кухню и начинает меня ни за что ни про что поносить. После ее ухода Ната предлагает нам остаться у нее до следующего дня.

Неожиданный звонок Генриха Сапгира. Извинившись, говорит, что разыскивает Ерофеева, что телефон ему дала Галя. Говорит, что он понимает, как мне тяжело. Что я произвожу на него впечатление человека с полной самоотдачей и т.д., и т.д. Договорились, что он позвонит попозже, когда Ерофеев проснется.

Веничка не позволяет себе в присутствии посторонних плохо говорить о Гале, но сегодня его вдруг прорвало: «Она столько раз меня унижала! Говорила: «Ты пришел ко мне оборванцем. В моем доме только телевизор, купленный на твои деньги». Оплевала

моего сына, который взял у нее взаймы 10 рублей, чтобы погулять с женой по Москве, и не вернулся, уехав с нею в Петушки. А на следующий день она нашла эти десять рублей на столе под книжкой. Про тебя: «Как ты можешь любить женщину с такой внешностью? Ей все равно, с каким связываться возрастом (Ерофеев старше меня на 4 года. — *Н.Ш.*). В больницу пусть приезжает, а дома — чтобы ноги ее не было». Какое ничтожество. Собака на сене. Ведь ее обязанности — финансы и готовка. Мне с ней не о чем разговаривать. Правда, — изменил он тон, — я ей очень благодарен за то, что она прописала меня и возилась с моим военным билетом».

Ушли от Наты в 7 вечера. Самочувствие у него неплохое. «Вот, видишь, — говорит, — как я окреп. Меня даже не надо провожать до подъезда». Договорились, что он будет звонить мне сам с 10 до 11 утра.

5 (?) сентября

Ездили с соседкой Галей К. в Птичное за некоторыми оставленными Веничкой вещами. Невзирая на ссору с Носовой, привожу их на такси на Флотскую. Заходить в квартиру наотрез отказалась, но она неожиданно стала настаивать на этом. У нее сегодня прекрасное настроение. Они с Ерофеевым были в гостях у Ахмадулиной по поводу выхода (4/09) в «Московских новостях» ее публикации о нем под названием «Париж — Петушки — Москва». «“Свободный человек!” — вот первая мысль об авторе повести, — пишет Ахмадулина, — смело сделавшим ее героя своим соименником...»

Веничка сегодня говорит только о литературе. О любимых им Аверинцеве, Томасе Манне, Цветаевой и т.д. В 11 вечера собираюсь уходить. Веничка упорно задерживает. Опять все по-новому. Галя по поводу дачи и весьма миролюбиво: «Подсовываю тебе Ерофеева».

6 сентября

Галя К. предлагает повезти Веничку на своей машине под Наро-Фоминск к знаменитому врачу-целителю — некоей Валентине Александровне. Рассказывает о ней: «Давно занимается древней медициной. Предки — из Греции и Германии. Лечит правительство, знают о ней все посольства. Сейчас ей 95 лет, но до сих пор работает рентгенологом. Несмотря на инфаркт, ездит, имея свою машину, только на электричке, говоря при этом: «Хочу быть со своими солдатами», т.е. учениками. Уже обучила 200 человек, и они работают в разных концах страны. Знает всех врачей, в том числе и Огольцову (оперировавшую Веничку в 85-м году)».

Для начала едем к ней без Ерофеева. Просто с его фотографией. Приезжаем. Чудесная поляна в лесу... Костры... 30—40 ее учеников.

Показываю Венину фотографию. Она долго и внимательно смотрит на нее через трехлитровую банку со святой водой из источника, что поблизости. И вдруг поляну оглушает ее вопль: «Человека зарезали! Человека зарезали! Не было у него никакого рака! У него была россыпная грыжа! Я бы могла заговорить ее за три дня!»

«Приезжайте с ним через неделю, — уже успокоившись, сказала она нам. — Найдём общий язык. Помочь уже будет трудно, но попробую».

9—13 сентября

Ерофеев, конечно, очень устал от своей урбанизированности. Мечтает вырваться на природу.

Наконец, втроем с Натой вырываемся на ее дачу, вернее, дачу ее брата. Весело ходим за грибами, топим печку. Веничка сам пилит и колет дрова, по вечерам читаем вслух стихи. В «Неделе» вышли отрывки из «Петушков», а в «Континенте» — «Моя маленькая лениниана». Наконец, засел за работу. Наметил пять заданий: 1. «Фанни Каплан». 2. Автобиография. 3. Ответы на вопросы Краковского университета (письменное интервью). 4. Вступительное слово к новому сборнику стихов Сапгира. 5. Составление (для «Огонька») антологии русской поэзии. Даже прихватил с собой латинский словарь и часто в него заглядывает. Из Израиля он получил письмо от врача — друга Сапгира. Собирается нам с Веничкой (называя меня в нем «симпатичнейшей его подругой») прислать вызов, что Галю, по словам Ерофеева, очень раздражило. Вспомнил, как она однажды сказала своей подруге Наде «Балашихе»: «Эти подурчатся и очень скоро разбегутся. Я в этом уверена. Вот увидишь». Ко мне Веничка очень внимателен и заботлив. «Ты мне никогда не понадобишь, — сказал он. — С тобою я по-настоящему захотел жить».

Периодически из Москвы звонит Галя. Ната воз-

мущается: «Совсем не спрашивает о Веничкином здоровье. Только и говорит: «Пусть дает страницы, а я всем обеспечу».

14 сентября

Приезд на дачу Галины. Ната встречает ее на вокзале. Застает Ерофеева сидящим за столом, обложенным книгами. Внешне — в восторге. Со мною — любезна. Даже подарила «Неделю», с опубликованными в ней отрывками из «Петушков»... Выкладывает на стол привезенные продукты, включая 0,7-милитровую бутылку водки. Веничке, как нам кажется, и не хочется совсем к ней притрагиваться, но из-за упрямства, что ли, начинает потихоньку выпивать.

Уезжая, Галя спрашивает, когда ей еще приехать. Ната ее не перебаривает, но внешне, конечно, с ней сверхлюбезна.

15 сентября

После привезенной водки работа сорвана. Самочувствие плохое. Еле-еле уговариваем его пойти в лес за грибами. Как можем — развлекаем: смеемся, читаем наперебой стихи.

Вечером — звонок Гали. Набравшись храбрости, Ната все ей высказала по поводу привоза большого количества спиртного и заодно спросила: «Почему ты все-таки не оформляешь Ерофееву поездку для лечения за границей?» Галя: «Напишет «Фанни», его и так вышлют. И потом — мне это делать опасно.

Могу загреметь в больницу. Пусть этим занимаются люди с именами».

(?) сентября

Отъезд Наты в Москву. Ерофеев ей: «Если Носова не придет с тобой «гостинец» — не будет никаких пьес. Пусть живет на свою нищенскую зарплату».

Вечером просит почитать ему стихи А.К.Толстого, которого он собирается включить в «Антологию».

(?) сентября

Чувствует себя неважно. Очень расстроен, что не может приступить к работе. Просит меня к 5—7 утра заваривать ему крепкий чай.

(?) сентября

Приезд Галины. Привозит Веничке очень много спиртного. Но , о чудо! Выпил совсем немного и на следующий день даже ничего не попросил! Галя со мною любезна. Даже подарила ксерокопию «Ленинианы».

(?) сентября

Наверное, из-за погруженности в свои мысли и планы, Веничка очень рассеян. Например, утром бредет перед зеркалом своим микрофоном, ис-

кренне удивляясь, почему не исчезают волосы. Спит всегда с часами на руке и вообще с ними никогда не расстается.

В Москву ни в коем случае возвращаться не хочет, да и гостей не жаждет.

Звонок Гали. Сообщила, что собирается приехать на дипломатической машине с каким-то израильтянином. Потом перезвонила, сказав, что приедет одна, с подарком от него — какой-то модной курткой.

Ната очень недовольна, что она зачастила, но я ее предупреждала об этом.

23 сентября

Самочувствие плохое. По утрам трудно дышать. На улицу не выходит. Говорит, что в Москве такого не было, но возвращаться туда ни в коем случае не хочет.

Нарисовала быструю акварель — собранный в лесу букет полевых цветов. Очень внимательно наблюдал за мною. Вроде, не очень понравилось. Тут же разорвала ее в клочья.

Несмотря на плохое самочувствие, все время со мною по-детски дерется и при этом очень веселится. Вечером нам с Натой с увлечением рассказывает сюжет «Фанни Каплан». Может быть, снова засядет за работу?

Говорит, что отрывки из «Фанни» хотят включить в программу его вечера в Доме архитектора.

Вечером приезжает Галина с обещанной курткой, едой, бутылкой спирта и водкой, настоем на гранатовом соке. Расхваливаю Веничку: «Практически

не пьет». Галя (очень настороженно): «Это что-то не то. Надо срочно в Москву». Тут же выдает ему бутылку водки. (Какая там «Фанни Каплан»?) Не выдержав, звоню в Москву Муравьеву. «Спасибо за доверие, — говорит он, — продержите Ерофеева подольше за городом».

Уже поздно. Предлагаю Гале переночевать. Венчик мне по утру доверительно сообщает про ее реакцию: «Я ее оскорбляю, а она ко мне подлизывается». «На дне рождения у «Балашихи», — сказал он, — этому будет посвящен целый вечер!»

24—28 сентября

После отъезда Гали — у меня целых пять дней самый настоящий нервный срыв: сильный озноб, бессонница, обостренная обидчивость, ко всем цепляюсь, разорвала все свои акварели, несколько раз пыривалась уехать в Москву, но остановили. Ерофеев, вместо того чтобы меня как-то успокоить, сказал: «Ты с каждым днем становишься все хуже, и я даже записал об этом в своем дневнике». Наверное, в знак протеста — очень внимателен к Н.А., и ей это очень по душе: чрезмерно с ним кокетлива. О, эти подружки!

30 сентября

Последний день перед отъездом в Москву. Веня чуть простужен, но настроение неплохое. Ко мне очень нежен, внимателен. Ходили гулять вдвоем в лес за грибами. Подписал мне «Лениниану»: «Пусто-

меле Наташке Перельман от мудрого автора в память о самом веселом из всех сентябрей 80-х. В. Ер. 30.IX. 88 г.»

Разговор о том, как важно найти для своего героя подходящую фамилию, имя. Спрашиваю его: «А откуда взялся Гуревич из «Вальпургиевой ночи»? Ответил, что во Владимирском пединституте учился вместе с ним студент Гуревич — очень веселый, остроумный, интеллектуальный еврей. Рассказал про него много смешных и интересных историй.

Поздно вечером появляется на машине Галина. Привез ее Леня со своею женой Леной — бывшие соседи по дому из Птичного. Галя говорит, что машина будет очень перегружена вещами и что кому-то, явно намекая на меня, придется ехать в Москву на электричке. Предлагаю свою кандидатуру, и она с нескрываемой радостью быстро соглашается. Несколько смущенный Леня, ссылаясь на темноту, предлагает проводить меня до станции. Отказываюсь. Просто действительно очень хочется побыть одной. Устала...

На следующий день, по донесению Н.А., Галя в машине: «Шмелькова теперь всей Москве будет хвататься, что она весь отпуск потратила на Ерофеева». И еще: «Вы представляете, если бы была написана «Фанни Каплан», мы бы уже через две недели получили деньги!»

Выйдя из машины у дома на Флотской, Веничка, то ли в шутку, то ли всерьез, попросил Н.А. срочно позвонить мне домой. Узнать, как доехала. «Я очень боюсь, — сказал он, — как бы ее чем-нибудь не переехало».

2 октября

В час ночи Галя привозит Ерофеева к моей знакомой по дому — Г.К., чтобы завтра на ее машине отправиться к врачу-целителю под Наро-Фоминск.

Мелкая с ней ссора из-за Веничкиного состояния — устал от ее нападок в мой адрес.

Всю ночь не спал. Прикладывался к коньяку... Утром еле встал. Тронулись в путь. Дорога красивая, осенняя, и Веничка чуть потеплел. По приезде Т.М., посмотрев на Ерофеева всевидящим оком, подтвердила свой диагноз: «Не было у него никакого рака!», и Ерофеев живо с ней согласился. Обругала всех известных хирургов... Досталось и друзьям юности: «Веселая была компания! Не одного погубили!» Провела с ним короткий сеанс лечения. Например, попросила, чтобы он долго-долго, не мигая, глубоко дыша и при этом разводя руками, смотрел на солнце, пока его диск у него в глазах не станет зеленым. Как ни странно, Ерофеев при всем своем скепсисе беспрекословно ее во всем слушался.

Пожаловалась ей на его слабость. Спросила: «Хватит ли сил доехать ему обратно?»

«Ничего, — сказала она. — Все будет хорошо. Я с расстояния буду управлять вашей дорогой».

И странно... Ехали легко и весело. Несколько раз останавливались в лесу. Собирали грибы, смеялись, фотографировались.

Проводила Веничку до Флотской. Заходить отказалась, но настояла Галя. Очень любезна. Даже предложила суп и рюмку коньяка. Сообщила, что при-

шла от моей кузины, написанная ею восторженная рецензия на «Вальпургиеву ночь». Тут же решили включить ее в программу вечера Ерофеева в Доме архитектора. Уехала поздно. Веня и Галя задерживали...

3 октября

Ранний звонок Наты. Сообщает: «Встретила у дома Галю. Зашла к ним. Расхваливала тебя — как ты находишь с Ерофеевым общий язык» и т.д., и т.д.

Галя: «Я ничего против нее не имею. Лишь бы писал...»

4 октября

Галя мне по телефону: «Ты что не звонишь? Скажи мальчику хоть пару ласковых». Не скрывая радости, сообщает, что завтра на машине заедет Жанна и повезет его в Мытищи на дачу своего брата.

Настроение у Ерофеева неважное: 10-го в Доме архитектора намечается творческий вечер Коротича, и ему, как преданному поклоннику «Огонька», очень хочется его посетить.

5—8 октября

Периодические звонки Ерофеева с дачи Жанниного брата. Очень просит его навестить...

9—11 октября

Ерофеевы все же приехали в Москву на вечер Коротича. Приехала к ним на Флотскую. Галя встретила любезно и даже предложила пообедать. Сообщила, что Жанна написала с Веничкиной фотографии очень «мощный» его портрет, только, по ее словам, Ерофеев почему-то на нем очень похож на американского летчика Пауэлса. Сообщила Веничке приятную новость: смотрела в Студенческом театре МГУ на Моховой 1-й акт «Вальпургиевой ночи» в постановке режиссера Евгения Славутина. Очень понравилось.

Вечером 10-го — в Доме архитектора. В перерыве зашли к организатору вечера Ерофеева — Саше Майорову. Порадовал, что местная цензура пропустила текст Генриха Сапгира к пригласительному билету:

«...Так. Были уже верующие,
еще не было Евангелия.
Но оно должно было появиться,
и оно было написано.
«Москва — Петушки»,
автор — Венедикт Ерофеев.
Текст с начала до конца
поэтический и эзотерический»

*(из неформального слова
о Венедикте Ерофееве)*

Генрих, поскольку этот текст был написан им по моей просьбе, попросил меня найти к нему какой-нибудь эпиграф, какую-нибудь фразу из «Петуш-

ков». Недолго думая, предложила: «И немедленно выпил». Генрих одобрил. Так и прошло.

В перерыве, в фойе, встретили общего с Веней знакомого — эстрадного актера Володю Демина. Бросился к Ерофееву с объятиями.

Вернулись с Веней и Галей на Флотскую. Они снова уезжают на дачу. 11-го проводила их до вокзала. Очень зовут меня к ним приехать. Вечером Галя мне оттуда уже звонила. Сообщила ей, что мне был звонок от приехавшей из Италии журналистки, которая хочет взять у Ерофеева интервью для миланского журнала «Панорама». Галя довольна: «Надо делать дела». Договорились, что приеду с ней на дачу в воскресенье.

14 (?) октября

Едем на машине к Веничке на дачу с журналисткой Кьярой и ее русской переводчицей Марией. По дороге Кьяра много расспрашивает меня о Ерофееве. Один из вопросов, например, такой: «Считает ли он себя профессиональным писателем?» Даже не нашлась, что и ответить, настолько странным он мне показался.

У калитки уже встречает Галя. Шепнула мне, что Ерофеев очень волнуется. «Странно, — подумала, — ведь не впервой». Веничка расстроился, что не привезла ему «гостинец», чем очень смутил гостей: «Почему не предупредили?»

Интервью не получилось: говорила одна Галя, общая при этом зачастую совершенно не относящуюся к вопросам информацию. Мария еле успевала переводить. И Кьяра из вежливости все подробно записывала.

К вечеру Галя уехала к матушке. Звонила мне из Москвы. Заботливо спросила: «Ела ли ты что-нибудь?» и т.д., и т.д.

P.S. Уже потом, в Москве, мне позвонил какой-то итальянский журналист — коллега Кьяры, деликатно намекнув, что интервью надо переделать и что очень желательным было бы при этом отсутствие жены Ерофеева.

15 октября

Гуляли с Веничкой 3 часа в лесу. Вернувшись, застали уже приехавшую из Москвы Галю. Привезла Ерофееву от Кьяры «гостинцы»: армянский коньяк и купленные в «Березке» брюки. «Хорошо, что не нижнее белье», — подумала я, хотя, как говорится, «дареному коню в зубы не смотрят». Брюки Веничка тут же куда-то непочтительно заткнул, а коньяк, конечно, пошел в ход.

16 октября

Самочувствие после «гостинца» неважное. Все время «кокетничает» со смертью: «В последний раз бреюсь, в последний раз пью...» Галя: «Я тебе не дам умереть, Ерофеев, пока ты не напишешь «Фанни Каплан» и не получишь Нобелевскую».

Галя просит меня остаться ночевать, чтобы завтра всем вместе поехать в Москву.

17 октября

Добираемся до Москвы электричкой легко — с шуточками и прибауточками, несмотря на неважное состояние Ерофеева. На минутку заглянула на Флотскую. Там уже к Веничкиному дню рождения расставлены столы. Галя мне совершенно серьезно: «Министр культуры, гений» и т.д.

18 октября

Звонок из Питера незнакомого мне зам. реж. театра «Ленсовет». Очень просит текст «Вальпургиевой ночи». Хотят ставить. Предложила ему обратиться с этой просьбой к жене Ерофеева, но он сказал, что ему легче иметь дело в данном случае именно со мной, как с доверенным лицом Ерофеева. Кто же ему дал мой телефон?

Ездила в Дом архитектора к Саше Майорову за пригласительными билетами на ерофеевский вечер. Выделил мне 60 билетов, из которых 10 взяла для своих друзей. Договорилась с телевидением — «Добрый вечер, Москва». Звонок мне поэта и очень близкого Веничкиного друга Саши Величанского. Попросил включить в программу его выступление, сказав, что написал пять машинописных листов текста под названием «Феномен Ерофеева» и хочет его со сцены прочесть. Почитал мне по телефону. Очень понравилось. Запомнилась выдержка о том, что Ерофеев не только отличается от современных прозаиков, а вообще не имеет к ним никакого отношения, потому что он не прозаик, а поэт, так как

знает, что подлинная проза — это и есть поэзия и т.д., и т.д.

Вечером позвонила Гале на Флотскую, чтобы обо всем рассказать. Наткнулась на Льна. «Что у вас там за программа? — с нескрываемым раздражением спросил он. — У нас есть своя!»

Дала ему телефон Майорова. (Лишь бы угомонился.)

21 октября

Вечер Ерофеева в Доме архитектора. Приезжаю пораньше, чтобы встретить телевидение, приглашенных артистов из Студенческого театра МГУ, чтобы раздать всем билеты и т.д., и т.д.

В вестибюле сразу увидела Льна. Смотрит на меня зверем. Дерзит. Пытается вырвать из рук пачку выданных мне Майоровым билетов (но не вырвал). Даже чуть оцарапал руку (но не до крови).

Программа вечера: 1. I-й акт «Вальпургиевой ночи» в исполнении Студенческого театра. (Очень хорошо, и Веничка доволен.) 2. Отрывки из «Петушков» в исполнении Зайцева и Герасимовой. 3. Прослушивание маг. записи «Петушков» в исполнении автора. Затем — воспоминания: выступают Владимир Муравьев, Евгений Попов, Борис Мессерер, Саша Величанский и др. В завершении вечера — банкет. Идти отказываюсь, но Веничка настоял.

Галя вручает мне, очевидно за проделанную работу, пять очень красивых крупных роз. Приглашает допраздновать на Флотской. Поблагодарив ее и к

великому неудовольствию Ерофеева, отправилась домой.

23 октября

Приехала с подарком ко дню рождения — двухтомником Пастернака. Веничка очень рад. Предупреждаю Галю: «Если Лён завтра на дне рождения будет ко мне цепляться, то за себя не ручаюсь. Могу и заехать». — «Ну и заедь, — сказала она. — И правильно сделаешь».

Сообщила, что уже набран текст «Петушков» и что надо его срочно откорректировать. Предлагаю свою помощь. Веничка, возлежа на диване, тихонько наблюдает за моей работой. «А ты, оказывается, трудолюбивая девка, — говорит он. — Галина, налей ей коньяку!»

Приезд Муравьева. Поздравляет Ерофеева с предстоящим рождением и, сменив меня, засаживается за корректуру. Он, уверена, знает «Петушки» наизусть, и странички так и мелькают у него в руках, а с лица не сходит восторженная улыбка, как будто читает их впервые.

Собираюсь уходить. Веничка не отпускает. Галя: «Ерофеев, отпусти Наташку. Ведь она завтра придет!»

P.S. Веня с Галей отправляются завтра с утра в Театр на Малой Бронной получать в торжественной обстановке по случаю дня рождения гонорар, а затем — на полчаса маленький банкет.

24 октября

Веничкино пятидесятилетие! Масса поздравлений, в том числе — телеграмма из Театра на Таганке. Приехала, по просьбе Галины, пораньше, с букетом белых роз. У Ерофеева уже сестра Тамара и, конечно, Лён с зам. реж. Театра на Малой Бронной — заключение договора на постановку всех ерофеевских произведений. Распивается шампанское. Со мною Лён не здоровается. Зловеще-таинственен. Веничка на все это никак не реагирует.

Рассаживаемся за праздничным столом, и Лён сразу же водружает на глаза темные, модные, громадные очки.

«Так-так, — думаю. — Глаза спрятал для храбрости, значит, сейчас что-то начнется». И точно.

«Шмелькову нельзя уважать», — не дождавшись первого тоста за юбиляра, ни к селу, ни к городу патетически провозгласил он.

«Не Шмелькову, а Наталью Перельман (фамилия моего отца. — *Н.Ш.*)», — спокойно поправил его Ерофеев.

«Да, — распаляясь, продолжает Лён. — Отца можно уважать, а ее нельзя! На вечере Ерофеева ее друзья заняли три первых ряда в партере, а профессор университета стоял у стены!!!» (Какой профессор?)

И уже позже, в кулуарах, опять старая песня: «Она убила Губанова, Зверева и вот теперь взялась за Ерофеева. Но я этого не допущу!!!»

«А Лермонтова и Пушкина тоже она?» — тихо поинтересовался чей-то голос.

«Не обращай на него внимания», — безразлично-устало махнул рукой Веничка.

«Хватит доставать Наташку», — вступилась за меня Галина.

Не получив от присутствующих никакой поддержки, Лён вытащил из вазы кем-то подаренную Ерофееву розу и с какой-то непонятной улыбкой как бы в знак примирения протянул ее мне...

25—26 октября

Состояние плохое. Депрессия. Ничего не ест. Почти все время в тяжелой дремоте.

28 октября

Галя собирается на день рождения к Леонтовичу и просит меня побыть с Веничкой на Флотской. Встретил с прохладцей: «Почему не была 27-го?» Звонила ему Яна Щедрина. Пока он спал, разговаривали с ней почти час по телефону. Назвала меня «Веничкиным Ангелом хранителем». В общем, поддержала словом.

Возвращение Гали. Предложила остаться переночевать. Она (по отношению ко мне) заметно потеплела, да и к другим тоже, например, к Ваде Тихонову. Причина? Конечно, Веничкин успех. Ведь радость делает людей добрее.

31 октября

Звонок Ерофеева: «Где загуляла? Соскучился». Рассказывает: звонили два врача, которые, посмот-

рев о нем передачу по телевидению («которое ты приволокла»), предложили ему свою бескорыстную помощь — постоянное, регулярное наблюдение за его здоровьем.

Еще был звонок из журнала «Советский театр». Сообщили, что в Варшаве готовится премьера «Вальпургиевой ночи».

Олег Дарк хочет устроить его персональный вечер. Веничка: «Но я же не Виктор Ерофеев, который не может прожить вечер без вечера».

Печальное известие от Муравьева: их общую с Ерофеевым однокурсницу насмерть сбила машина. «Ты, пожалуйста, поосторожнее переходи дорогу», — попросил он меня.

Веничка сказал, что мы давно с ним никуда не выбирались, что его приглашают на какой-то поэтический вечер, и он очень хочет взять меня с собой. Напомнила ему о предстоящей репетиции «Вальпургиевой» у Славутина. «Да, да, обязательно пойдем», — охотно согласился он.

1 (?) ноября

Приехала на Флотскую. Встретил очень дружелюбно. Вслед за мною, как всегда, с кучей интересных книг — Игорь Авдиев. Мы с ним всегда находим повод посмеяться.

Новости: звонили из «Нового мира». Хотят опубликовать «Василия Розанова».

И самое главное: звонили из МХАТа с сообщением, что в Москве был на ретроспективном показе своих фильмов Анджей Вайда — самый любимый

Веничкин режиссер мира! Еще раньше он мне говорил, что многие его фильмы, особенно «Канал», «перевернули ему душу». И вот из МХАТа сообщают: Вайда намерен в собственном театре по-своему инсценировать «Петушки», и уже в 89—90-м годах сделать по «Петушкам» фильм! Веничка ответил, что он целиком полагается на его вкус и интеллект, поскольку считает его непревзойденным режиссером из живущих. Ерофееву ответили, что Вайда будет чрезвычайно польщен такой оценкой его творчества.

7—8 ноября

По случаю праздника, приезжаю с цветами и шампанским. Самочувствие Ерофеева тяжелое — ничего не ест, депрессия. Почти никто не звонит. И слава Богу. Веничка: «Как хорошо, что нет гостей...» Рассказала Гале про звонок мне В.А., что он закодировался и очень этому рад. Предложил: «Не последовать ли Ерофееву моему примеру?» С Галиной стороны, как всегда, никакой реакции. Оживленно рассказывает мне за шампанским, как они с Веничкой чудесно жили в Абрамцеве на даче у Делоне, как хорошо к ней относился дед Вадима — Борис Николаевич — крупный математик и замечательный человек.

12 ноября

Приехала к Веничке от сестры художника Анатолия Зверева — Тони. Из ее дома много раз ему зво-

нила. Галя встретила недружелюбно. Даже не предложила чаю. Причина, по донесению Ерофеева: Галя разговаривала по телефону с Жанной, которая ее против меня очень сильно настроила.

Вечером — приезд с коньяком Игоря Авдиева и Андрея Петяева. Довольно быстро разрядили царящий в доме мрак.

13 ноября

Приезд Виктора Тимачева. Галя, собираясь к матери, шепчет ему: «До моего прихода не уходи». Потерпев немного его присутствие, Веничка все же Виктора выпроводил. Зачем-то мне все время рассказывает про Жанну. Как она называет его по телефону «Моя любовь», «Мое солнышко»... И вообще, Ерофеев рассказывает мне подробно обо всем и обо всех, и иногда мне это в нем не очень нравится.

15—17 ноября

15-го — день рождения Наты. По причине неважного самочувствия Веничка поздравить ее не пошел. У нее — Игорь Ворошилов. Встретил радостно. Пообещал на день рождения подарить мне картину в благодарность за то, что в свое время я находила ему покупателей, не беря за это проценты. Собирается набить морду Льну, если тот будет распускать обо мне идиотские слухи.

Звонила от Наты Веничке. Выясняла с Галей отношения. Сказала ей, что Геннадий Айги собирается в Париж и сможет помочь Вене в оформлении вызо-

ва. В ответ — брань: «Он не может уже два года отдать нам тексты». — «Но, — говорю, — ведь сейчас речь идет о здоровье Ерофеева!» В ответ грубое «спасибо» и короткие гудки...

16-го Веничка все же заглянул к Н.А. Раздражен... Выяснения отношений... Даже не помню, что я ему наговорила. Уже позже по телефону Галя мне сказала, что он вернулся взвинченным, но ни о чем ей не рассказал.

17-го. Звоню ему. Голос сухой. Сообщил, что собирается лечь на обследование и что сам мне позвонит. Быстро повесил трубку...

19 ноября

Сообщаю Ерофееву по телефону, что сегодня в «Советской культуре» вышла статья В.Потемкина «Пятое колесо» и что в ней есть текст и о нем.

Зачитываю ему. «...Буквально потряс монолог Венедикта Ерофеева, голос которого, еле слышимый, был усилен специальными динамиками. Время лишило человека права на правдивое слово, нельзя было печататься, не на что было жить. В результате всего — болезнь».

Веничка добродушно посмеялся над такой наивной трактовкой генезиса его болезни. «Пойду поскорее возьму обед, — сказал он, — чтобы так больше не писали».

22 ноября

Звонок Ерофеева. Сообщил новости. Звонили из Нью-Йорка, выслали приглашение приехать в США

на 3 недели. Официально — из Йельского университета.

Очень просит хоть что-нибудь прислать для публикации «Литературка».

(?) ноября

Газета «Неделя» (№ 36, 88) очень быстро отреагировала на телепередачу «Пятое колесо» и по заявке трудящихся опубликовала отрывки из «М — П» с кратким предисловием к ним главного редактора издательства «Книжная палата» В.Кабанова.

«Москва — Петушки» в печати? — пишет он. — Это будет встречено очень по-разному. Многих шокирует широкая демонстрация языковых вольностей на грани непристойности... Иногда и за гранью. Кто-то будет, возможно, подавлен сгущенной атмосферой черного юмора, пьяной иронией по поводу известных социальных реалий... Но чуткий и сострадательный читатель не может не почувствовать за этой свободно льющейся и рвущейся речью приглушенный стон больной, несчастной и саморазрушающейся души. Хотя нужны большие нравственные усилия, чтобы сострадать этому герою».

28 ноября

Встретил радостно. «Почему так долго не появлялась?» Сообщила о неожиданной, странной смерти нашего общего знакомого актера — В.Д. Ерофеев ледяным голосом: «Довольно редкий случай, чтобы

человек вот так умер, не оставив после себя никакой памяти».

Галина ко мне агрессивна. Искажает события, разговоры. Вечером залетает Ната. Не переваривая Галину, засыпает ее конфетами, печеньями и прочими дарами. Переглядываемся с Веничкой...

29 ноября

Звонит Ерофеев: «Вчера я лишний раз убедился в том, что без тебя мне очень трудно. Заглянула бы хоть на минутку».

Являюсь. Сообщает, что до Нового года собирается лечь на обследование в больницу. Предупреждает: «Носова там чувствует себя королевой и может сделать все, чтобы тебя ко мне не пускали». Очень хочет справлять вместе Новый год. А в декабре он получит деньги и снимет дачу. Говорю, что ноги моей на ней не будет. «Тогда снимем две рядом», — сказал он.

Со стороны Гали ко мне — поток ненависти. Ушла, подчеркнуто вежливо с ней попрощавшись. Вслед злобное: «Какая воспитанная!»

6 декабря

Звонит из больницы Веничка. Очень просит, чтобы я его навестила. Встретил тепло. Потом вдруг — неожиданный холод. Рассказал, что случайно слышал разговор Носовой с Натой.

Носова: «Скажи, может быть, Шмелькова его чуть-чуть любит?»

Н.А. (хохочет): «Как и всех остальных!»

С расстройства Ерофеев выпил целую бутылку коньяка. «Ну и подружка, — говорю. — Ну и лицемерка!» Ерофеев: «Ты расстроена, а я разве нет? А в общем, все это мне довольно безразлично», — махнул он рукой. Попросил тем не менее, чтобы Н.А. принесла ему список всех моих поклонников, если приедет его навестить. Она, конечно, все это отрицает и даже назвала Веничку «интриганом».

8 декабря

Веничка позвонил из больницы утром, и я сразу приехала к нему. Обругал мой желтый свитер и сто раз это повторил.

Сообщил о Лилином ночном звонке на Флотскую по поводу приглашения в США (бесплатные билеты и т.д.). Сказал, что он очень хочет, чтобы я его сопровождала.

Самочувствие неплохое. Очень хочет пойти в МГУ к Славутину на репетицию «Вальпургиевой ночи».

14 декабря

Привезла Веничке Лилино письмо. Встретил меня радостно. Приглашает как своего официального секретаря в Нью-Йорк. Все время нежно поругивает: «Пустышка», «Притвора» и тут же: «Нет. Ты кажешься такой, какая ты есть».

16 декабря

Временное возвращение Венички из больницы на Флотскую. По приглашению Славутина, идем на спектакль Ружевича «Картотека». Понравился. После спектакля в честь прихода Ерофеева — чай. Обсуждаем постановку «Вальпургиевой ночи». Дал согласие изменить в спектакле музыку: «Можно и позабористей», — сказал он.

Очень не понравилось ему, что в Театре на Малой Бронной (по рассказам Славутина), заменили многие не совсем цензурные слова в тексте, хотя режиссеру Портнову и отдали должное за проявленное им целомудрие.

Оказывается, Ерофеев завещал Гале все наследство. По его словам, она не давала ему 100 грамм коньяку. «Подпишешь наследство, тогда и налью», — не то в шутку, не то всерьез сказала она. Он взял и подписал. А она ему на радостях налила целых двести грамм и потом сама об этом всем рассказывала, в том числе и мне. Сенсация на всю Москву. Даже в газете об этом написали. Правда, весь эпизод с коньяком, как мне кажется, очередная ерофеевская игра. Думаю, что подписанное Гале наследство есть плата за проведенные ею с ним годы, которые, как понимаю, были далеко не легкими.

Веничка сказал мне, что Галя с нетерпением ждет Новый год. Это будет ее год. Год змеи.

18 декабря

Экспромтом заезжаю на Флотскую. Сообщение: послезавтра «с ревизией!» приедет с гастролей Жан-

на. Настроение у Ерофеева подавленное. Все время спрашивает, где я буду справлять Новый год? Зачитываю ему присланное мне Тamarой Васильевной поздравление с праздником:

«Милая Наташа, поздравляю с наступлением Нового 1989 года! Пусть он будет благополучным для Вас! Счастья, здоровья, радости, всяческого везения, неиссякаемой энергии желаю Вам от всей души! О Москве и о всех скучаю! Привыкла за полгода к интенсивному общению.

От Вены получила большое письмо. На днях отправлю ему посылку с книгами (его любимым Рабле).

Сегодня только поднялась с постели после сильнейшей простуды. Зима стоит суровая. В квартире прохладно. Привет Ерофеевым. Я им напишу завтра.

Целую. Тамара».

26 декабря

В 9 утра звонит с Флотской Ерофеев. Собирается ехать на «Пушкинскую» покупать книги. Предлагает потом зайти в костел на рождественскую службу. Соглашаюсь. Рассказывал, что вчера, по приглашению Жанны, был на премьере спектакля (забыла название) в Театре Станиславского. Жанна, по его словам, играла «какую-то поблядушку», но играла неплохо. Вечером в театре — банкет. Ерофеев после банкетных возлияний чувствует себя ужасно. Нервы на взводе, и все это от-

ражается на мне. Подозрительно: «Ты какая-то не такая!»

До Флотской доехали вместе. Веничка на время зашел домой, а я через дорогу — к Нате. В 7 вечера звонит: «У меня гости. Заходите». Из-за Гали отказываюсь, но он звонит снова и снова.

У него в гостях младшая сестра Нина Васильевна, Валя Еселева, Лена и Леня из Птичного и еще кто-то. Вернулась к Нате, и чуть позже пришел и Веничка. Основной разговор — о встрече Нового года и о поездке на дачу. Остался...

28 декабря

Лег в больницу на обследование. Приехала навещать. Встретил сухо и даже враждебно. У него Игорь Авдиев. Перед уходом Игорь по секрету мне сообщил, что у Ерофеева чудовищное настроение из-за встречи Нового года. Галя собирает дома родственников — мать, тетку Любку и др. Особенно Веничку раздражают «канделябры», которые Галя так любит. Он собирается чуть ли не остаться в больнице на Новый год или даже спровоцировать дома ссору, чтобы куда-нибудь улизнуть. «Вот только жаль Андреевну (Галину мать. — *Н.Ш.*)», — сказал он мне.

Оказывается, Галя на меня Веничке пожаловалась. Будто бы я по телефону во время какой-то мелкой ссоры назвала ее совдепкой. Оправдываюсь: «Не говорила я ей такого!» Но Ерофеев отрезал: «Именно так и сказала. Это лексикон твоего круга, а Галина таких слов даже не знает». — «Может быть, и вправду ляпнула? — подумала. — Нехорошо, конеч-

но». — «Но зато, — перехожу в наступление, — она мне как-то сказала, что я похожа на Сталина!» Веничка только рукой махнул...

Попросил меня позвонить Нейманам, чтобы у них вдвоем отметить Новый год. «Правда, — сказал он, — они не захотят ссориться с Галей». Я сама против этой идеи. Уговариваю его справлять на Флотской: как-никак — семейный праздник. Ерофеев в ярости: «Тебе лишь бы улизнуть!»

Уже из дома, через силу, ссылаясь на Ерофеева, звоню Нейманам. Сумбурно объясняю ситуацию... В ответ слышу приветливое: «Мы будем очень рады Галю с Веничкой видеть у нас дома на Новый год». Так что все обошлось. Правда, не совсем. Веничка справлял Новый год на Флотской, но что мы не были с ним в этот его любимый праздник вместе, считал очень плохой приметой.

1989 год

4 января

Навестила Веничку в больнице. Не ожидала — очень обрадовался. Напридумывал, что я намеренно сорвала с ним встречу Нового года.

Привезла в подарок «Вечернюю Москву» за 2 января со статьей Л.Парфенова «Феномен ленинградского телевидения», в которой он называет Веничку «звездой» «андеграундной» литературы.

Взамен подарил мне журнал «Трезвость и культура» с очередной публикацией «Петушков». «Издательство растянуло их на несколько номеров, — пояснил он, — для поддержки тиража». Подписал подчеркнуто сухо: «Наталье Шмельковой — Венед. Ероф. 4/1-89».

Сказал, что получил от Лили письмо, в котором она сообщает о прибытии к нему американцев с визом из США.

И еще поделился: «Ненависть к тебе Носовой, вроде, приутихла. За различные публикации пошли большие гонорары, и она, в связи с этим, считает тебя никем!»

Пропела: «Кто был никем, тот станет всем».

5 января

Веничка выписывается из больницы. Приглашает меня с собой в гости к Ольге Седаковой. Она обещала его красиво подстричь и подарить банку «чернушек». «Никуда не пойду, — говорю, — твои знакомые из-за Гали меня ненавидят». Веничка невозмутимо: «Плевать на это».

Передала ему привет от Елены Копелевой, с которой виделась у Гали Евтушенко. Сказала, что Галя нас с ним приглашает в гости. «Я ее боюсь из-за своего внешнего вида», — то ли в шутку, то ли всерьезотреагировал на приглашение Веничка.

Проводил до выхода, холодно поцеловав в лоб. Сказал, что завтра обязательно позвонит в 9.00 по поводу приезда к нему американцев.

7 января

Заехала к Нате. Она позвонила Веничке, сказав, что я у нее. Пришел очень расстроенный. Нервы на пределе. Предложил отметить Рождество. Сплошные выяснения отношений. Ко всему придирается. Ссора. Несколько раз порывалась уйти, но Н. не отпустила. Хотел уйти и Ерофеев: «У меня есть дом», — сказал он, поведав Нате о своих «почиваниях на вокзальных лавках». Мне: «Ты становишься все хуже и хуже. Ничего хорошего у тебя в Новом году не будет». Про Жанну: «Птичка невысокого полета». Нате: «Галя тебя побаивается...» Неожиданное примирение. Как ни уговаривали, возвращаться домой не захотел.

8 января

Утром Галя звонит Ерофееву: «Приехали с приглашением американцы. Скорее приходи». Веничка не торопится. Явилась сама. Веничка позвал нас с Натой к себе посмотреть на заморских гостей. Естественно, отказались. Сегодня к нему собираются еще нагряться из общества «Память» во главе со Светланой Мельниковой. Ерофеев смеется: «Они меня считают почему-то чуть ли не своим». Обещал к нам снова зайти. Естественно, не появился. Наверняка подпоили.

10 января

Ерофеев не звонит. Ну и не надо. Решилась на окончательный разрыв. Галя про нас с Ерофеевым (по донесению Н.А.): «Связались два больных».

12 января

Все же звоню Тимакову, чтобы узнать о Веничкином самочувствии. Сообщил, что настроение у него чудовищное. Что на Старый новый год всех разгонит и будет справлять один. Про Галю (весьма ехидно): «Бедная, больная женщина. На пороге «Кашенко».

Звонит мне Н.А.: «Была у Ерофеевых. У них Жанна. От Гали в твой адрес — проклятия. Говорит: «Все будет так, как захочу я!»

К вечеру все же позвонила Веничке поздравить с любимым праздником. Настроение у него, судя по голосу, ужасное. Поинтересовался, где буду отмечать

13-е? Доложила, что в «Неделе» прочла статью А.Синявского «Я живу русской культурой», в которой он пишет о нем, как об одном из наиболее значительных новых советских писателей.

30 января

Неожиданный Галин звонок: «Ерофееву очень плохо. Может быть, приедешь?» Являюсь. Веничка не может скрыть своей радости: «Глупышка, я тебя очень, очень люблю!» Призналась, что все эти дни я себя сильно против него настраивала, чтобы легче перенести ссору. Ерофеев: «Интересно. Я делал то же самое».

Раскритиковал мое выступление по телевизору с выставки Зверева в Фонде культуры. Галя: «А сердце-то, наверное, екнуло, когда увидел Наташку на экране?»

Веничке все время снится Кольский. «В Америку, — сказал он, — один не поеду. С Галей — абсурдно. Только с тобой, хотя ты меня там, наверное, бросишь, хотя, — немного подумав сказал он, — это не резон...»

Опять о Новом годе... Переживает, что не справляли его вместе — «плохая примета».

На днях к нему собираются приехать в гости Юрий Любимов и Николай Губенко. Веничка приглашает меня. Но, конечно, скорее всего не воспользуюсь его приглашением, хотя бы ради того, чтобы лишний раз не будоражить Галю своим присутствием.

На прощание Веничка дал почитать мне «Комсо-

мольскую правду» за 24 января, в которой опубликовано интервью его однофамильца Виктора Ерофеева с А.Амлинским под названием «В лабиринте «проклятых вопросов». О Веничке в интервью такой текст Виктора Ерофеева: «Нельзя, конечно, не сказать о моем однофамильце Венедикте Ерофееве, чей роман «Москва — Петушки» стал литературным апокрифом, бестселлером самиздата. В новом году эта книга увидит свет. Кстати, нас бесчисленное количество раз путали, принимали одного за другого. Веня, был такой момент, даже советовал сменить мне свою фамилию, на что я ответил: «Поздно, Веня». Был и такой казус. В Голландии вышел его роман под моим именем, с моей биографией и фотографией на обложке».

31 января

Приехал на Флотскую директор издательства «PS» Алексей Сосна. Предложил устроить Ерофееву вечер в Литературном институте. Он пробивает премию Платонова, и если ему это удастся, то первым ее получит Веничка. Звонил поэт В.Алейников с сообщением, что Ерофеева собирается печатать изд-во «Прометей». Ерофеев: «Мне это уже все надоело». К нему сегодня должны прийти для интервью две корреспондентки из «Учительской газеты», и Веничка отказывается идти со мною на вечер поэзии. Будут читать Г.Айги, Г.Сапгир, А.Вознесенский, И.Ир-теньев и др.

При прощании еще несколько раз повторил, что меня очень любит, что был уверен, что я пошла на

разрыв с ним. Просит надолго не исчезать. Спросил: «А если бы Галина тебе не позвонила, ты сама этого не сделала бы?»

1 февраля

Приехала к Вене только к вечеру. Галя: «Не очень-то твоя девка к тебе торопится!» И добавила: «Вам еще не надоело крутить 2 года?» Попросила у меня «Василия Розанова» с Веничкиным автографом, но я не поленилась и сделала для нее с книги ксерокс, чтобы книга моя с автографом не пропала.

2 февраля

У Венички в гостях сестра Нина Васильевна, Генрих Сапгир, Вадим Тихонов и Саша Епифанов. Последнему нажаловалась, что нас с Веничкой ссорят. Отнесся к этому очень серьезно: «Этого делать ни в коем случае нельзя». Собирается даже на эту тему поговорить с Галей.

Обсуждали с Сапгиром прошедший вечер поэзии. Он сказал, что видел меня в зале со сцены. Галя насмешливо: «Шло ли сияние?»

Перепалка Тихонова с Галей. Он ей в глаза: «Ты Ерофеева спаиваешь, и я об этом напишу в своих задуманных мемуарах». Галя, как мне показалось, чуть ли не напугана, оправдывается. Да тут еще Веничка изрек: «Ты от меня спасаешься коньяком». Галя смущена.

5 февраля

По договоренности, утром встречаемся с Тихоновым в центре, и он передает для Венички 15 самиздатских экземпляров «Ленинианы». Уже в который раз говорит мне, что Ерофеев очень ревнив, что расстался со своей первой женой Валентиной из-за ее измены, что не уходит от Гали из-за ее болезни. Приглашает нас с Ерофеевым к себе в гости в Добрынину.

В 4 дня я у Ерофеева с «Ленинианой». Подарил мне экземпляр с надписью: «Нат. Шмельковой, пока еще самой милой девке на свете. Венед. Ер. 5-го/II. 89».

Галя сама просит остаться меня ночевать в Вениной комнате. Самочувствие ужасное. Озноб. Слабость. Задыхается...

6 февраля

Все время говорит о домике с печкой. «Хочу быть с тобой». Расписываю ему, как необыкновенно он смотрится в лесу, среди берез. Удивлен: «Ты говоришь слово в слово с Ахмадулиной. Галина свидетель». Спрашиваю: «Так ты дом хочешь купить или все-таки снять?» Ерофеев: «Покупают те, которые могут еще прожить 2, 3, 4, 5, 6, 7 лет. Я фаталист. Но жить буду, пока ты со мной. Ведь появится первый прохиндей и ты... Не знаю уж почему, но я тебя очень, очень люблю. Галина не попала до сих пор в больницу, так как полностью увлечена договорами, начиная с польского телевидения, кончая «Прометеем», переводами. Она же понимает, что жить мне

осталось недолго, а ее ожидают большие деньги». — «Веничка, что ты говоришь?!» — «Что поделаешь. Все бабенки в определенном возрасте мечтают быть богатыми. Но я еще не собираюсь так сразу умереть. Сколько раз уже было: вот-вот... Но, думаю, надо выжить. Ведь еще Наташка Шмелькова сколько раз может появиться...»

7 февраля

Приехала утром. Веничке плохо, но сразу повеселел. Галя отправилась в какое-то издательство. Заехал Саша Епифанов. У него — горе. Умер отец. В шутку назвал Веничку «Веницианским мавром» за то, что не дал нам с ним толком побеседовать на своем дне рождения. Вернулась Галя. Привезла 40 экземпляров журнала «Трезвость и культура» с очередной публикацией «Петушков». Веничка, конечно, подарил мне журнал и подписал: «Наташке Шмельковой, самой неумной и любимой из всех хохотух. Венед. Ер. 7 февр. 89».

Галя нехотя просит меня приехать к ним вечером после выставки Зверева: «А то Ерофеев все время тебя спрашивает».

Веничка прежнее: «Приезжаешь через силу».

8 (?) февраля

После двух экскурсий, проведенных мною на выставке Зверева, приехала на Флотскую только поздно вечером. Вене очень плохо — трудно дышать. Галя ему совершенно серьезно: «Как у тебя

распухла шея! Ты сегодня ночью можешь умереть!» Периодически подливает ему коньяк. Веничка мне в ее отсутствие: «Ничего, девчонка, выстоим!» Все время очень внимательно, пронзительно на меня смотрит. С горечью: «Ты ничего не понимаешь. Ничего не понимаешь...» Галя мне: «Ты на Ерофееве сломалась».

10 февраля

Веничке по-прежнему плохо, но все время смеется над моими репликами. Галя — все о смерти.

В «Литературке» за 8 февраля вышла статья Д. Урнова «Плохая проза». Досталось многим известным писателям — и Войновичу, и Саше Соколову, и, конечно, Ерофееву. Нападки на Веничку заканчиваются так: «...Неумело сделан бред — вот и все. С момента своего появления за двадцать лет этот текст совершенно истлел бы под воздействием времени, и лишь только запретность как бальзам его для нас сохранила».

«Молодец, — говорю, — Урнов. Теперь о нем все будут говорить и писать». Ерофеев только рукой махнул: «Расскажи обо мне что-нибудь хорошее», — попросил он.

11 февраля

Приехала к Ерофееву в его любимой синей юбке и пушистом свитере. «Это продуманно?» — спрашивает. — «Конечно, — говорю. — Ты ведь, как это мне

не странно, придаешь такое большое значение женской одежде».

Чувствует себя неважно. «В домик, поскорей бы в домик, — говорит он. — Мы ведь практически не были с тобой вдвоем».

К вечеру — приезд сына Венедикта-младшего с женой Таней. «Ты уже уходишь, Наташа?» — спросил он, как мне показалось, с сожалением. По-моему, он относится ко мне с теплотой, и меня это радует и поддерживает.

12 февраля

У Ерофеева гости — Виктор Сукач*, Люся и Марк «Булгачата», Саша Бондарев.

Галя сегодня как никогда агрессивна: «Я ненавижу весь мир! Больше всего баб. И зачем они рожают? Вот у сына Ерофеева заболела дочь, а я должна искать врача» и т.д., и т.д.

Веничка сообщает всем забавную новость: из Петушков в Караваево к его первой жене Валентине Зимаковой подкатила черная «Волга». Представитель местной власти петушинского района, как говорится, «весь из себя упакованный» торжественно сообщил ей, что в Петушках намечается авторский вечер Ерофеева. «И как же мы могли пропустить такого гения», — удивленно разведя руками, искренне недоумевал он.

* Старинный друг Ерофеева. С.н.с. Института мировой литературы. Библиограф и издатель сочинений В.В. Розанова (с 70-х годов).

13 февраля

Сегодня Веничку навестила Ира Якир* — «Ирка-Якирка», как ее называют в доме Ерофеева. Предлагает для Венички хорошего знакомого врача. Галя не реагирует. Агрессивна. «Почему-то, — говорит она, — Ерофеев мне все время напоминает о разводе, который я в свое время ему предложила. Ненавижу всех. Угробила всю жизнь, села на костер». Про нас с Веней: «У них любовь, а я, видите ли, корыстная. Для меня все деньги, деньги...»

Ира: «Но, Галя, как говорится, взялся за гуж...»

Галя (агрессивно): «А ты забыла, как в 85-м вы все, находясь у нас в гостях, меня чуть ли не связали?»

Ира (миролюбиво): «Галя, дорогая, а ты не помнишь, что с тобою было?»

Пока Галя на кухне, рассказывает мне уже давно известное: в 85-м году, еще до болезни, до операции Ерофеева у Гали началось сильное психическое обострение. К земле приближалась комета Галлея... И как-то на глазах у всех присутствующих Галя неожиданно выбежала на балкон и, перегнувшись через перила, закричала: «Если комета Галлея не идет ко мне, то я пойду к ней!..» Ее еле оттащили.

15—16 февраля

В 2 часа ночи! звонит Ерофеев. Сообщает, что написал много страниц для «Континента» (интер-

* Близкий друг Ерофеева. Историк. Участница правозащитного движения. Дочь известного диссидента Петра Якира, жена Юлия Кима. Умерла в 1999 году.

вью). В 8 утра — снова звонок: «Почти закончил». Масса вопросов. Например: «Как вы относитесь к борьбе с алкоголизмом?» или: «Что было бы с Россией, если бы она пошла по пути католицизма?» Спросила: «Разве не было бы того же в такой атеистической стране?» — «Да, конечно, — ответил Ерофеев, — но они ждут от меня ответов попарадоксальнее».

Приехала к вечеру. До меня была у Венички поэтесса из Питера Лена Игнатова. С нежным автографом подарила ему свой сборник стихов. Многие из них ему очень понравились.

По какому-то поводу заговорили о прозе проживающего в Париже Тóлстого (Кетлярова)*. Ерофеев чуть ли не раздраженно: «Слишком обмусоливает сексуальные темы. Все это очень дешево. Я сам чистоплюй и мне это все противно!»

Новости: «Мосфильм» и «Ленфильм» хотят ставить «Петушки», но пока нет спонсора. Галя в гневе: «Ерофеев, нам надо ехать за границу!»

Веничка: «Ни за что. Хочу только в домик». Напоминает мне, что 17-го будет два года, как мы с ним познакомились.

— Ты не жалеешь об этом? — спрашиваю.

— Нет. Без тебя 87 и 88-й были бы пустыми, — ответил он.

Прощаясь с ним: «Вставайте, граф. Вас ждут великие дела. Доведите до конца парижское интервью.

* Специалист по хеппинингу. В эмиграции стал издателем альманаха «Муллетта».

Сделайте подарок для человечества». — «Не для человечества, — поправил он меня, — а для Наташи Горбаневской»*.

17 февраля

Вечер Ерофеева в Литературном институте. Приезжаю на Флотскую. У него уже Леша Сосна (организатор вечера) и Саша Бондарев. Веничка возлежит на диване и попивает коньячок. Ехать наотрез отказывается. Еле уговариваю: «Я так давно не каталась на такси!» Бондарев смеется: «Веселые у тебя подружки!»

Открывает вечер Сосна. Зачитывает текст о Ерофееве из Лондонского энциклопедического словаря русской литературы с 1917 года Вольфганга Казака: «Ерофеев Венедикт — писатель, с 1933 или 1939, под Москвой. Е. — писатель, о котором почти невозможно получить биографические сведения. Очевидно, некоторое время учился на историческом фак-те Московского университета и во Владимирском пединституте. По слухам, знает латынь, любит музыку... По имеющимся сведениям, он рано стал алкоголиком и зарабатывает на жизнь подсобными работами...»

Выступление Битова, Еременко и затем Ерофеева. Ответы на многочисленные вопросы — о большевизме, о событиях в Германии 23—33 годов и пр. После-

* Поэтесса, переводчица, печатавшая свои стихи в самиздате. Правозащитница. После участия в демонстрации на Красной площади (1968 г.) против вторжения советских танков в Чехословакию была заключена в Казанскую спецпсихбольницу. В 1975 г. эмигрировала. Живет в Париже. Много лет была редактором «Континента».

дний вопрос — про «Мою маленькую лениниану». Вот тут и началось! «...Этого плешивого мудака давно пора убрать из мавзолея...» Под смех и аплодисменты парторг, вытянув шею, с пунцовыми пятнами на щеках, по ногам сидящих в ряду стремительно пробирается к выходу. Следом за ним выплывают две пожилые дамы. «Коммунисты не способны решить никаких задач, — продолжает Ерофеев. — Вот разве что СССР выиграл войну. Но коммунисты здесь ни при чем. Выиграл войну народ». Реакцией студентов остался доволен. Особенно, когда садился в такси, а они на прощание махали ему вслед руками.

Приезд Жанны.

Веня: «Меня очень настораживает, что ты меня совсем не ревнуешь». Уехали вместе с ней на выставку Зверева, а потом к ней домой смотреть ее работы. Она о Гале и Веничке: «Скупые. Если бы Ерофеев уехал за границу, то не написал бы никому ни строчки». Так и не поняла, с чего это вдруг она со мною так разоткровенничалась.

Вечером позвонила на Флотскую. Веничка, не скрывая раздражения, назвал нас с Жанной «подружками».

21 февраля

Встретил радостно: дергает за хвостик, до боли сжимает руки, нежные пощечины и т.д. На диване — скомканный листочек с записью: «20-е — день психологически напряженный — Н.Ш.» (20-го закры-

тие в Фонде культуры выставки Анатолия Зверева, и я поэтому у Венички не была).

Ерофеев: «Как я люблю свою квартиру! Наверняка, после моей смерти найдется много желающих в ней поселиться».

Галя: «Не беспокойся. В ней пропишется твой сыночек».

Веничка: «Очень, очень сомневаюсь...»

Рассказывает, как один из его знакомых, красиво поправляя волосы, назвал «Москва — Петушки» «полуфабрикатом». Назвал так, конечно, задолго до того, как книга была переведена на многие языки мира. Спросила: «А как ты думаешь, много у тебя завистников?» Ерофеев: «Я думаю, что многим хотелось бы, чтобы меня не было».

22 февраля

Поздно вечером звонит Галя: «Ты куда пропала? Вене плохо».

— Галя, я еле дышу!

Она: «Ну смотри, я тебя предупредила».

23 февраля

Приехала к вечеру. Самочувствие тяжелое. У него — Валя Еселева. Встретила меня тепло, да и Галя ничего. Усадили выпить чаю. Как всегда, засыпаю Веничку всякими дурацкими историями, и ему, как всегда, от этого лучше, веселее. Валя даже сказала ему строгим голосом: «Веня, слушайся Наташу».

Галя все о своем: «Ерофеев, получи Нобелевскую, и мы тогда дадим Н. взаймы 5000, чтобы она смогла на бензоколонке вернуть свой долг».

24 февраля

Вечером Веничка сообщил мне по телефону, что ему намного лучше. Приезжали к нему поэты Владимир Друк и Виктор Коркия. Обсуждали программу его авторского вечера в Студенческом театре МГУ на Моховой. Обещаю ему через свою знакомую переводчицу Галину Гришук английское телевидение. Веничка очень оживлен предстоящим и уверяет меня, что ко второму марта он обязательно поправится.

2 марта

Вечер Ерофеева на Моховой. Ведущий — Виктор Коркия. Начинается первым актом «Вальпургиевой ночи» в постановке Евгения Славутина. Играют артисты замечательно, с полной отдачей.

Интересные выступления Владимира Муравьева, Генриха Сапгира, Ольги Седаковой, Евгения Попова, Александра Давыдова и др.

Особым успехом пользуются стихи молодых поэтов — Владимира Друка, Виктора Коркия, Игоря Иртеньева и др., которыми и заканчивается вечер. И их плакат справа: «Все мы вышли из Петушков!»

Аплодисментами Ерофеева вызывают на сцену. Цветы... Автографы... Конечно, по Веничкиной просьбе, Галя приглашает меня на Флотскую отметить событие. Ссылаясь на какие-то домашние дела,

отказываюсь. Но настаивает на моем присутствии верная Ерофееву Валя Еселева и даже берет на свои деньги такси.

В гостях на Флотской — Александр Давыдов, Юрий Гутман с женой Таней, Евгений и Ирина Славутины, Владимир Друк, Виктор Коркия и т.д. Галя, как всегда, зажигает «канделябры»... Читаются стихи... Остаемся с Валею Еселевой до утра.

3 марта

Весь день на Флотской. Веничка все спрашивает меня, почему я на вечере не сидела рядом с ним. «По-моему, — говорю, — было бы странным, если бы я, а не Галя села рядом с тобой».

Отпустил с трудом. Надулся. При прощании: «Ты сегодня очень красивая, а я редко об этом говорю».

5 марта

Вечером слушали передачу по «Голосу Америки» о современной советской литературе, в том числе и о Ерофееве — была упомянута рецензия Урнова «Плохая проза». Ерофеев мне: «Даже по «Голосу» говорят, что я хороший. Ну, расскажи же, наконец, что-нибудь про меня». И я начинаю: «Жил-был на свете...»

Из Парижа дошли слухи, что Илья Кабаков* хочет иллюстрировать сборник Ерофеева, в который

* Всемирно известный художник-шестидесятник. Мэтр концептуализма.

кроме основных его произведений войдут написанные им в начале 60-х статьи о Гамсуне, Ибсене, Бьернсоне. Так и не поняла — сохранились ли они?

7 марта

У Ерофеева журналист Леонид Прудовский. Берет для «Огонька» интервью. Масса вопросов. Один из них, конечно, о любимых писателях. Ерофеев ответил, что еще с юности он был ослеплен скандинавской литературой и только о ней и писал — о Кнуде Гамсуне, Генрике Ибсене... Ослеплен ими был так потому, что они его земляки. «Да я, в сущности, — добавил он, — и музыку люблю только Грига и Яна Сибелиуса».

Прудовский спросил, правда ли, что «Петушки» были переданы на Запад и опубликованы там благодаря Льну, утверждающему это. Ерофеев сухо отрезал, что Лён не имеет к этому ни малейшего отношения. «Как всегда врет», — добавил он.

Приезд на Флотскую (по рекомендации) незнакомых двух врачей. Они занимаются лечением рака и, по слухам, творят чудеса. Предложили Ерофееву свою помощь. Веничка, чуть ли не агрессивно, отказывается, и они смущенно удаляются.

К вечеру — появление Яны. Случайно застаю — обнимает Веничку, целует, полушепот... Смутилась. Ухожу в другую комнату. Ерофеев после ее ухода: «Зато я убедился, что ты способна на ревность».

Сообщает новость: Светлана Мельникова советует вступить ему в Союз писателей, аргументируя свое предложение, в частности, тем, что я тогда

(безработная) смогу быть его официальным секретарем.

И еще другая, менее приятная новость: именно 14-го марта, в день моего рождения, Галина собирается положить Веничку в больницу к Мазурскому для обследования. Ерофеев, конечно, отказывается: «Не раньше 15-го!»

8 марта

Зачитываю Ерофееву открытку из Кировска от Тамары Васильевны.

«Милая Наташа, с праздником нашим женским! Желаю доброго здоровья, счастья и всяческого благополучия. Слава Богу, и у нас наступил рассвет. Изредка появляется солнце. Сразу на душе повеселело. Много читаю, особенно периодики — «Литературку», «Огонек», «Знамя». Из литературы кое-что приобрела: две книги Булгакова, «Зубр» Гранина, «Ночевала тучка золотая» Приставкина, «Тридцать пятый и другие годы» Рыбакова, «Дело врачей 1953 года» Раппопорта, романы Мариенгофа, «Мелкий бес» Сологуба, «Гейне в воспоминаниях современников», «Русская эпиграмма 18—19 вв.» и т.д. В октябре прочитала Гроссмана «Жизнь и судьба». Превосходная вещь!

Целую. Т.В.»

Ерофеев прежнее: «Галя все время убеждает меня, что ты ко мне равнодушна. Ты ведь на самом деле не хочешь ехать со мною в Америку из-за моего

здоровья. Ведь я буду для тебя обузой. Но я могу поехать только с тобой. Ведь я тебя очень люблю, дочка. Из 14-ти часов в сутки 10 часов я неотвязно думаю о тебе...»

9 марта

Приезд к Ерофееву Жанны с англичанкой Сюзанной — пишет книгу об СССР. Не засиживаюсь. Вечером Жанна звонит мне по телефону. Трагически рассказывает: «Приезжал Сапгир с каким-то художником из Израиля, с кучей выпивки. Все орали. Не давали Ерофееву даже говорить. У него полились слезы. У Сюзанны от этого посещения — страшное впечатление. Она сама чуть не заплакала». Жанна наверняка, как всегда, все преувеличивает и вообще, зачем она мне все это рассказывает?

11 марта

В «Учительской газете» вышло интервью с Ерофеевым под названием «Мне прозу диктует свобода».

На один из вопросов журналиста Шпеко (?): «При благоприятных обстоятельствах вам удалось бы сделать гораздо больше?» Ерофеев ответил: «А здесь ничто ни от чего не зависит. У меня случалась очень сносная жизнь. И что же: я молчал, как изорвавшаяся стерва. Никто — ни цензор, ни деньги, ни голод — не способны продиктовать ни одной угодной им строчки. Если, конечно, ты согласен писать прозу, а не диктант».

12 марта

У Венички в гостях Анатолий Лейкин и Игорь Иртеньев. Галя, как всегда, зажигает «канделябры»... Читаются стихи...

Она шепчет мне: «Если мы не уговорим Ерофеева лечь вот-вот в больницу к Мазурскому, то через неделю мы его похороним». Вечером — воспользовавшись его спокойным настроением, уговариваю... Сначала — ярость. Потом — договор: в течение месяца приезжаю к нему из командировки, из Питера, чтобы его навестить в больнице. Признался: «Месяц без тебя мне не вмоготу. У меня были страшные депрессии в Птичном, когда тебя не было». Конечно, согласилась. Галя была очень обрадована. Даже пожала мне руку: «Спасибо за службу», — сказала она.

13 марта

Галя уезжает на работу. Веня дремлет. На столе записка: «Трава... Звезды... Носова при возвращении: «Вы все воркуете, голубки?» Понимаю, что речь идет о пребывании Жанны в Абрамцеве. Не выдерживаю и громко зачитываю текст. Ерофеев просыпается. В ярости: «Прекрати! А то я швырну в тебя...»

Но потом: «Неужели ты не понимаешь, что все это ерунда. Что все эти девки и мизинца твоего не стоят? Ведь в них нет ни капельки преданности, которая чуть-чуть есть в тебе. Ведь все это молниеносное. А ты — вечная».

Сказал, что Галя стала ко мне намного благосклоннее, не считая отдельных моментов, когда в ней пробуждается что-то бабье. Что она поначалу

приветствовала всех его поклонниц, чтобы меня изгнать из дома, а теперь — наоборот.

Веничка и Галя сообщили мне, что Толя Лейкин предложил им на лето поселиться у него в деревне. Там замечательный деревянный дом, леса, река, коровы, свои люди (непьющие и с машинами). Я в восторге. Ерофеев: «Ты только и жаждешь от меня поскорее отделаться». Галя: «Не волнуйся. Наташку будут привозить к нам на машине». Веничка (уже в отсутствии Гали): «Мне без тебя там нечего будет делать. Ну, прошелся вдоль реки... Я был бы счастлив, если бы ты была там все время. Рядом со мной. Рисовала бы... Зачем тебе работать? Уж как-нибудь я тебя прокормлю...»

Рассказал, что к нему приезжают и звонят очень много иностранцев — из Германии, Венгрии и т.д. Что он очень устает от этих звонков и экскурсий. «Но Галина, — сказал он, — не умеет им отказать, так как ей все это очень льстит».

Разговорились о современных поэтах. Очень нравится Игорь Иртеньев. Хвалит Генриха Сапгира. Вспомнил, как он ему однажды на квартирном вечере у коллекционерши авангардной живописи Ники Щербаковой даже хлопал а ладоши, что Веничке совсем не свойственно.

14 марта

Ерофеев настаивает справлять мой день рождения у него. Сначала заскочила к Нате и уже с ней явилась к Ерофеевым. Галя не может скрыть раздражения. Демонстративно выставляет на табуретку(!) к

нашему коньяку банку каких-то консервов, не предложив даже куска хлеба. Потихоньку этот спектакль начинает мне надоедать, и я порываюсь откланяться. Ерофеев не отпускает. Легкая с ним перепалка. Да тут еще неожиданно завалился из дома Наты ожидающий ее Ворошилов. Поздравляет меня с днем рождения. Галя ему: «Ворошилов, я тебя ненавижу!» Ерофеев делает Нате знак рукой, чтобы он поскорее ушел, и Н., обиженная за Игоря, уходит вместе с ним...

15 марта

Утренний приезд на машине Юрия Гутмана с целью всем вместе поехать в больницу к Мазурскому. У Венички на секунду прихватило сердце. Присел на диван. «Ничего, ничего страшного, — говорю, — сейчас пройдет». Ерофеев на это: «Ты какая-то посторонняя...» — «Неужели, — думаю, — он не понимает, как мне трудно казаться спокойной?» В больнице Веничка очень просит меня пройти в кабинет врача с ним вместе. Ему так легче. Сопровождаю его. Галя мне: «Ты прешь, как танк».

16 марта

Вечером звоню Гале.

— Как Веничка?

Сквозь зубы:

— Ему очень плохо. Он в реанимации.

— Галя, почему ты так со мною разговариваешь?

— Ты знаешь, как я к тебе и вообще ко всем вам отношусь.

— Но почему же ты в течение почти двух лет сама мне звонишь? Я же тебе не игрушка.

— А может быть и игрушка.

— У тебя, наверное, все игрушки. Ты, наверное, просто используешь людей.

— Может быть и использую, но этим я спасаю Ерофеева.

Хлопает трубкой.

Вечерний звонок мне Наты: «Разговаривала с Галей. Она мне — Ерофеев сумасшедший, но мы ото всех это скрываем. Шмелькова — Тихонов в юбке. Его совсем не любит. Пусть не думает, что она королева. У него это было всегда. А у меня с ним — больше, чем брак. Он со мною всегда более, чем открыт».

20 марта

Утром Галя по телефону, как ни в чем не бывало, очень просит меня поехать вместе с ней к Веничке. У него — я подчеркнуто сдержанна. Он мне: «Жеманна...» Сообщил, что 17-го у него так изменилось давление и упал пульс, что Мазурский настоял даже на капельнице, сказав, что он отвечает за его жизнь.

Привезла Веничке газету «Советская молодежь» за 17-е марта со статьей о нем под названием: «Поздравьте и познакомьтесь». Одно из приятных сообщений в ней, что в Польше кинорежиссер Анджей Вайда приступает к съемкам фильма по мотивам «Вальпургиевой ночи».

Уехали вместе с Галей. По дороге она мне: «Не надо, Наташка, никаких обид. Надо беречь Ерофеева!» Наконец-то!

21 марта

Ночью мне домой звонит Ната: «У меня на полу мертвый Ворошилов...» Хватаю такси и приезжаю. Рассказывает, что сидел на кухне в благодушном настроении и, не спеша попивая коньячок, играл в шахматы с ее сыном. На всякий случай попросил ее раздобыть у Гали снотворное. Та не отказала и дала три таблетки... Так и не поняла Ната, как все это произошло. Неожиданно Игорь начал сползать со стула и упал на пол, и все... Ната в отчаянии: «Я его убила!» Как могу, утешаю ее. Уже потом напомнила ей, как однажды, пребывая на Флотской в очень уставшем состоянии, я попросила у Гали ее снотворное. Она отскоблила острой бритвой от таблетки несколько крупинок, приняв которые я утром еле встала. Веничка был в ярости: «Зачем ты дала девчонке свое лекарство?»

И еще случай, о котором я Нате тоже рассказывала. Как-то попросила Галю: «Дай мне сразу три таблетки. Их мне хватит на целых полгода». Она не отказала, но потом, чего-то испугавшись, потребовала их у меня обратно. Я же успела их уже потерять, и недоверчивая Галина учинила настоящий обыск — была вывернута моя сумка, карманы пальто. Веничка очень смеялся над этим спектаклем. И уже потом поделился со мной: «Галина, считая тебя, по-моему, сумасшедшей, очень испугалась, что ты по рассеян-

ности или еще почему-либо сможешь принять сразу все, а это небезопасно...»

22 марта

Уже утром к Нате приехали многие друзья Игоря — поэты Владимир Алейников с Аркадием Паховым, Саша Васильев, Владимир Филимонов и другие. Совсем поздно зашел Ерофеев, выписавшийся на время из больницы по случаю премьеры «Вальпургиевой ночи» в Театре на Малой Бронной. Н. таинственно мне сообщает: «Звонила Галя. Я ей сказала о случившемся. Она просила меня никому не рассказывать о таблетках: «Ты меня поставишь под удар», — сказала она. Веничка на эту тему даже не хочет говорить: «Это просто стечение обстоятельств».

Да вроде никто и не думает и не говорит о чем-то намеренном.

P.S. (Забегая вперед). Уже потом, через три года после смерти Ерофеева и незадолго до своей кончины Галя, как-то провожая меня домой до метро, вдруг сказала: «И все-таки я, конечно, не желая того, где-то виновата в смерти Ворошилова». И я ее разубеждала в этом.

23 марта

Хоронили Игоря в «Белых столбах». После похорон зашла к Нате на поминки, а затем к Веничке, чтобы вместе поехать на премьеру «М — П». Ната

при прощании: «Покинь этот дом!!!» И что ее это так волнует?

Премьера. Зал полный. Сажу в 7-м ряду партера рядом с Вале́й Еселевой. Ерофеев — впереди, наискосок, и лицо его хорошо видно. Спектакль, как мне показалось, оставляет желать лучшего. Наблюдаю за реакцией Ерофеева. Внешне — непроницаем, но губы его все время что-то нашептывают (повторяет за актерами свой текст?). Наверное, думаю, его больше волнует не столько постановка спектакля, сколько, как текст его воспринимается со стороны, с голоса. Вспомнила, как мы с ним присутствовали при исполнении «Вальпургиевой» у Наташи Баба-сян. Читал профессиональный артист. Ерофеев слушал очень внимательно, не шелохнувшись. По окончании чтения на мой вопрос: «Ну как исполнение?» — с неподдельной мрачностью ответил: «Писать надо лучше».

После спектакля — чаепитие. Обстановка несколько напряженная. Разряжает ее Нина, актриса, жена пианиста Яноша из Лодзи, приехавшая в театр с польским телевидением. «Почему все молчите?! Почему все молчите?!» — удивленно восклицает она. Увидев меня, подходит и, сказав, что очень любит, целует. Галя отстраняет ее от меня, чуть ли не задев своей рукой мне по лицу. «Это ты ее любишь?» Нина (удивленно): «А почему бы и нет? Ведь мы у вас сидели за одним столом» и т.д., и т.д.

По настоянию Венички, на машине Гутмана уезжаем все вместе на Флотскую. Впереди Веня с Юрием, сзади мы с Галей — в тягостном молчании. Ве-

ничка мне? «А! ты что, чертова кукла, молчишь?» У дома, выйдя из машины, нежно целует меня и предлагает проводить до подъезда Наты. Отказываюсь: «Иди, Веничка, иди!»

У Наты еще народ. Незнакомая мне художница Оксана Абримба, которая, по словам Наты, уже давно хотела со мною увидеться. Остались с ней до утра.

24 марта

Утром Ерофеев нам не позвонил и, как потом выяснилось, рано уехал один в больницу. Оксана при прощании, прорыдав еще целый час, чуть ли не насильно уволокла меня к себе в художественную мастерскую, в которой я, пропустив Веничкины именины (27-го марта), пробыла в жутком состоянии до 29 числа.

29 марта

У меня дома на столе записка: «Звонила Ната. Тобой интересуется Ерофеев». Узнала от нее, что 25-го утром звонил ей из больницы Веня, спрашивал ее, где я? Он, как показалось Нате, — в страшной на меня обиде.

31 марта

В МТО «Галерея» получаю командировку в Питер (выставка Зверева. 10-го апреля открытие). С букетом фиолетовых гиацинтов и орехами еду к Ерофее-

ву. Дверь наглухо закрыта. Еле достучалась. Спрашивают: «Кто вы?» Представилась родственницей.

Внешне встретил сдержанно: «Где пропадала?» Рассказала про Оксану и о том, как мне все это время было плохо. Вроде поверил. Оказывается, до меня приезжала Галя с Сашей Епифановым, и Галя насмешливо поздравила Веничку с тем, что я уехала в Питер, с ним не попрощавшись. Показал мне только что написанное им письмо в Кировск Тамаре Васильевне, в котором он жалуется сестре на Галино ко мне отношение: «Омрачает обстановку в доме только одно: дошедшее до взрыва в день рождения Натальи 14-го марта противостояние именинницы и Галины, длившееся всю зиму и весну единоборство. И от слез Натальи и от истерических ультиматумов Гал. провалиться некуда. И все мои прежние «пассии» (фи, слово-то каково!) тоже раскололись: Жанна и Алена — примкнули к Галине, а Яна Щедрина и Ирина Леонтьева — симпатизируют Наталье».

Подписал программу к «Вальпургиевой»: «Наталье с возрастающей нежностью перед ее отправлением надолго в Питер. 31/3.89. Венедикт Ероф.» И еще подарил ж. «Трезвость и культура» с «Петушками». Подписал: «Глупейшей, но опять же любимейшей из всех знакомых бабенок. 31/III-89. В.Ерофеев».

Попросил позвонить Славутину. Хочет в очередной раз пойти к нему на репетицию в Студенческий театр.

Сообщил новость: собираются делать фильм по «Москва — Петушкам». Писать сценарий напросился Лён. Веничка сказал, что под горячую руку он уже

подписал договор, о чем сейчас очень жалеет. Ведь многие советовали ему сделать это хотя бы в соавторстве. Но сейчас уже поздно что-либо исправить.

Вечером Веничка на субботу и воскресенье поехал на Флотскую. Проводила его до подъезда. По моим гиацинтам, которые он взял с собой, Галя, конечно, сразу догадалась, что перед отъездом в Питеря с ним успела проститься...

1—2 апреля

Веничка периодически звонит мне домой, как договаривались — в 9 утра и 11 вечера. Обещаю, что еще приеду с ним попрощаться перед отъездом 3-го в понедельник. Сообщила, что в Литве, в вильнюсской газете «Согласие» за 1-е апреля опубликованы отрывки из «Моей маленькой ленинианы».

3 апреля

Приехала опять с букетиком гиацинтов. Оказывается, Веничка видел меня из окна палаты и уже ждал у двери. Букетику тут же досталось: «Меньше предыдущего... жадная». Раскритиковал мой свитер. Зато расхвалил какую-то красивую рубашку, которую ему подарила какая-то красивая, навещавшая его полька.

Пообещала: «Когда мне какой-нибудь красивый поляк подарит какой-нибудь красивый свитер, я непременно явлюсь к тебе именно в нем». Расхвалил и Машеньку Шавырину, навестившую его до меня с очень вкусными котлетами.

Мне (подозрительно): «Почему перед отъездом ты такая радостная?» — «Не радостная, — говорю, — а раздраженно-возбужденная, так как в Фонде культуры не удосужились за все мои труды выделить мне каталог Шемякина». Обещает свой, сказав, что в пятницу я была лучше.

Настроение у него неплохое. С увлечением рассказывает, как в воскресенье к нему приезжало много народу — сплошные договоры. Что он приобрел еще две книжные полки, наметив купить необходимых ему примерно 60 книг. Напомнил, что целый месяц ему без меня будет невмоготу. Попросил в середине срока хоть на 2—3 дня заглянуть в Москву.

Наметили на 22 апреля — в день рождения Ленина. Пропела (из школьного репертуара):

Тих апрель в цветы одетый,
А январь — суров и зол...

Веничка поражен: «Я почему-то полдня напевал эту песню!»

Обсуждаем, как дать ему знать, что я в Москве. Ведь звонить на Флотскую не буду!!! Короче, договорились, что пришлет он мне на почту телеграмму, а я на его имя — Нате. Подарил на прощанье очередной номер ж. «Трезвость и культура» с «Петушками». Подписал: «Наталье от автора неизменно В.Ероф. 3/IV.89».

5 апреля

День отъезда в Питер. В 9 утра звонит из больницы Ерофеев. Говорю, что еще, часов в 5, приеду по-

прощаться с ним. Приезжаю с букетом розовых гвоздик, перевязанных красной ленточкой. «Как бантик?» — спрашиваю. Веничка мрачно: «Это оформлено торговками».

У него Анатолий Лейкин. Собираются заключить договор на издание полного собрания сочинений Ерофеева, в которое войдут статьи о нем Генриха Сапгира, Ольги Седаковой, Александра Величанского и др.

Илья Кабаков из Парижа уже прислал для книги свои рисунки. От денег отказался. «Его работы, — поделился со мною Веничка, — продаются за границей за 50000 долларов».

Лейкин уходит, поцеловав мне руку и назвав очаровательной женщиной. Веничка: «Почему в день отъезда ты такая радостная?» — «Это реакция на комплимент Лейкина, — отвечаю. — Не всем же твоим поклонникам меня ненавидеть».

Напоминает, чтобы я 22-го апреля сорвалась из Питера в Москву. Ему так хочется по старой привычке побродить со мною дней 5 по Коломенскому. Предложил оплатить билеты. Конечно, отказалась. Гале он сказал, что я уже в Питере. По его словам, она перекрестилась. Сообщила, что сегодня вышли сразу две газеты, касающиеся его: «Комсомольская правда» со статьей Ольги Кучкиной «Любить пересмешника» и «Московский комсомолец» с отрывками из «Вальпургиевой ночи» под названием «Катарсис» и с комментариями М.Аргуса.

В Питере, по договоренности с Веничкой, звоню ему из гостиницы в 10 вечера. Вместо него трубку

берет Галя. Попросила вежливо позвать Веню. В ответ слышала короткие гудки...

16 апреля

Иду во Дворец им. Горького смотреть «Вальпургиеву ночь» — последний день гастролей Театра на Малой Бронной. Зал огромный и почти заполненный. Понравилось больше, чем в Москве. Артисты разыгрались. А, может быть, в Москве восприятие спектакля омрачали похороны Ворошилова?

Публика, как показалось, заметно отличается от московской и в худшую сторону. Одни смеются в самых неподходящих местах — избиение больных и т.д. У многих — отсутствующие лица. Впереди меня сидит женщина весьма интеллигентного вида. После реплики Гуревича: «Родина, у тебя самой ни хрена нет» (в подлиннике — похлеще), она раздраженно шепчет своей соседке: «Я же тебе сразу сказала, что с самого начала надо было уходить!»

24 апреля

Получаю от Ерофеева телеграмму: «Если сможешь, выползи на этой неделе». Тут же купила билет в Москву и обратно. Позвонила на Флотскую. Подошла Галя. Голос злобный. Потом — Ерофеев. Сказал, что обязательно встретит меня на вокзале в 21.40. Заранее знаю, что Галя предпримет все, чтобы Веничка меня не встретил. Вечером в гостиницу позвонила Ната: «В день твоего приезда, — сказала она, — я буду на работе, но договорюсь со своими

сыновьями, чтобы вы с Веней к нам зашли». Рассказала, как Ерофеев, находясь у нее в гостях и положив голову ей на колени, сказал: «Ты не представляешь, как мне плохо без твоей тетки, как я ее люблю... Я без нее погибаю...»

26 апреля

В 9.40 я в Москве. Как и ожидала — Веничка не встретил. Ну что поделаешь? На Флотскую не звоню.

30 апреля

Пасхальная служба. В церковь не пошла. Устала. В 12.15 — звонит от Ерофеевых Ната. Игриво восклицает: «Христос воскрес!» Спрашиваю: «Какими судьбами?» Отвечает: «По приглашению Гали». Предлагает передать Вене трубку. Отказываюсь. Говорю, что на него обижена, видеть не хочу и что вот-вот, примерно 6-го, отправлюсь обратно в Питер.

1 мая

В 9 утра, как ни в чем не бывало, звонит Галя: «Ты приедешь?» Не удивлена: Веничкино влияние. Прошу его к телефону, но потом говорю: «Ладно, не надо, постараюсь, но только к вечеру». (При встрече Ерофеев сказал мне, что я сделала ему как бы одолжение.)

Галя встретила неестественно игриво. Назвав

меня главным экспертом, показала новые занавески, голубой абажур, искусственный камин, украшенный вазочкой с голубыми искусственными незабудками. Ради Веничкиного спокойствия, лицемерно все расхваливаю. Чувствует он себя ужасно. Весь в испарине, но предлагает в честь моего приезда откупорить бутылку шампанского, что Галя сделала весьма неохотно.

Новости: издание «Петушков» задерживается и непонятно на сколько. По мнению Ерофеева — из-за «Ленинианы», как я и предполагала. Звонили ему из Канады (Марина Глазова) и из Тель-Авива с предложением приехать. Поездка в Нью-Йорк, по всей видимости, срывается и дача тоже: 20-го мая он собирается на все лето ехать на Ветлугу.

На столе — фотография его внучки Настеньки. Как мне кажется, очень на него похожа. Он жаждет наконец-то ее увидеть. «Она уже всем рассказывает, — сообщает Ерофеев, — что ее дед — классик, и все время смеется. Сын утверждает, что у нее уже намечается такое же, как и у меня, скептическое отношение к окружающему миру».

В Галино кратковременное отсутствие: «Ты врачихе, когда навещала меня в больнице, понравилась больше, чем Носова. Тамара Васильевна тебе симпатизирует и даже очень. Как я тебя люблю, девчонка! Ты должна гордиться плохим отношением к тебе Носовой. Ни на кого она так резко не реагирует, как на тебя — ни на Яну, ни на Жанну и т.д. От тебя она просто болеет».

Галя каждую минуту заглядывает к нам в комнату, и Веня возмущается. Такое впечатление, что он ею

чуть ли не запуган: вздрагивает от каждого шороха, от каждого звука.

Я в страшном напряжении. Даже появившаяся вдруг Валя Еселева несколькими кивками головы в мою сторону сделала попытку (ради Венички) меня как-то успокоить. Уехала в 11 вечера, хотя Галя (неохотно) предложила мне остаться переночевать.

3 (?) мая

Рассказала Вене о случайной встрече в метро с Б.С. Как ни странно, был со мной весьма любезен. Веничка о нем: «Не признает почти никого из поэтов — ни Пушкина, ни Лермонтова и т.д., и т.д. Какой же русский не заплачет от их строк?» Читает мне по несколько строчек из Тютчева, Баратынского и др. поэтов.

Галя язвит: «Ты попала в журнал «Театр» в виде «гостыи» в тексте о Ерофееве». — «Конечно, мне это очень льстит, — отвечаю ей, — но надеюсь, что это не самый яркий момент в моей биографии». — «А может быть, имелась в виду не ты, а Жанна?» — не унимается Галя. Веничка (строго): «Не путай Натальи с Жанной!» Из новостей: Веничка сообщил, что в каком-то городе в Польше тоже была премьера «Вальпургиевой» и что на гастролях Театра на Малой Бронной в США Каневский, исполняющий роль Гуревича, в интервью назвал его гением.

4 (?) мая

Звонит мне Алена Н. и долго рассказывает, как она какое-то время вместе с Ерофеевыми жила в Аб-

рамцеве на даче академика Делоне. Как Галя ухаживала за Борисом Николаевичем (дедом Вадима Делоне) и его женой. Как не забывала при этом и намекнуть на наследство, которое в конце концов, естественно, перешло детям и внукам.

Алена поражена Галиному умению «вытягивать» из всех деньги. Веничку интеллигентом не считает: «Может один сидеть пить и есть, уйти с чужой сумкой за спиртным и не вернуться и т.д., и т.д». И зачем она мне все это рассказывает? Может быть, хочет меня с ним поссорить? Короче — сплошные сплетни, интриги, от которых я так устала.

5 мая

Завтра мне возвращаться в Питер. Поздно вечером звонит Веня. Говорит, что позвонит в 9 утра. «Ты меня хочешь видеть?» — спрашиваю. — «Да не очень. Но надо ведь», — отвечает он.

6 мая

В 9.00 утра звонит. Договариваемся, что я в 4 часа с вещами прибуду к Нате. Приезжаю. Он опаздывает. Оказывается, у него в гостях сын. Является мрачный, грустный, раздраженный. Сказал, что очень устал от гостей, что Носова грызется с сыном, что с трудом сбежал. Ната на время уходит по делам.

«Я чувствую, — говорю Ерофееву, — что тебе и не так хочется меня видеть». Отрицательно мотает головой. «Я поймал себя на том, что особенно по утрам и вечерам думаю о тебе, как ни о ком, чего

нельзя сказать о тебе. Сегодня с утра был в жутком настроении. Носова заметила. У женщин интуиция: «Что, сегодня уезжает твоя пассия?» Наотрез запретила твой приезд на Ветлугу. Я ей сказал, что никуда без тебя не поеду». — «А она что?» — «Почесала затылок. Мои знакомые, — продолжает Веничка, — без умолку трещат, — Галя тебе самый близкий человек, а остальные... Будь тебе плохо, не придут ведь. А вот сейчас успех, и они липнут к тебе, как мухи. Если бы ты только знала, — говорит Веничка, — как я ото всего этого устал...»

«По поводу моего желания поехать с тобой в Польшу, — продолжает он, — Носова сказала: «Только я могу сопровождать тебя. Что касается Шмельковой, то как только она пересечет границу, обо всем забудет».

Возвращается Ната. С Веничкой — чрезмерно кокетлива. Даже прилегла к нему на диван. Проникновенно гладит по голове. Засиживаюсь допоздна. Н. провожает меня до метро, и я чуть ли не вскакиваю в отходящий поезд.

7 мая

Вечером из выставочного зала звоню Нате, чтобы узнать о Веничкином самочувствии. Рассказывает, как был грустен. Чуть не плакал. Утром проводила его к Носовой. У нее еще был Веничкин сын. «Она была так раздражена его присутствием, — говорит Ната, — так ненавидит его дочь, что даже забыла о тебе». Ерофеев поделился с ней, что он очень сожалеет, что отдал Гале доверенность на деньги, что

у него масса предложений поехать за границу, но с ней он никуда не поедет и т.д., и т.д. Короче, попросила передать ему привет. Сама звонить не буду.

17 мая

Рано утром возвращаюсь из Питера в Москву. В 2 часа с огромным букетом сирени заезжает ко мне с работы Ната. Прошу ее: «Сообщи Ерофееву о моем возвращении». Уже в 5 часов он звонит. Хочет поскорее увидеться. Говорю: «Завтра день рождения папы, так что увидимся не раньше 19-го». В ответ слышу: «Завтра... Послезавтра...» Хлопает трубкой. Короче, отдохнув от поезда, звоню. Договорились встретиться у Н. в 8 вечера. Приезжаю. Появляется Ерофеев с бутылкой коньяка. К Н. — очень внимателен. На меня старается не смотреть. Н. объясняет это его смущением. Минут через 20, конечно, по заданию Носовой, без звонка в квартиру Наты вваливаются четверо — Коля и Лера Мельниковы, какая-то долговязая Мери и еще кто-то. Веничка всем своим видом дает понять, что их приход никому не в радость, но они и не думают уходить. Ради спокойствия Ерофеева старюсь быть невозмутимой. Завожу за столом общую беседу. Веничка нервничает и, наконец, не выдерживает. Собирается домой. Иду проводить его до подъезда. Они — вслед за нами! Ну, просто настоящая погоня. Жаль, не ожидала я такого от милых Леры и Коли. Короче, под охраной четверых Ерофеев возвратился в свою квартиру. Собираюсь домой. Н. уговаривает меня не торопиться и сгладить обстановку. И точно. Через час возвращает-

ся Веничка. Говорит, что Носова называет Нату моим «Тайным агентом», очень хочет меня с ней поссорить, нарочито ее расхваливая: «Вот это женщина!» Ко мне ненависть нарастает с каждой минутой. «Но самое неприятное, — говорит Ерофеев, — что ей удалось настроить против тебя почти всех, включая Муравьева, что мне особенно жаль». Рассказывает, как его покоробил хохот за столом (особенно старался Лён), когда при обсуждении его отъезда на Ветлугу он сказал: «Вот приедет девчонка, и там решим». А Носова сообщила всем: «Пусть на Ветлугу приезжают все, кроме Шмельковой». Веничка мне: «Как мне было бы хорошо, если бы я знал наперед, что, например, 22-го июня ты ко мне приедешь... А что мне там без тебя?» Говорит, что нельзя так надолго расставаться... Расстроен: «Почему ты взяла у Н. займы 100 рублей и не обратилась ко мне?»

18 мая

Утро. Н. провожает Веничку домой. Носова, по ее свидетельству, была очень смущена тем, что выпустила Ерофеева из дома. В очередной раз облила меня грязью, окончательно во всем запутавшись. Веничке обо мне: «Раньше, когда кроме старых друзей тебя никто не навещал, она к тебе приезжала часто. А теперь, когда к тебе пришла известность, когда тебя ставят в театрах, она от тебя стала отходить, реже приезжать» и т.д., и т.д.

Н. принесла мне в подарок от Вени журналы «Театр» с публикацией в нем «Вальпургиевой ночи». Подпи-

сал: «Пьеса отпечатана в чрезвыч. кастрированном виде, ну да наплевать. В надежде на то, что этим летом увидимся. Остаюсь прежним. Ероф. 18/V.89».

В 6 вечера Н. идет провожать меня до автобусной остановки (день рождения папы). У ее подъезда сталкиваюсь со своим первым мужем — Алексеем Фокиным: «Наташа, ты ли это?» Оказывается, он живет в одном дворе с Ерофеевым. Очередная мистика, тем более, что у моего второго мужа В.Кулешова день рождения, как и у Венички — 24 октября.

Вечером мне домой звонит Ерофеев. Просит от его имени поздравить отца. Спрашивает о моих планах на субботу и воскресенье. Очень хочет повидаться. Подтверждает свое желание поехать со мною за границу, особенно в Израиль.

20—21 мая

В 9 утра звонит Веничка. Голос беспокойный, взволнованный. Говорит, что жуткое настроение из-за предстоящего отъезда на Ветлугу. Билет на поезд взят на 2-е июня. Очень просит, чтобы я к нему приехала на Флотскую. Гарантирует, что все будет спокойно, без всяких агрессий со стороны Носовой.

Приезжаю. Встретил радостно. Вслед за мною — Саша Бондарев. Все вместе рассматриваем привезенные им из Парижа иллюстрации И.Кабакова и Маркевича к «Петушкам». Рисунки Маркевича всем понравились больше.

Веня о Гале: «Больше всего ее раздражает то, что такой, как я, любит какую-то Шмелькову. Она относилась бы к тебе терпимее, если бы ты опустилась до

ее уровня. Ее раздражает твоя выдержка». Спросил меня: «Почему ты не обращаешься ко мне, когда у тебя денежные затруднения?» Отвечаю, что не хочу, чтобы в наши отношения вмешивались деньги.

На подоконнике стоит стопка фотографий, и на переднем плане — Жанны. Веничка: «Это я специально выставил ее вперед, чтобы отвлечь от тебя гнев моих знакомых, особенно тетки Любки».

21 мая. Галя, уходя на рынок: «У меня сегодня день рождения, так чтобы к моему приходу вы расстались». Веничка (после ее ухода): «Как мне будет тебя не хватать!» Ухожу. Обещает вечером позвонить.

22 мая

Утром звонит Галя: «Мальчику очень плохо. Я очень устала. Уже не могу терпеть. Может быть, ты сможешь?» Как бы оправдываясь, говорит, что готова на все, т.е. даже на меня, ради Ерофеева.

Приезжаю в 7 вечера. У них Ната. Преподнесла Гале к прошедшему дню рождения какой-то подарок и вообще с ней очень любезна.

Уж не знаю почему, но Веничке от моего приезда сразу стало намного лучше. Н. уходит, на прощание проникновенно его расцеловав. Остаюсь у них до утра. Спрашиваю Ерофеева: «Почему Тамара Васильевна, как обычно, не прислала мне поздравление на 1-е Мая?» Веничка: «Носова звонила ей в Кировск и наговорила о тебе уж не помню даже что, а Тамара — женщина очень нравственная и с большими предрассудками».

Расхваливаю фотографию внучки Насти: «Как она на тебя похожа!» Веничка: «Носова в основном из-за этого ее и ненавидит. Хотел ей послать в Караваево 1000 рублей, но она так злобно перекривилась, что на этом все и закончилось».

Вспоминает детство. Говорит, что никогда не забывал даже о самых малых, добрых проявлениях по отношению к нему. Рассказывая про свои школьные годы в Кировске, он с благодарностью вспомнил свою одноклассницу Белоусову, взявшую его под свою защиту. В школе он был страшным тихоней, и многие мальчишки часто порывались его избить, хотя бы за одни пятерки.

Ко мне — взрыв нежности. Все время обнимает, целует, не отпускает ни на минуту. Сказал: «Как жаль, что мы не были знакомы раньше... Я бы очень хотел иметь от тебя дитё». На мою шутку, что, мол, еще не поздно, Веничка с полным знанием дела ответил: «После сорока врачи не рекомендуют».

23 мая

Утром Носова предложила мне позавтракать — яичницу с колбасой и чай с тортом. Наверное, услышала, как вчера, уже уходя, Ната громко сказала мне: «Ты, наверное, голодная? Я сейчас принесу тебе творог со сливками». После ее ухода собираюсь в Фонд культуры по выставочным делам. У Венички сразу портится настроение: «Так нельзя», — говорит он. Расстались с трудом.

24 мая

Приезжаю в 7 вечера по звонку Носовой: «Мальчик очень просит, чтобы ты приехала». Чувствует Веничка себя ужасно. Весь в испарине. Температура. Сказал: «Ты даже не представляешь себе, как мне плохо». От врачей отказался наотрез. Осталась ночевать. Он сразу успокоился и быстро заснул.

25 мая

Утром снова мучительные приступы. В час дня сама в жутком состоянии заскочила к Нате. Дала мне сердечные капли и в чай добавила коньяку. Чуть помогло. Сказала: «Готовься. Он умрет на твоих руках. Его надо похитить. Галю на...» и т.д., и т.д.

26 мая

Приезжаю в 2 часа дня. По просьбе Гали («У меня уже нет денег») привожу коньяк. Предлагает мне поесть.

Веничке плохо, но кризис миновал. Сказал, что два дня назад он прощался с жизнью — сердце, тяжелое дыхание... Галя ему неуместно шутливым тоном: «Не торопись. Надо дожить до 24 июня. Ведь выходит «Весть». Веничка от этих шуточек, чувствую, сильно раздражается, но виду не подает.

Показал мне 5-й номер «Нового мира» за 1989 год с рецензией на «Москва — Петушки» А.Зорина под названием «Пригородный поезд дальнего следования». Рецензия очень понравилась, но несколько раздражило «выискивание» предтеч. На

сей раз — Радищева: «Путешествие из Петербурга в Москву».

Веничка ко мне очень внимателен, нежен. Говорит, что ему очень, очень грустно... Наверное, думаю, из-за моего отъезда в Минск с очередной выставкой Зверева. Галя стала называть себя почему-то «Железной леди».

По просьбе Венички и с разрешения «Железной леди» остаюсь ночевать. Галя острит: «Не будоражь мальчика».

Спокойно отвечаю: «У меня другой талант — успокаивать».

Веничка принял снотворное и всю ночь спокойно, крепко спал. Дыхание — как у младенца. Еле слышное...

27 мая

Уезжаю, договорившись, что Веничка позвонит мне в 9 вечера. Позвонил. У него в гостях Ольга Седакова. Обсуждают съезд — выступление Сахарова, Лукьянова и др.

Ерофеев по поводу скорого выхода «Вести»: «Как к факту, я равнодушен, а вот деньги мне не безразличны».

Спросил меня, загляну ли к нему завтра. Ответила, что завтра я еду на Ваганьковское кладбище, где будет перезахоронение привезенной из Нью-Йорка урны с прахом замечательного художника Василия Ситникова.

29 мая

Попросил меня привезти ему книгу «Смертная казнь: за и против». В ней много авторов, в том числе и Сахаров. Привезла. Так ею заинтересовался, что выпросил ее у меня насовсем, предложив что-то взамен. С утра до ночи смотрит по телевизору съезд. Как мне кажется, очень много от него ожидает.

Чувствует себя неплохо. Сообщил, что ходил с Галей в Дом кино смотреть фильм «Вечерний звон» (Свердловская киностудия). В фильме использованы тексты Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гоголя и его. Понравилось. Очень жалеет, что не была вместе с ними.

Все время вспоминает о наших планах с Натой купить в деревне домик. Хочет внести свой пай. «Только, чтобы недалеко от Москвы».

Допоздна сидим на кухне. Беседуем. Читаю ему вслух Хармса. Веничка прежнее: «Впервые вижу тебя за книгой». Не обижаюсь. Думаю: «Странный какой-то. Ведь для меня каждая минута общения с ним — праздник, а книги я и дома в тишине могу почитать».

Ко мне Веничка очень внимателен. Галя — терпима, хотя все время подсмеивается по поводу, как мы сидим с ним рядышком. «Как в сельском клубе», — говорит она.

31 мая

Звонит утром Ерофеев. Сообщает, что они с Галей еще раз идут в Театр на Малой Бронной смотреть «Вальпургиеву ночь» и беседовать с режиссером

Портновым по поводу постановки «М — П». Обещал попросить для меня афишу. Напомнил, что 24-го июня, когда я уже буду в Минске, выйдет «Весть» и что в первую очередь он подарит ее мне. И добавил: «Не горюй». Поздно вечером созвонились. Спектакль ему понравился. Зал скандировал. Сам он сидел на галерке. «Очень жаль, что тебя там не было», — сказал он.

1 июня

Ерофеев не отходит от телевизора — съезд! Пристально следит за всеми происходящими в мире событиями. Успеваает просматривать много газет и журналов. Среди выступавших на съезде депутатов выделил немногих. Большинство произвело на него самое гнетущее впечатление. Как-то с мрачной иронией сказал: «Впрочем, в этом зале пусть и присутствуют, но в более достойное место я их не допустил бы». Никаких принципиальных перемен в сторону лучшего он не ожидал, но все происходящее в стране считал важным и исключительно интересным. Однажды сказал: «Меня-то скоро не будет, а ты когда-нибудь испытаешь гордость за то, что жила в это время».

Ерофеев не оставался равнодушным к любым трагическим событиям. Помню, как 5-го (?) мая 89-го года по телевизору передали, что в районе Уфы сошел с рельсов поезд. Как ему показалось, я выслушала это сообщение с несколько рассеянным ви-

дом. Он возмутился: «Ты как будто посторонняя, как будто по ту сторону, а я, как всегда, рыдаю».

(?) июня

Слушали симфоническую музыку. Чуть не поссорились: не сразу распознала Шнитке. «Если еще раз подобное повторится, — побелев от гнева, отрезал Ерофеев, — то откажу от дома!»

Пригласила Веничку на завтра в Дом кино — премьеры кинофильма «Галич» в постановке Иосифа Пастернака. Галя: «А меня ты, конечно, не приглашаешь?» Веничке: «Наташка только и ждет, когда мы расстанемся».

Приятная новость: «М — П» выходит тиражом 100000 экземпляров.

2 июня

К Веничке приехали поляки. Снимают о нем фильм. Вечером по телефону передал мне самый нежный привет от сестры из Кировска Тамары Васильевны.

3 июня

Звонит вечером. Рассказывает: были в гостях Саша Соколов, Муравьев и Лейкин. Соколов очень расхваливал нашу страну за милосердие. В разговоре с ним о современных писателях Веничка сказал: «Я хоть и сам люблю позубоскалить, но писать надо с дрожью на губах, а у них этого нет».

«Ты все время куда-то исчезаешь, — сказал он, — когда происходит что-то интересное» и перечислил: премьера фильма «Вечерний звон», приезд с кинокамерой поляков и т.д., и т.д. «Я очень бы хотел, — сказал он, — чтобы ты попала со мною в кадр». Подарил мне альманах «Зеркала» с опубликованным в нем «Василием Розановым». Подписал: «Наталье с нежностью, которой конца не будет. В.Ероф. 3/VI.89».

4 июня

Вечером, наверное, по просьбе Венички, звонит мне Галя: «Куда пропала?» Очень миролюбиво сообщает мне, что Ерофеев явно собирается поставить мне под глазом фингал...

(?) июня

Ерофеев неожиданно: «Когда я умру, куда же пойдут мои деньги? Сыну? Внучке?»

Галя: «Ну, ну... что за вздор. Сейчас бы спал на вокзалах, а так — большой балкон, канделябры...»

Веничка вновь жалуется, что ему с ней практически не о чем разговаривать. Последний ее вопрос за последние два дня процитировал он: «Ты будешь есть яичницу?»

11 июня

Приезжаю утром на Флотскую с тремя пионами. Галя: «Такие же большие, лохматые, глупые, как и

ты». Вытащила с книжной полки фотографию Веничкиной внучки Насти и заодно сняла со стены мои коктейльные акварели.

Веня: «Зачем ты убрала фотографию Насти?»

Галя: «Ничего с твоей внучкой не случится».

В тайне от нее, Веничка поделился: «Носова боится, что когда внучка подрастет, может встать вопрос о наследстве — размене квартиры и т.д., и т.д.»

Ко мне вдруг агрессивен. Ни с того ни с сего вспомнил, как в Птичном я долго беседовала, сидя на скамейке у дома, с Д.Плавинским. В результате скандал. Потом — примирение.

«Это все потому, что я тебя очень, очень люблю», — сказал он.

Вечером приход Наты. Идем с ней на вечер Саши Соколова в Дом литераторов. Я с ним не знакома, но по просьбе Венички в антракте передала ему от него самый нежный привет. Тронут. Просит от него Ерофееву поклониться. Сказал, что ему очень понравился спектакль «Вальпургиева ночь», поставленный в МГУ.

После вечера, по просьбе Венички, вернулась на Флотскую. Он уже крепко спал...

12 июня

Утро... Веня просыпается. Говорю, что на Флотскую мне уже приезжать не вмоготу. Ерофеев: «Ты в этом доме имеешь право на все!» Просит на Галю не обижаться: стесняется подруг и т.д., и т.д.

Напоминает о том, что она его прописала: «А так бы я через каждые два дня спал бы на вокзале...»

Мне: «Вот ты уедешь, а я буду чувствовать себя в дурацком положении. Мне без тебя будет очень плохо...»

14 июня

Приезжаю на Флотскую попрощаться с Веничкой перед отъездом в Минск — очередная командировка с выставкой Зверева. Дрожащим от страха голосом спрашиваю Галя, почему Веня спит на голом диване, без постельного белья? «Ведь у тебя его в шкафу так много!» Упрашиваю: «Разбавляй коньяк водой! Ведь он все равно это не почувствует и меньше выпьет!» Галя: «Не хочу портить продукт». Остаюсь ночевать.

15 июня

Галя прочно усаживается на целых три часа рядом с нами в кресле и не дает поговорить, попрощаться. Веня мне: «Когда тебя нет, она даже не заходит ко мне в комнату, даже когда это очень нужно. Врач не раз ей говорил, чтобы она каждый день вытирала в доме пыль, но очень часто я это делал сам. Ведь мне трудно дышать...»

Галя: «Какая красавица Жанна! А Яна? От одного профиля можно сойти с ума. А ты связался с этой седой стервой!» Мне: «Из-за тебя я стану антисемиткой. Больше сюда не придешь!»

И уже не зная, что сказать, Галя вдруг произносит: «Ерофеев, я вас обвенчаю!»

Веничка (спокойно): «Мы уже и так давно обвенчаны».

Галя: «Сегодня в 7 часов придет Жанна! Она купила мне для кресел такие красивые покрывала!»

Трудно самой в это поверить, но мне Галю очень и очень по-своему жаль. Интересно, что бы я делала на ее месте? Не знаю. Не знаю...

16 июня

Заехала к Вене. У него депрессия. Очень переживает мой отъезд в Минск. Неожиданно говорит, что Ната со мной очень неискренна. Советует прекратить с ней всякие отношения. Галя по-прежнему раздражена. Все время сетует, что Веню прописала. Нападает на сына Венедикта-младшего: «Твое сокровище с тобой очень фамильярен». — «Ничего, ничего, — отвечает Веничка, — он имеет на это какое-то право».

Тороплюсь. До самолета 4 часа. Веня Гале: «Ты безнаказанно, бестактно себя ведешь. Не даешь даже нам проститься. Пойми, в каждой отношениях есть своя тайна».

Галя: «У меня тоже своя тайна».

Веня: «Знаю, знаю я цену твоим тайнам».

Уезжаю. В тот же вечер уже из Минска позвонила Веничке. Сообщила, что купила ему Гамсуна и Заболицкого. Очень обрадовался.

(?) июня

Набираю номер телефона Наты, чтобы справиться о Веничкином здоровье. Сообщила, что звонила

ей Галя с просьбой принести капли от сердца. Рассказала, что сидел у них какой-то корреспондент (из «Литературной газеты») — составляли резкую статью по поводу сокращения Вениной пенсии. Н. возмущена: «Вместо того чтобы везти Веню на воздух, Носова все выколачивает какие-то деньги. Ведь у нее их сейчас полно!»

1 июля

Звоню Нате из гостиницы. Рассказывает: «Была у Венички... Лежит на диване весь в испарине с бутылкой крепленого красного вина. Окна закрыты. Духота. На мой вопрос — почему он не едет за город? — сказал, что идут сплошные переводы — 2000, 4000 и т.д., и т.д. Я ему: «Да плюнь ты на эти деньги!» Ерофеев: «Да они мне и не нужны». Ната проговорила ему, что я попросила ее выслать мне 200 рублей. Ерофеев возмущен: «Почему девчонка демонстративно не просит об этом меня? Ты не представляешь, как я люблю твою тещу. Ведь это серьезно. Когда я узнал, что она приедет 10-го августа, я еще больше поседел!» Сказал Нате, что Носова не пустит меня на порог. Что она меня удушит!

Н. сообщила, что к Вене приезжал сын с женой. Просил у Гали ночлега. Она отказала. Веничка узнал об этом только через три дня. Говорит ему все время: «Твой пресловутый сын».

Все-таки никак не могу понять, почему Веничкины друзья, знакомые, ради его спокойствия, здоровья не могут или просто не хотят как-то на Галю повлиять? Хотя, думаю — ничего странного, удиви-

тельного. Может отказать от дома, и тогда с ним уже не так легко будет увидеться.

4 июля

Еще звонок Наты в Минск. Сообщила, что Веничка чиркнул мне маленькое письмецо. Вроде, он собирается вступать не в Союз писателей, а в Литфонд, и от него ехать отдыхать в Голицыно. Очень хочет, чтобы я поехала туда с ним. Галя: «А я куда денусь?»

Не перестаю думать: «Что их таких разных все-таки так связывает? Ну, конечно, в первую очередь благодарность его за прописку, военный билет. Конечно, привычка. Ведь уже несколько лет они живут под одной крышей. Наверное, Веничка уверен, что никто не будет с ним так возиться. И, разумеется, ее болезнь».

Как мне, да и многим другим, кажется, Галя всеми силами препятствует лечению Венички на Западе. Ведь ему предлагали ехать и в Канаду, и в Париж, и в США, и в Израиль... Может быть, она боится, что он там останется? Но ведь речь идет о его здоровье. О его жизни.

10 июля

Получила от Венички коротенькое письмо: «Наталя, без тебя быть паршиво и невыносимо. Скорее приезжай. Венед. Ероф. Июль. 89». Вечером звонит в гостиницу Н. Сообщила, что с Флотской не

вылезает телевидение. Делают о Ерофееве фильм. Хотят пригласить сестер для интервью.

13 июля

Звонок Наты: «Куда пропала? Была у Вени. Лежит на балконе. Чувствует себя плохо. Говорит, что пессимист и не верит в то, что ты когда-нибудь приедешь. Говорит: «Мне без нее так плохо. Она одна меня поддерживает. У меня еще такого не было последние 15 лет». Я ему: «Ну, приедет она, а дальше что? Ведь Носова ее не пустит на порог!» Веничка: «Я сделаю все, чтобы этого не было».

18 июля

Возвращаюсь в Москву. По донесению Наты, которой тут же позвонила, Носова по-барски разрешила посетить мне Флотскую, только 19-го и только ненадолго.

19 июля

Приезжаю. У Вени в гостях (конечно, по срочному вызову Гали) Алена. Надо же хоть как-то помешать нашей встрече! Веничка рад моему возвращению. Тут же подарил «Весть». Подписал: «Наталье Шмельковой, бабенке, которая, на мой взгляд, за два минувших года стала чуть мудрее, чем она была прежде. В.Ерофеев. 19/7-89». Очень похвалил опубликованную в «Вести» поэму Виктора Коркия «Сорок сороков». Даже собирается позвонить ему, что-

бы выразить свое одобрение. Рад, что подарила ему самиздатский сборник стихов Зинаиды Гиппиус. Восхищается ею не только как поэтом, но и как личностью.

Уже потом Веничка рассказал мне: «Я предупредил Галину, что если она запретит тебе ко мне приезжать, то я не подпишу ей больше на деньги ни одной доверенности». Сказал, что вступил в Литфонд. Пенсия — 100 рублей. Собирается поехать в Дом творчества в Голицыно. Зовет меня с собой. Очень переживает за сына: «Неприкаянный. Несколько раз отказывался от денег, которые я ему предлагал...»

Галя опять о Веничкиной внучке Насте: «Подрастет, выйдет замуж и что-то от меня потребует, например, раздела квартиры». Про меня: «Хочет войти в историю».

Вечером приезд Яны Щедриной. Торжественно сообщает всем о разводе с мужем. Как бы на правах старого друга, все время Веничку поругивает, что он всех ссорит.

По просьбе Венички остаюсь... Рассказывает, как недавно в мое отсутствие его затащила «Память» на вечер в Дом культуры «Красный текстильщик». Заехала черная «Волга». Привезли коньяк. В президиуме — Саша Соколов, Веня, священник-черносотенец и др. В течение вечера зал вставал и пел «Вечную память». Поднимались знамена. Обсуждалось убийство царской семьи. Ерофеев выступил. Спросил: «Причем тут Зиновьев и другие?» Ушел со сцены под жидкие аплодисменты. Вслед за ним в противоположную кулису ускользнул Саша Соколов, что Еро-

феев очень оценил. Потом — угрожающие звонки на Флотскую...

20 июля

Заглянула к Нате. За мной — Веня. Без предупреждения врывается Галя с долговязой Мери, которую она выдает за американку. Странно, что американка говорит по-русски лучше, чем мы все вместе взятые, без малейшего акцента. Мери зачем-то просит оставить ее с Веничкой наедине. Он, конечно, отказывается. Наконец, уходят.

Вечер. Веня наотрез отказывается возвращаться домой. Остаемся у Наты...

21 июля

Настроение у Ерофеева из-за всех этих спектаклей подавленное. Болит сердце. Просит Нату позвонить Гале, чтобы та принесла ему валерианку и хоть немного коньяку. Приносит. Вечером провожаю его до подъезда. Настроение у него уже спокойное. Уезжаю домой.

27 (?) июля

Приезд ко мне Тихонова. Сказал, что только что от Венички. Передает его слова обо мне: «Она все время куда-то уезжает...» Он мне не звонит.

Вроде меня с Веней хочет примирить Яна. Но Виктор Тимачев, верный его друг, предостерегает: «Никому не верь».

1-го августа у сына Наты свадьба. Демонстративно на нее меня не приглашает. Наверное, Веничка прав — неискренне ко мне относится. Ну что ж, посмотрим, что будет дальше...

1 августа

Веничка позвонил. Очень попросил приехать. У него мой давнишний знакомый — сценарист и режиссер Олег Осетинский. Делает о нем фильм. Берет интервью. Один из вопросов: «Многие люди удивляются, почему вы, написав такую книгу, как «Москва — Петушки», не побывали, к примеру, в Сибири?» Ерофеев ответил: «Я и сам до сих пор удивляюсь, что был избавлен от этого. Меня, видимо, никогда не вызывали в КГБ просто потому, что вызывать было неоткуда. У меня не было постоянного места жительства. А одного моего приятеля, который занимал довольно крупный пост, в году в 73—74-м все-таки вызвали и спросили: «Чем сейчас занят Ерофеев?» И он ответил: «Как чем? Как всегда пьет и пьет целыми днями». Они были настолько удивлены его ответом, что больше не трогали ни его, ни меня. Мол, человек занялся наконец-то делом».

В тот же день заезжала к Луговской в Лаврушинский. Оказывается, она видела Веничку с Галей на спектакле «Вальпургиева ночь».

«Как она вам показалась?» — спросила ее.

Отрезала: «Лагерница». Заступаюсь за нее: «Ну это уж слишком!»

Ерофеев постоянно вел дневники, записи к которым были самого разнообразного содержания. Как-то поделился: «У меня есть список людей, которые перестали со мной общаться после операции и некоторые из них откровенно мне в этом признались».

Сразу он оказался всем нужен с лета 1989 года, когда в альманахе «Весть» были опубликованы «Москва — Петушки». Не проходило и дня, чтобы дом его не атаковывало множество людей — отечественных и зарубежных журналистов, издателей, просто восторженных почитателей. Ерофеев, независимо от чинов и званий, встречал приветливо, гостеприимно, со всеми вел себя просто. Людей он любил, но часто от них уставал. Хотелось побыть одному. Иногда просто раздражался: «В доме каждый день гости! Я от них очень устал. Как правило, им от меня что-то нужно. Редко бывает, когда кто-то приносит мне радость. Даже пописать некогда. А потом меня спрашивают, что же я сделал за неделю?»

27 августа

После долгого перерыва слышу в телефонной трубке голос Ерофеева. Сплошные обвинения: сто раз звонил мне домой и не заставал. (Что за вздор! Ведь я всегда жду его звонка.) Разыгрываю обиду: «Сегодня видимся в последний раз!»

Приезжаю. Выглядит плохо. Сидит на кухне и деловито чистит грибы. Галя со мною очень любезна. Даже предложила пообедать и выпить вина. Очень просит остаться переночевать.

Веничка мечтает вырваться в Абрамцево, но

только, чтобы я была с ним. Похвалил новую стрижку: «Похожа на Цветаеву».

Заезжает поэт Владимир Друк. Очень обрадовался, что у меня есть самиздатские стихи Евгения Кропивницкого*. Собирается их где-то опубликовать. Очень удивился, что он мой крестный отец.

В воскресенье должен приехать врач Мазурский. Ерофеев, несмотря на любовь к нему, яростно сопротивляется: «Не могу, когда на меня смотрят долгим, испытующим, соболезнающим взглядом». Очень страшит предстоящая операция.

Сообщил, что Тамара Васильевна не дает почитать его же собственные к ней письма, намекнув на то, что их собираются опубликовать.

Неожиданно просит прочесть ему Блока. «А что именно?» — спрашиваю. — «Под насыпью, во рву некошенном...» — отвечает. Слава Богу, знаю это стихотворение наизусть и читаю ему... Из глаз Венички сыплются слезы. Просит читать еще и еще. Читаю...

«Откуда ты так много знаешь его наизусть?» — спрашивает он меня. Рассказываю ему одну из маленьких историй своего детства, от которой он заливается от смеха.

А история такая. Мне шесть лет. Простуда. Ставят горчичники. Реву от боли. Подходит к моей кровати папа и, грозя пальцем, говорит: «Наташа, люби Блока!» — «Буду, буду его лю-

* Художник и поэт. Один из старейших представителей неофициального отечественного искусства. Основатель так называемой «Лианозовской группы», из которой вышли многие талантливые художники и поэты. Умер в 1979 году.

бить, — рыдаю я, только снимите горчичники!» Мама их нехотя сняла, а я, как и обещала, Блока очень полюбила.

По-прежнему мечтает поехать в Абрамцево, но только, чтобы я туда обязательно навещалась.

Вечером — приезд Нади Балашовой. Вдохновляет Ерофеева взяться за обработку его дневников: выписки из Маркса, Чернышевского, Добролюбова и др. «Это твой долг», — говорит она. Подпеваю ей. Веничка сказал (то ли в шутку, то ли всерьез), что почему-то он народ всегда считал очень образованным. Выражаем удивление: «Откуда???» — «Да, да, — соглашается он. — Ведь на самом деле нас очень и очень мало — Аверинцев, Муравьев, Лотман, Успенский...»

10 сентября

Приехала с букетом его любимых астр. Загадал: «Мы будем с тобою ровно столько, сколько цветов в этом букете».

Заехала Тамара Васильевна. Позже, по донесению Ерофеева, очень тепло обо мне отозвалась.

Рассказала ему, что в Театре на Юго-Западе смотрела в постановке В.Беляковича «Вальпургиеву ночь». Очень понравилось.

Звонили из Лондона («Би-Би-Си») и еще из программы «Взгляд».

Уехала утром. В тот же день два раза мне позвонил.

14 сентября

Собираюсь домой. Ерофеев задерживает. Приезжают сестры — Тамара и Нина. Тамара Васильевна (при Гале) просит меня, чтобы я перед съемкой проследила за Веничкиной внешностью, так как Галя идет сегодня в очередное издательство получать деньги. «Что касается любви, — говорит мне Ерофеев, — то она уже давно по ту сторону. А мне на деньги наплевать. Для меня самое главное — любовь».

15 сентября

Приезд Валерия Котова с его другом пианистом Сашей Беломестновым. Конечно, не без «гостинца». Галя, не протестуя, энергично готовит закуску. Прекрасный интересный вечер. Но в Абрамцево, конечно, завтра Веничка не поедет. А жаль. Ведь там он серьезно собирается приступить к «Фанни Каплан».

Нервы Ерофеева расшатаны до предела. Рассказал, как жестоко избили его в собственном дворе на Флотской двое из его гостей, когда он в адрес одной дамы процитировал Достоевского, что им пришлось не по вкусу.

Вспоминает детство, как вплоть до четвертого класса ходил три километра в школу на лыжах. Рассказал, что когда умирала мать, то наказывала старшей сестре Тамаре присматривать за ним больше, чем за другими детьми: «Самый младший, самый нежный...» Очень сожалеет, что она не дожила до его известности.

Мне: «Ты все-таки красивая баба». И прежнее: «Кажешься такой, какая ты есть. Прошу тебя, не уезжай. Мне будет очень грустно без тебя!»

Спросила его, чем вызвано улучшившееся отношение ко мне Гали.

«Она вынуждена сложить копыа», — ответил он.

23 сентября

Приезжаю утром. Чувствует себя плохо. Просит почитать вслух привезенное мною «Книжное обозрение» за 8 сентября со статьей о нем Татьяны Толстой. Читаю: «Счастлива, что наконец-то в сборнике (или альманахе?) «Весть» напечатана поэма Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Я уже читала в наших журналах несколько рецензий на поэму. По-моему, все они бледные, не по существу. В них делается упор на тему алкоголизма и попытка представить поэму, как дешевое антиалкогольное произведение. Я бы назвала поэму гениальным русским романом второй половины 20-го века. В первой половине у нас есть несколько гениальных романов, рассказов, повестей и т.д. А во второй — поэма Ерофеева. В каком-то смысле она сопоставима с «Мертвыми душами» Гоголя, хотя и время другое, и масштаб другой...

В.Ерофеев сказал о России точнее, глубже, с большей любовью, поэзией, жалостью, чем кто бы то ни был из пишущих в наши дни. Бессмертное произведение!»

Сообщаю для него печальную новость: 12-го октября улетаю в Нью-Йорк. Воспринял трагически.

Умоляю его поехать на воздух, в Абрамцево. Галя, вроде, не против, тем более, что туда собирается наезжать во время отпуска Муравьев. Веничка уверен, что в Абрамцево он будет работать. Жалко только, что более раннему отъезду туда могут помешать ожидаемые передачи «Взгляд» и «Би-Би-Си».

Двое представителей «Би-Би-Си» приезжали к Ерофееву при мне. Брали короткое интервью. На их восторг, как он быстро пишет, Веничка ответил: «Да пишу быстро, когда накатывает вдохновение, а потом — подолгу молчу». Рассказал им, как он хохотал над своим текстом, когда работал над «Шостаковичем», когда местами любовные, не очень пристойные сцены переплетались с рассуждениями (по радио) о творчестве композитора. «Сосед за стеной решил, — рассказывает Ерофеев, — что у меня ночная гостя и никак не мог поверить, что человек так может смеяться, находясь наедине с собой».

На вопрос «Би-Би-Си», жил ли он в «Петушках», Веничка ответил, что только туда наезжал, в частности для того, чтобы узаконить своего сына, родившегося там от первой жены Валентины Зимаковой.

Веничка рассказал мне, что приезжали к нему две очаровательные польки. При расставании сказали: «Всем будем хвастаться, что были у Ерофеева. И если вам вдруг будет когда-нибудь очень плохо, то вспомните, что в Польше Вас очень и очень любят». «В Варшаве, — сказал он, — с большим успехом идут «Петушки». Ер., конечно, не совсем равнодушен к своему успеху: «Не хочу бахвалиться, но обо мне всюду пишут, как о лучшем прозаике и драматурге», — сказал он.

Заходит Ната. Все время ко мне цепляется. Веничка считает, что «она себе на уме», чего нельзя сказать обо мне. Тут же говорит, что она по-своему меня все же чуть-чуть любит, т.к. я представляю для нее нечто экзотическое.

Ерофеев мне: «Очень тебя люблю. Без тебя страшно плохо. Мы с тобой заслужили бессмертие». Вспомнил, как Галя однажды съязвила по нашему поводу: «Исторические отношения».

Ко мне Галя — очень любезна. Предлагает поужинать и даже выпить шампанского. Веничка считает, что она смирилась.

25 сентября

Уехала домой к вечеру. Прошло ровно 4 года, как Веничке сделали первую операцию...

26 сентября

Приезжаю к семи вечера. Галя уходит на день рождения к Надьке «Балашихе». Привожу Веничке громадный букет его любимых астр и шерстяные (для Абрамцева) грубой, деревенской вязки носки. Чувствует себя очень и очень плохо...

Нагрянуло «Би-Би-Си». Безжалостно, обещая ему очень много фунтов стерлингов, снимают Веничку целых пять часов. По-детски он поражается их огромной аппаратуре. Вопросы не похвалил: «Банальные». Поль Павликовски (режиссер) говорит, что он очень хочет сделать о нем документально-ху-

дожественный фильм. Играть будут лучшие артисты Англии.

Поздно вечером звонок Гали и ненавидящей меня «тетки Любки». До смешного со мною любезна. Попросила купить в Нью-Йорке для Гали теплые зимние сапоги. Пообещала. Правда не знаю, на какие же деньги?

Неожиданное появление в дверях с грибным супом в банке Наты. В глаза мне не смотрит. Наверное, Веничка прав, что она со мной не искренна. После ее ухода: «К сожалению, она несколько вульгарна, а я уж в стиле кое-что понимаю». Мне: «Благодаря общению со мною, ты стала лучше, женственнее, а к чему все остальное?»

Отговаривает ехать в Америку: «Тебе там нечего делать. Ты здесь нужней. Вот видишь — помогаешь жить гению».

27 сентября

Настроение у Ерофеева неожиданно прекрасное. Все время смеется над моими репликами. Гале: «Я не могу больше с этой девчонкой». Галя: «Погодите. Будете при расставании плакать». Они, слава Богу, собираются ехать в Абрамцево на дачу к старинному другу Венички Сергею Толстову. Галя: «Сама едешь в Америку, а меня бросаешь с Ерофеевым в Абрамцево».

Появление «Би-Би-Си». Веничка очень хочет, чтобы я вошла с ним в кадр, но чтобы не раздражать Галину, отказываюсь.

Подписал в Нью-Йорк Лиле Панн «Весть»:

«Лиле Панн, милой кузине моей подруги, с нежностью. Вен. Ероф. 27/сент. 89 г».

При прощании: «Я замечаю, что ты любишь меня все меньше и меньше, когда у меня все наоборот».

30 сентября

Приезжаю перед отъездом в Нью-Йорк. Чувствует себя неважно, но оживляется при моем появлении. Галя встретила любезно, даже предложила поехать утку с вермишелью. Веничка очень хочет в Абрамцево. Галя мне: «Оставляешь нас с мальчиком».

Веничка очень переживает мой отъезд: «У меня нехорошее предчувствие, что ты там останешься. Даже кузине твоей сказал: «Если вдруг что случится, то она очень скоро повесится там на первой березе». Несколько раз повторил, что очень-очень меня любит. Еще раз подписал «Весть»: «Наталье с почти трехгодовой любовью. В.Ерофеев. 30/9.89». Говорит, что у нас самые веселые сентябри. Еще раз предостерег меня от Наты: «Неискренна».

Заезжает Анатолий Лейкин и Наташа Рапоппорт — живет в Голландии. Чуть позже — Поль Павликовски.

Поздно вечером еще раз позвонила попрощаться. Очень тепло поговорила с Веничкиным сыном — Венедиктом-младшим...

13 октября

Я в Нью-Йорке. Сразу же на глаза попалась газета «Almanax Рапогата» за 6-е октября, где интервью с Александром Зиновьевым. В нем много о Солженицыне и Ерофееве. Например, такие строки: «Есть

два измерения литературы: скажем, «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева с точки зрения вклада в литературу — явление гораздо более значительное, чем произведения Солженицына. Но общественный резонанс у книг Солженицына, конечно, огромен» и т.д., и т.д. Отложила газету для Ерофеева.

24 октября

У Венечки сегодня день рождения. Он мне перед моим отъездом: «Это будет самый невеселый мой день рождения». Обещаю ему обязательно дозвониться на Флотскую, чтобы поздравить. Пробиваюсь в Москву почти 3 часа. Слышу в трубке его голос и тут же — короткие гудки. Не захотел разговаривать?

1 ноября

Возвращаюсь в Москву. От Ольги Осетинской* узнаю, что на праздники (7-е ноября) в Абрамцево Галя приезжать запретила, так как на даче будут хозяева. Послала Вене телеграмму: «Поздравляю великим октябрем. Дошли слухи что на праздники приезжать нельзя. Буду 9-го. Нат.».

7 ноября

Неожиданный утренний звонок Гали. Подчеркнула, что звонит по просьбе Ерофеева. «Приезжай. Ты — исключение». Быстро вешает трубку.

* Бывшая жена Олега Осетинского.

8 ноября

Утром в Абрамцеве. Веня рад встрече со мной, но заметно смущен. Естественно.

Рассматриваем фотографии, вручаю ему «гостинцы»: нью-йоркскую диссертацию по «Петушкам», книги В.Максимова, сборник стихов А.Цветкова, и др.

Зачитываю записку, присланную мне в Нью-Йорке Петром Вайлем и Александром Генисом:

«Дорогая Наташа! Будете звонить Ерофееву — обязательно передайте от нас привет, поздравления и изъявления любви и почтения. К слову: обидно, что в ерофеевский сборник не попадают наши статьи о нем. Все-таки первая из них написана 10 лет назад, когда еще никто об этом не писал. Кто же все-таки составитель сборника? Счастливо. Рады были с Вами познакомиться.

14.10.89 г.

Петя Вайль, Саша Генис».

Больше всего из гостинцев Веничке нравится красиво оформленная бутылка американского рома. Ею и отмечаем мой приезд. Погода прекрасная. Солнце. Много гуляем. Вечером — непонятно из-за чего размолвка. В чужом доме мне неуютно. Собираюсь к полуночи ехать в Москву. Ерофеев не отпускает. Говорит, что окоченею в ожидании первой утренней электрички. Мне выделяется отдельная комната. Остаюсь.

9 ноября

И снова солнце. С утра гуляем с Веничкой по любимым абрамцевским уголкам. Приезд из Москвы Галины. Вначале — некоторая скованность: иронически называет меня «девушкой». Потом попроще — все вместе рассматриваем фотографии, рассказываю много об Америке.

Веничка к Гале подчеркнуто внимателен. По отношению ко мне, при всем умении владеть собой, заметно напряжен. Например, не очень-то приглашает меня к общему столу пообедать и приносит мне на второй этаж, где я лежу на диване и читаю, бутерброд с котлетой. Нисколько не возмущена и совершенно искренне подсмеиваюсь над добропорядочными традициями интеллигентного дома.

Вечером, по программе «Добрый вечер, Москва», почему-то нет ожидаемой о Ерофееве передачи со Спесивцевым. Как потом мне признался Веничка, ему очень не понравилась его постановка «М — П», о чем он сказал в интервью по телевидению. Собираюсь в Москву. Ерофеев останавливает.

10 ноября

На соседской машине Веня, Галя и я едем в Москву. В ЦДЛ, по случаю выхода «Вести», устраивается банкет. Ерофеев очень просит, чтобы я не уезжала домой, а поехала вместе с ними в Дом литераторов. В последний момент, сославшись на мигрень, отказалась, чтобы не омрачать Гале праздник своим присутствием.

11 ноября

Утром звонит Галя. «Мальчик очень просит, чтобы ты его навестила». Приезжаю. После банкета Веня в чудовищном состоянии. С трудом что-то рассказывает мне о вчерашнем знакомстве с Булатом Окуджавой, который поднял тост за его здоровье, о знакомстве с Давидом Самойловым, о том, как раздал кучу автографов, в том числе директору издательства «Книжная палата»...

Заезжают Ира и Женя Славутины. Вместе с ними отправляюсь в Студенческий театр МГУ смотреть «Вальпургиеву ночь». Славутинской постановкой спектакля Ерофеев доволен. О Славутине отзывается очень доброжелательно: «Производит самое благоприятное впечатление. Педантичен. Криклив и неумолим».

Только что вышла рецензия в газете «Афиша» на постановку спектакля под названием «Зритель, вам — мат». Читаем: «Тем из вас, кто привык слышать матершину в свинных очередях, транспорте и на работе, кто, приспособившись к мату с самых малых лет, уже не воспринимает его на слух, — предлагаю сходить в Студенческий театр МГУ (на улице Герцена). Вы имеете прекрасную возможность увидеть, как из словесного мусора могут вырасти прекрасные цветы Искусства с большой буквы. Особенно, когда за садовника — такой знаток Руси-матушки, как Вен. Ерофеев. Да, да, его пьеса «Вальпургиева ночь» впервые в стране играется без единой купюры. Режиссер спектакля Евгений Славутин сознательно не пошел на сокращение текста и этим смог добиться полной обнаженности болевых точек общества...»

Вечером — звонок Луговской. Возмущена Галиным поведением 7-го ноября у общих знакомых — никому не давала говорить, все время твердила, как тяжело жить с алкоголиком. Повергла хозяев дома и всех гостей в ужас.

14 ноября

Получила из Нью-Йорка от Лили письмо. Сообщает, что будет в Москве 19 ноября. Через Галю передаю Вене, что приеду в Абрамцево вместе с ней.

20 ноября

Приезжаем с Лилей в Абрамцево, конечно, с гостинцами в виде четырехтомника Солженицына, американского элегантного шерстяного свитера с теплыми спортивными брюками и бутылкой коньяка. За столом — уютная компания: Веня, Владимир Муравьев, Саша Бондарев и Лев Кобяков — старинный университетский Веничкин друг, которого вижу почему-то в первый раз. Наш приезд явно некстати, правда, Лилия сообщает Вене приятную новость — он включен в программу многих университетов США.

Появление наше ускоряет отъезд гостей. Напоследок Кобяков ледяным голосом делает мне замечание: «Не Веничка, а Венедикт Васильевич!» и представляет широким жестом на стол бутылку водки. Муравьев ее тут же от Венедикта Васильевича куда-то быстро прячет.

Остаемся втроем. Веничка очень хочет, чтобы

Лиля нас с ним пофотографировала. Отказывается: «Неудобно слишком много снимать знаменитостей». Все-таки раз шелкнула нас с ним у печки, которую Веничка затопил на втором этаже.

Поздно вечером — чудесная прогулка втроем по заснеженному, уже дремлющему Абрамцеву. Лиля ложится спать, а мы с Веничкой еще долго, почти до утра беседуем. Привезла ему почитать «Книжное обозрение» за 17 ноября (интервью с Юрием Мамлеевым), в котором есть строки и о нем: «У нас существовала и продолжает существовать «неизвестная» литература здесь. Возьмите Веничку Ерофеева, как наиболее яркий пример. Это целый мир, который на Западе продолжают называть «неофициальной литературой». И здесь, в России, остаются еще те писатели, которые до сих пор не открыты советскому читателю».

21 ноября

Утром Лиля уезжает в Москву. Провожая ее до станции. Хочет навестить Веню еще раз. По возвращении — короткая прогулка с Веничкой до «Шоколадки». Сообщает новости, включая неприятные: «У Носовой не проходит дня, чтобы она не сказала про тебя какую-нибудь гадость. Обсмеяла твои американские фотографии: «Как она себя любит! У меня за всю жизнь столько не было!» Очень недоволен, что она на Флотскую для гостей собирается купить каких-то мягких модных кресел, но он в эти дела не вмешивается. Очень порадовал, что последнее время просиживает за письменным столом по

14 часов в сутки, чтобы закончить «Фанни Каплан». Неужели?

Настроение у меня несколько подавленное, а ему, как мне кажется, это даже нравится. Говорит, что любит, когда я грустная, задумчивая, когда, находясь у него, читаю. Очень хочет в Театре на Юго-Западе в постановке Беляковича посмотреть «Вальпургиеву ночь»: «Мы так давно с тобой никуда не ходили».

Ожидаемая Галя не приезжает. Остаюсь, прибрав все в доме. Веня из своих запасов выделил мне две таблетки снотворного.

22 ноября

Хочу уехать в Москву до приезда Гали, чтобы лишний раз не раздражать ее своим присутствием. Ерофеев задерживает. Немного гуляем с ним в сторону «Шоколадки». В 3 часа дня приезжают на машине Галя, Муравьев и Жанна с каким-то своим приятелем. Затапливается печь. Выставляется коньяк. Галя с Жанной очень любезна. Жанна с Веней подчеркнуто нежна — гладит его по голове, искоса наблюдая за моей реакцией. Внешне — ни на что не реагирую, но чувство от всех этих инсценировок какое-то душное, неприятное. Вечером мы с Жанной на машине «приятеля» возвращаемся в Москву.

2 декабря

Не была у Вени несколько дней — срочная работа по выставке Яковлева в Фонде культуры. Звонила

Галя: «Куда пропала?» Сказала, что обязательно буду сегодня с обещанным «гостинцем». По дороге к дому сталкиваюсь с ней. «Я так и знала, что тебя встречу, — говорит она. — Между прочим, ты очень поседела, Ерофеев и тебя сломал». Жалуется, что Веня очень злится на нее с Муравьевым из-за неэкономного расхода дров, объясняя это памятью о тяжелом детстве. Говорит, что оставляет нас с Веничкой до вторника, «чтобы дать возможность красиво пожить». Сама едет в Москву за новыми мягкими модными креслами и диваном. Ерофеев жалуется, что она при самых ничтожных похолоданиях готовит побег с дачи, а ведь на Флотской он все время будет пить.

Сообщил новости: звонил ему приехавший из Польши Борис Козлов. Передал приглашение из Варшавы на премьеру «Петушков». Подписал бумагу с просьбой Краковского театра «Багатель» поставить «Петушки». Оказывается, перед отъездом в США с кучей подарков навещала его Лиля. Галина реакция: «Ведь кузина. Задабривает». Дала ему почитать газету «Вперед» за 23 ноября, в которой опубликованы целые две рецензии на «Петушки» в постановке Спесивцева: «“Москва — Петушки” — горькое лекарство» В.Сасина и «Евангелие от Венедикта» В.Селичева.

3 декабря

Вновь в Абрамцево. Чудесная погода. Тепло. Солнце. Легкая прогулка с Веней, он плохо себя чувствует. Страшное признание: подозрение на возобновление опухоли еще летом — боль в деснах, голо-

ве. Оттого и был такой жуткий запой в Москве — снимал боль. Сейчас боли круглосуточно. Сказал, что поделился этим только со мной. От операции заранее наотрез отказывается. Поражаюсь его самообладанию. Ведь все это время он вел себя, как обычно, ровно, без тени паникерства.

Веничка предложил поговорить с Галей, могу ли я поработать над выставкой в тишине на Флотской. Потом согласился, что она откажет под предлогом: «Шмелькова играет в космическую рассеянность, а все равно может забыть выключить плиту, сжечь дом и т.д.»

4 декабря

На улице безморозно. Много гуляем. Настроение у Вени подавленное. Снова жалуется на неэкономный расход дров Носовой и Муравьевым, на тайный просмотр его дневников и т.д., и т.д. Под конец прогулки встречаем Римму Кобякову* с «гостинцем», приехавшую в Абрамцево по просьбе Гали. Втроем, за привезенным коньяком, тихо проводим вечер. Провожаем ее до Музея-усадьбы. Еще гуляем до 11.30. Красиво — искрящийся снег и звездное небо.

5 декабря

Все занесло снегом. Ветер. Почти час протаптываю тропу от крыльца до калитки. Веничка на ули-

* Жена Льва Кобякова.

цу почти не выходит — слабость. Но настроение неплохое, миролюбивое: «Тебе идет обматывать голову этим черным шарфом. Очень молодит. 48 — не дашь. Похожа на куклу. Смешная». Совершенно серьезно просит покрасить волосы: «Седина старит!» Смеясь, вспоминали, как Галя однажды сказала: «Не забывайте, что вам вместе скоро будет сто лет». Решили, чтобы отметить эту печальную дату, подсчитать — когда же? У меня ничего не получилось, а Веня (с его склонностью к математике) на листочке вмиг высчитал. Оказалось — 5 июня 90-го года.

Вечером вышла на 10 минут пройтись. Вернулась через час. Загипнотизировала дорога. Веня недоволен. Хотел идти встречать. Назвал полоумной. У него сильный озноб. С трудом уговорила выпить горячего молока.

6 декабря

Снова мороз. Первый раз за три дня затопили печку. Ссора: вместе вывозили на санках ведро с мусором. На полпути сняла его и понесла по сугробам одна. Дура. Ведь как бы лишний раз напомнила Вене о его болезни, слабости. Все-таки уговорила его на короткую прогулку. По возвращении — быстрый обед. Снова вспышка с Вениной стороны из-за моей совершенно миролюбивой фразы: «Вы с Галей...» Смотрели телевизор: Горбачев у Папы Римского и т.д.

В 6 вечера приезд Гали с Муравьевым. Московские новости: смерть Галиной тетки Любви Андре-

евны. Звонок Александра Глезера*. Предложил Гале в своем издательстве «Стрелец» опубликовать Ерофеева в любой момент. Галя со мной миролюбива. Похвалила уборку: «Идеальная чистота». Подлила в чай вишневый ликер. Предложила из-за темноты остаться ночевать. Уехала в Москву в двенадцатом часу.

10 декабря

Звонит Галя. Спрашивает, что передать Вене. Когда приеду? Говорю, что буду вот-вот, как только достану за городом обещанные Веничке валенки и теплые ватные брюки.

15 декабря

Звоню на Флотскую. Сообщаю Гале, что все приобрела, но сильно простудилась, так что пока приехать в Абрамцево не смогу.

18 декабря

Прощание с Сахаровым. В длинной процессии случайно встречаю Машеньку Шавырину. По дороге подробно рассказала мне о Веничкином дне рождения. Был очень грустен. Спросил ее про меня: «Она

* Коллекционер, поэт и издатель. Один из организаторов «Бульдозерной выставки». В 1976 году эмигрировал, организовав во Франции (в Монжероне) «Музей русского искусства в изгнании». Издатель альманахов «Третья волна» и «Стрелец». Живет в Париже, Москве, Нью-Джерси.

позвонит?» — «Да куда денется», — успокоила его Машенька.

20 (?) декабря

Купила в университете самиздатского вида газетенку под названием «Советская Моралька» с опубликованной в ней «Моей маленькой ленинианой».

«Издатели предупреждают, — написано в приложении к публикации, — что в некоторых случаях автор допускает вольное цитирование, не искажающее общие смысл, стиль и направленность работ В.Ульянова».

При этом прилагается список ссылок на использованные в тексте работы Ленина. Том и страницы указаны по полному собранию сочинений (издание пятое). Подарила «Моральку» Веничке.

24 декабря

Сочельник. Завтра католическое Рождество. Приезжаем с Галей на машине. Привожу обещанные валенки и теплые ватные брюки. Веня все время подсчитывает, сколько меня не было. Очень хочет, чтобы я приехала в Абрамцево на Новый год, несмотря на ожидаемое присутствие Галиной матери Клавдии Андреевны. Очень доволен, что я разговаривала с ней почти час по телефону. Рассказывал, как она раньше гнала его на работу — дворником, а теперь стыдится этого. Иронично отзывается о своих знакомых, съездивших на Запад и все время об этом рассказывающих: «Вырвались и никак не могут

успокоиться». Страшно надоели гости. Хочется побыть одному. «Лимонову руки не подам» (дошли слухи, что тот хочет к нему приехать)*.

Сказал, что вспоминал обо мне в 4 утра 23-го (конец съезда народных депутатов). Подумал: «Наверное, спит». Был очень доволен, что я, оказываясь, политикой немного интересуюсь. Не отрываясь, следит за событиями в Румынии. К Горбачеву, не считая отдельных моментов, относится одобрительно.

Вечером неожиданно Галя выставляет на стол две бутылки коньяка! Легкая с Веней размолвка. Собираюсь в Москву. Не задерживает. С полпути возвращаюсь, извинившись за скандальный настрой. Веничка: «Я был уверен, что ты вернешься».

25 декабря

Рождество. Наверное, из-за вчерашнего коньяка самочувствие у Венички неважное. На улицу почти не выходит. Галя раздражена. Даже сравнила меня с первой Вениной женой — матерью Венедикта 2-го — Валентиной Зимаковой. Не совсем поняла — в связи с чем? Ведь сама разливала.

26 декабря

Собираюсь ехать в Москву, в Дом кино на развеску картин Игоря Ворошилова (посмертная выставка). Ерофеев не отпускает. Обсуждаем Второй

* Имеется в виду прозаик и поэт Эдуард Лимонов — автор нашумевшего романа «Это я, Эдичка».

съезд народных депутатов. Среди выступавших, заслуживающих внимание, Веня выделил немногих, например, Гдляна и Иванова: «Ребятишки понимают, что им немного осталось...» Уверен, что основные события произойдут в 90-м году — очень неприятные в Прибалтике, Молдавии и других республиках.

Ходили с Галей на родник за водой. Она довольна моей новой зарплатой в «Дягилев-центре»: «Будем занимать деньги». Снова обсуждаем с Веничкой празднование Нового года. Обещаю приехать 31-го. Ему так хочется, чтобы не было мороза: «Не люблю холода. Слишком часто мерз в детстве. Только и ждал случая, чтоб погреться». Жалуется, что Галя препятствует приезду в Абрамцево его сына.

Подарил мне интервью с ним Игоря Болычева, опубликованное в «Московских новостях» за 10 декабря под названием «Умру, но никогда не пойму...» В нем есть рассказ, как майор, который вел военные занятия в МГУ, однажды сказал Веничке: «Ерофеев! Почему вы так стоите? Неужели нельзя стоять стройно? Ведь главное в человеке — выправка!» А Веничка ему невозмутимо ответил, что это вовсе не его фраза, а точная цитата из Германа Геринга, конец которого, между прочим, известен. Майор ничего не сказал, но дал понять, что пребывать в МГУ ему осталось недолго. А я вспомнила, как наш университетский полковник Туманишвили не сразу допустил меня на госэкзамены по военному делу из-за того, что на строевой подготовке я всегда отдавала ему честь левой рукой. Никак не мог он понять, что я — левша, что мне так намного удобнее, и

был убежден, что я над ним издеваюсь. Веничка очень смеялся над моим рассказом.

31 декабря

Приезжаем в Абрамцево в 9 часов вечера с Ольгой Осетинской. Упросила меня взять ее с собой на празднование Нового года. Уже в поезде выпили немного портвейна. «Продолжение «Москва — Петушков», — восторженно шепчет она, уткнувшись носом в темное, промерзшее окно электрички. Веничка встретил наигранно холодно — долго ждал. Да тут еще Ольга разлила в сумке остатки портвейна, обдав всю комнату его неповторимым запахом, за что Веничка обозвал ее, правда весьма нежно, «пьянью». Процитировал Галю, которая про меня сказала: «Если не приедет, значит — сука».

В доме, кроме Венички, Галя, ее мать Клавдия Андреевна, Лев Кобяков с женой Риммой и двумя собаками (или тремя?) и еще одна их знакомая женщина.

Обстановка довольно натянутая, но скрашивает ее очень красиво наряженная прямо на улице, возле крыльца, чудесная елка, у которой под бой часов и распиваем шампанское. Остаток ночи — на втором этаже. Трещит печь. Веничка чувствует себя неплохо. Напомнил, что 27-го марта у него именины. Спрашиваю: «Что подарить?» «Любовь в снегах», — отвечает он. Называет себя снегуркой. Говорит, что ему уже 52. Передает разговор Гали с матерью: «Если любовь не однодневная, ее надо уважать. А что еще надо в этой жизни?» Удивлена. Не ожидала.

Рассказывает, как он страшно переживал, что я не приеду на Новый год. Даже показал свои записи: «Уже стемнело, 31/XII. Нат. наверняка не будет. И все равно: в послед. ночь 89 (след. ночь уже будет 90 г.) — так будет худо без Т., паскудно без Т., скорее приезжай, потому что завтра будет сквернота».

Зачитала ему присланное мне поздравление с Новым годом Тамары Васильевны:

«Милая Наташа, с Новым 1990-м годом! Доброго здоровья желаю, радости, счастья, успехов!

Как живете? Что нового у Вас и в Москве? Часто ли бываете в Абрамцеве? Что читаете? В каких театрах и на выставках бываете? Что там особенно интересного?

Я тут полный профан. Сижу, зарывшись в газетах и журналах. На книги остается мало времени. Да еще съезд по телевидению, который я смотрела почти весь. Еще раз, Наташенька, будь здорова!

Целую. Тамара».

1990 год

1 января

Гости разъехались с первой электричкой. (Нас — четверо). Самочувствие Вени неважное. Весь день наверху. Галя топит печь. Веня сказал, что 28-го испытывал за меня жуткую тревогу, непонятно с чем связанную. Даже записал об этом в дневнике. Слышала это от него не раз. Еще в Тольятти он мне писал: «Да, а пропос. Ты напрасно укоряла меня по телефону в холодности тона и пр. Ни о ком на свете, пустушка, я так не тревожусь и так неотвязно-постоянно не помню, как о тебе, бестолочь».

Галя с Веней и Клавдией Андреевной вспоминают некоторые детали Нового года. Когда Ольга Осетинская повисла у Вени на шее, Клавдия Андреевна сказала: «Наташа, что же ты смотришь?», а за разыгранное мною равнодушие получила от Вени оплеуху, что вызвало черные слезы. Клавдия Андреевна никак не могла предположить, что Веня может ударить. Галя в шутку назвала мою маму «любимой Веничкиной тещей».

2 января

Самочувствие получше, но на улицу почти не выходит. Галя ко мне миролюбива. Веня хочет, чтобы она купила в этом году дом, но не дальше 100 км от Москвы и 5 км от станции. Вспомнил, что 14-го марта у меня день рождения. Гале: «И этой дурочке исполнится 48. Старушенция». Очень смешно просит меня подольше не стареть: «Тебе это очень не пойдет». В 7 вечера собираюсь в Москву. Провожает до «Шоколадки». Любуемся луной. Напеваю Лещенко: «Светит месяц...» Просит повторить. Приглашает 5-го в Москву на Флотскую. Поедет за три месяца получать пенсию. Просит быть дома. Будет звонить.

13 января

Приезжаю в Абрамцево в 7 вечера с обещанными Герценым, Бродским и коньяком. Мороз (— 25°). Еле доползла. Оказывается, Галя по своей инициативе ходила меня встречать на станцию, прихватив валенки, но почему-то разошлись. Втроем уютно отмечаем Старый новый год. Заглядывает Леонтович, но не дождавшись 12-ти, уходит. Уже совсем поздно идем к нему с Галей за «Советской культурой» от 6-го января.

В ней восторженная рецензия Наталии Колесовой на «Вальпургиеву ночь» в постановке В.Беляковича (Театр на Юго-Западе) под названием «Евангелие русского экзистенциалиста», а Венчик дал мне почитать интервью с ним И.Тосунян «От Москвы до самых Петушков», опубликованное 3-го января в «Литературной газете».

Сообщил приятные новости: на Рождество было много гостей. По заказу журнала (?) собираются расширить «Лениниану». Приезжал директор из «Интербука» по поводу контракта. Письма от издательств Италии и ГДР. Приглашения в Бельгию и Швейцарию.

14 января

Отъезд Гали в Москву. Короткие прогулки по поселку. Смотрели по телевизору начало армяно-азербайджанской войны. С Леонтовичем обсуждали «Память», вспомнив и С.М. С отвращением фыркает. Веня подливает масло в огонь: «Она, наверное, уже родилась с глазами эсесовки». Рассказал, как однажды она ему говорила: «Веничка, лучше, чем водку пить, узнай, у кого кто отец, кто дед и т.д.»

Спрашиваю: «Так зачем же ты дружишь с ней?» Веничка: «А я сижу и тихонько наблюдаю... и потом, в свое время, она сделала для меня что-то хорошее». (В доме Светланы Мельниковой в Царицыне Ерофеевым было написано эссе о Василии Розанове.)

Веничка все время топит печку, забыв про экономию дров. Спрашивает: «Ты не заметила, что я все время топлю? Это я для тебя. Ни о ком я столько не вспоминаю и не думаю, как о тебе, уж поверь мне. Купи себе красивую юбку и брюки. Тебе идут каблук и не идут морщинки под глазами. Когда печатаешь, подкладывай под себя для тепла что-нибудь на стул. Галя не верит в твою самоотверженность, а я ей привел пример с валенками. Жаль, что я не могу ей рассказать, как на улице в мороз ты грела мои окочен-

невшие руки. Любая барышня на твоём месте визжала и охала бы».

15 января

Чудесный день. Три раза гуляли. В центре поселка — зажженная елка. В доме трещит печь. Настроение у Венички прекрасное. Изучает «Огоньки». Я щелкаю на машинке тексты к каталогу персональной выставки В.Яковлева в Фонде культуры. Показываю Вене текст В.А. Ерофеев: «Напыщенно. Писать надо, как говоришь». Зачитал мне записку Льва Кобыкова по поводу нашего плохого поведения с Ольгой Осетинской в Новогоднюю ночь.

По программе «Время» — страшные события в Баку и Азербайджане. Вечером — в Азербайджане введение чрезвычайного положения.

16 января

Приезд Галины. Новость: 20-го на Малой Бронной премьера «М — П». Будет снимать «Би-Би-Си». Веничка, конечно, меня приглашает. Галя не очень-то, но вдруг предлагает подарить мне пишущую машинку «Москва»: «Возьми. Нам привезут электрическую». Собираюсь в Москву. Веня провожает до «Шоколадки»: «Не доживу до февраля, не доживу до марта!» и т.д.

20 января

Премьера. До начала спектакля 15 минут, а Ерофеева все нет. Народ толпится на улице в ожидании

его приезда. Появление «Би-Би-Си» во главе с По-
лем Павликовски. Не дождавшись контрамарок, по-
купаем билеты. В 7.05 в сопровождении Гали и Люб-
чиковой в ложе появляется Ерофеев. Настроение и
самочувствие у него, сразу видно, неважные. Мра-
чен. Я — напротив ложи, в четвертом ряду партера.
Все время с Веничкой переглядываемся. Спектакль,
конечно, оставляет желать лучшего. В антракте Еро-
феев в ложе один. Жестом заманивает меня к себе.
Тут же подплывает камера «Би-Би-Си». Тут же вып-
лываю из ложи, во избежание Галиного раздраже-
ния. Затем банкет. Веня подписывает актерам сцена-
рий. С режиссером Портновым обсуждается его раз-
решение на постановку в театре «Фанни Каплан».

21 января

После банкета Веня в тяжелом, неуравновешен-
ном состоянии. Все время прикладывается к конья-
ку. Страшный день ссор, выяснений отношений. Ко
всем придирается. Мне: «Я все время наблюдал за
тобой из ложи. У тебя было такое глупое лицо, будто
ты ничего не понимаешь». Гале: «Зря ты считаешь,
что девчонка любит влезать в кадр» (имея в виду мой
побег из ложи при съемках «Би-Би-Си»). Галя: «А
американские фотографии?» Мне, с легкой досадой:
«На банкете на тебя обратил внимание Портнов. Все
время поглядывал...»

Рассказываю Веничке, что ассистент Осетинско-
го, некий Виталий, любезно, тайно переписал мне
кассету — интервью с ним Осетинского. Веничке,
непонятно почему, послышалось, что Виталием я на-

звала его. Страшный взрыв: «Отказываю от дома. Чтобы ни на Флотскую, ни в Абрамцево не приезжала! Я думал — это моя последняя любовь, последняя женщина, а она оказалась с грязнецей». На глазах слезы. Еле помирились. Подписал афишу к «Петушкам»: «Наталье Шм., с любовью, которую она давно не заслуживает. Венед. Ероф. 20/I-90». И тут же: «Мне без тебя будет невыносимо».

Приезд Галиной подруги Нади «Балашихи». Очередной взрыв. Напомнил Гале, что ее тетка Любовь Андреевна не вернула ему какой-то свитер. Сказал, что больше не подпишет Гале ни одной доверенности и т.д. и т.д. Галя в ярости: «Милый, ты умрешь не от рака, не от сердца, а от жадности. Случайно создал шедевр и писать больше не можешь!» Первый раз вижу Ерофеева в оцепенении. Порываюсь уехать. Галя удерживает: «Ты уедешь, а мне что делать?» Остаюсь. К вечеру, немного успокоившись, Венечка сообщил мне, что Галя клюнула на подаренные мной ему деревенские, грубой вязки шерстяные носки: «Я ее терплю только потому, что она тебя чуть-чуть любит, не то, что другие — только и ждут, чтобы что-нибудь да сорвать».

22 января

На Флотской много гостей. Нагрязнуло «Би-Би-Си». Снимают исполняющую романсы Любчикову. Особенно запомнилось: «Не уходи, побудь со мною». Прибытие гостей из Киева. Там тоже ставят «М — П». Приветы из Варшавы и Кракова. Венечка очень рад и несколько раз за день об этом вспомнил. Приезд Клавдии Андреевны. Галя просит ее заказать

на завтра такси в Абрамцево. Ерофеев не отрывается от коньяка. Говорит, что никуда не поедет: «Там все подчинено не мне...»

Уехала в 8 вечера. Все остались. Веничка на прощание раздраженно махнул мне рукой. Галя спросила меня, когда снова приеду.

23 января

Приезжаю на Флотскую в 8 вечера. По дороге, на «Пушкинской» по рассеянности чуть не попадаю под машину, напевая вчерашнее любчиковское: «Не уходи...» Дверь открывает новый друг семьи Мери. Холодно: «Не будите Веню. Он всю ночь не спал». На полу две рюмки, наполненная окурками пепельница. На кухне — гора немытой посуды. Уходит. Ерофеев сразу проснулся: «Я даю себя целовать только в щечку». Сказал, что Галя с Муравьевым на машине уехали в Абрамцево, что он сто раз спросил Галю и Мери, поеду ли я к ним туда. «Зачем ты их всех раздражаешь? — спросила его. — Ты же меня лишний раз ставишь под удар». — «А я специально так делаю, — ответил Веня. — Пусть они все знают, что у меня к тебе серьезное отношение». Неожиданная агрессия — обвинил в том, что вчера при съемках «Би-Би-Си» я кокетничала с Полем (перепутал с Ж.Г.). Скандал. Еле помирились.

24 января

Гали нет. Несколько раз за вечер звонила Клавдия Андреевна. Весьма доброжелательна. Веня в тяже-

лом состоянии. Даже не раздражается, когда отказываю ему в коньяке. Дожидаюсь Галю. Приезжает. С Веней неприветлива. Со мною сурова. Говорит: «Мне все надоело. Я сдаюсь».

25 января

Заезжаю на Флотскую. Полный мрак. На столе бутылка бормотухи(!). Депрессия. Заводит Свиридова. На мой приход почти не реагирует. Только: «Где ты была?» Галя рядом. Сосредоточенно пьет кофе. Похоже на выяснение деловых отношений. Вечером она мне звонит: «Заезжай, только ненадолго». Подошел к телефону Веня: «Завтра, наконец, еду в Абрамцево. Хорошо, если приедешь 3—4 февраля».

3 февраля

Приезжаю в Абрамцево. Галя встретила дружелюбно. Говорит, что Веничка никого не хочет видеть. Все раздражают. Веничка рад моему приезду, но все время придирается: «Приехала силком» и т.д.

Вечером с собачкой заходит Леонтович. Веничка демонстративно (в 9 вечера) уходит спать, а до этого внимательно смотрел телевизор. Считает, что Горбачев на пленуме слетит, и от этого худо будет всей стране.

Сказал, что 1-го его навещала Машенька Шавырина. Машенька — его верный, добрый друг и мне самой очень нравится. Сколько раз, ради Веничкиного спокойствия, она поддерживала меня в трудные минуты. И каждый раз я вспоминала его слова: «По

отношению моих знакомых к тебе я определяю их отношение ко мне».

И еще новость. Поль Павликовски был в Добрынихе у Тихонова. Привез его в Москву, и Тихонов всю компанию возил в Петушки снимать фильм о Ерофееве.

4 февраля

Утро. Наверное, из-за Веничкиных вспышек у меня плохо с сердцем. Приносит мне в комнату корвалол с громадным красным яблоком: «Как красиво! Девчонка с яблоком!...» Галя уезжает за лекарством. По ее просьбе два местных парня приносят Вене немного самогонки. После двух рюмок и легкого завтрака соглашается пойти погулять. Все время весело толкает меня в сугробы. Галя возвращается с «подарком». Пообедав, уже втроем, с санками и топором отправляемся впотьмах срубить засохшие ветки сваленного у дороги дуба. По очереди с Галей катаем друг друга на санках. Потом вдвоем — Веню. Вечером ветками растапливаем печь. Чай с сырниками. По телевидению — «Новости». Уютно. Веничка чувствует себя прекрасно. Прошелся по Лиле: «Пожалела нас сфотографировать, а ведь зима проходит». Решил даже сделать приписку к моему письму ей, чтобы выразить свое недовольство.

Еще несколько рюмок, и снова мрачен. С трудом уговариваю его перед сном еще погулять. Соглашается. Но ведет он меня не на дорогу, а в сад, где на склоне в лес еле-еле протоптана тропа. Идем. Спотыкаемся. Падаем... Веня: «Я предчувствовал, что

после операции найдется девчонка, которая приласкает меня, и ею оказалась ты...»

Возвращаемся. Галя невозмутимо напевает: «Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра...» Подписал афишу к «Вальпургиевой ночи» на Малой Бронной: «Милой и глупейшей Наталье от Венед. Ероф. с прежней любовью. Ер. 4/II-90 г.»

5 февраля

Утро. Галя приносит мне в постель кофе! А Венчик рюмку клюквенной водки. Слушаем по телевидению «Евгения Онегина». Галя уезжает по делам в Москву. К вечеру — приход Леонтовича. Ерофеев притворился спящим. В последнее время он почему-то его очень раздражает. Даже заступаюсь за него... Пью с ним чай. Непонятно о чем беседуем. Наконец, уходит. Укладываю Веничку спать — горячее молоко и две таблетки снотворного.

6 февраля

Идем встречать Галю. Она должна привезти Вене посылку из Питера. Ему, как малому дитяти, не терпится узнать, что в ней. Галя почему-то задержалась. Веня очень расстроен. Гуляем почти 3 часа. Все острит по поводу намеченного на 5-е мая, по свидетельству Светланы Мельниковой, погрома. Меня предлагает спрятать в шкафу. «Но при случае, — говорит он, — выдам, если предложат хорошую закуску. Жертвой еще намечается живущий неподалеку Евгений Пастернак, ну а Епифан сбежит, ведь он хитрый».

По возвращении — ссора. Ерофеев обнаруживает на кухне в шкафу полусгнивший кочан капусты и, обозвав Галину «...»!!!, изо всех сил швыряет его в ведро. Вступаюсь за нее: «Какая-то капуста... Тоже мне, писатель». Ерофеев в гневе. Ухожу зареванная на улицу. Пора ехать в Москву, но обещала Гале ее дожидаться. В 9 вечера она, ликующая, врывается: «Если едешь в Москву, у калитки — такси. Я привезла Жанну!» Веня останавливает, смущен. Ведь еще раньше он говорил мне, что «Галя делает на нее ставку». Конечно, откланиваюсь. Веничка: «Ты хоть что-нибудь поешь на дорогу». — «Не хочу». — «Тогда возьми что-нибудь с собой». — «Спасибо, не надо».

Галя провожает до такси. «Я буду здесь неделю. Если захочешь, приезжай без моего звонка». — «Хорошо, хорошо, — говорю, — конечно, приеду...» Торжествующей Гале и невдомек о нашей ссоре с Веней из-за моего за нее заступничества. Ну да ладно.

17 февраля

Приезжаю в Абрамцево с Сашей Москаленко. Он пишет новый Венин портрет. Ерофеев встретил меня подчеркнуто сухо: «Подумаешь, какая важность! 5-летний юбилей!» Галя уже печет блины. Чокаемся по случаю завтрашней Масленицы. Веня чуть отходит. Демонстрирует нам питерскую посылку: незнакомые ему люди прислали теплую синюю зимнюю куртку с капюшоном. Сообщил, что в Ереване и в «Интербуке» намечают издание «Петушков» — 500000 экземпляров.

Саша собирается в Загорск. Провожаем его до

«Шоколадки». Фотографирует нас в заснеженном лесу (последняя наша фотография). Веничка то и дело бросает меня в сугробы, обсыпает снегом. Очень весело. Помирились. По возвращении показал мне письмо от С.Аверинцева. Ругает Муравьева за то, что тот его недооценивает. Узнаю, что 10-го приезжал в Абрамцево Тихонов. Галя не без удовольствия: «Поль Павликовски («Би-Би-Си») очень удивлен, что «Петушки» посвящены «Первенцу».

О вторжении 6-го февраля в Абрамцево Жанны — целая новелла, которую (что поделаешь!) Веничка описал мне во всех мельчайших подробностях. Последняя его фраза: «У Жанны, — сказал он, — в жизни никогда не будет никаких крупных событий».

Веничку все время куда-то приглашают. Вот теперь в Испанию. Там тоже поставили «Петушки». Но ему все время снится Кольский. И он уверен, что это признак приближающегося конца...

Ночь была страшная. У Венички бессонница. Случайно проснувшись, увидела его неподвижно сидящим у окна. Он долго, долго застывшим взглядом смотрел через промерзшее стекло в темный сад... Я знала, о чем он думает, но не нашлась, что ему сказать, как утешить. Малодушно притворилась спящей...

18 февраля

Масленица. Через стенку слышу, как Веничка с Галей за утренним чаем о чем-то спокойно беседуют. Даже смеются. Немного успокоилась.

Втроем прогулка под снегом к Ясенке. Уже тра-

диционное: швыряние меня в сугробы и т.д. Галя рада, что получила деньги из ГДР за «М — П».

19 февраля

Идем гулять втроем в сторону маленького домика, который еще давно обещали Вене с Галей продать. По возвращении Веничка сразу крепко заснул, накрывшись моим кроличьим полушубком. Печатаю на машинке тексты к выставке Яковлева. Вечером Венья с Галей провожают меня в Москву. Катаем друг друга на санках. И весело и грустно... Говорю, что постараюсь прибыть в субботу.

3 марта

Приезжаю в 5 вечера. Абрамцево в снегу. Венья чувствует себя плохо. Мрачен. Прежнее: «Приезжайешь по принуждению. 5-го можешь уезжать». Галя делает мне знак рукой: «Останься». Незаметно выводит на улицу. Шепчет: «Терпи. У меня уже больше нет сил. Разрывается сердце». Венья все время говорит о смерти.

Новости: Галя встречалась с Н.Губенко по поводу финского домика. Тот отдал распоряжение. Хотят приехать в гости М.Ростропович с Г.Вишневской. Привет от Иосифа Бродского через письмо О.Седаковой. Звонки из ФРГ и Испании — хотят интервью. Ночевала в Веничкиной комнате. Состояние его тяжелое. Температура под сорок. Уговорила принять аспирин. Жар чуть прошел. С трудом убаюкала. Спал тяжело.

4 марта

Ходили с Галей на родник за водой. Она хочет привезти Мазурского. Ей все время снятся кошмарные сны. Вене по-прежнему плохо. Из дома не выходит. Галя подумывает: «Не вернуться ли в Москву?» Веня раздраженно: «Оттуда гроб легче выносить?»

Приезд с шампанским и с большой стопкой книг («М — П») Лейкиных. Отмечаем выход книги. Предисловие — Муравьева. На обложке присланный из Парижа рисунок Ильи Кабакова. Веничка подписал мне экземпляр: «Самой милой бабенке из всех, которых знаю. Автор: В. Ер. 4/III-90». Вечером все уехали. Галя шепнула, чтобы я ни на что не обижалась.

В 9 вечера — таблетка аспирина, снотворное, малиновый настой. Засыпает. До 12-ти ночи печатаю в комнате Муравьева. Периодически заглядываю в Венину комнату. В час ночи — отрывистое, тяжелое дыхание. Даже испугалась. Просидела с ним до утра.

5 марта

Утро. Вене получше. За окном метет. Приезд Гали с дочерью Муравьева Анютой — очень необычной, милой, занятой девчушкой. Галя возбуждена покупкой домика. Пока все вроде идет хорошо. Анюта от нас с Веней не отходит. Галя ревнует. Из разговора. Анюта убежденно: «Жены у поэтов должны быть красивыми». Галя категорично: «Красота совсем не обязательна!» Анюта: «А Пушкин и Натали?» Галя: «Он такой урод, что...» Веничка, несмотря на плохое самочувствие, сотрясается от смеха.

Собираюсь в Москву. Веня напоминает о моем дне рождения: «Где будешь пьянствовать?» — «У вас, конечно, — говорю, — если потерпите». Галя: «Как, ты разве не сможешь приехать пораньше?» Веня злится. Выходит, что приеду по принуждению, тем более, что 14-го в Студенческом театре МГУ у Славутина — вечер, посвященный выходу «М — П».

14 марта

Приезжаю в 5 вечера. Мороз и сильный снегопад. Сюрприз: на станции встречают Галя и Анюта с санками! Веничка не верил в мой приезд. Засиял. Сразу подарок — 5 экз. «М — П». Отмечаем день рождения. Галя: «Ну, уж коли ты есть, поздравляю!»

Новости: приезжала С.Мельникова с журналистами во главе с С.Куняевым. Брали у Ерофеева интервью. За привезенным коньяком несли черт знает что против евреев, за которых с полным знанием дела очень эмоционально вступилась маленькая Анюта. Веничка, как обычно, «тихонько наблюдал».

Вечерняя прогулка. Анюта предложила мне не ложиться спать, а всю ночь читать стихи. Веничка мне перед сном: «Как без тебя невыносимо!»

15 марта

Веня пробуждается первым. Сообщает, что Галя уже печет блины. Утренняя новость: Горбачев стал президентом!..

Галя на два дня уезжает в Москву. Провожаем ее. Самочувствие у Венички плохое. Очень настораживает, что совсем нет аппетита. С грустью сообщил, что сестры собираются на Кольский, где похоронен его старший брат... Они с Галей все-таки решили вернуться в Москву...

23 марта

На Флотской. В гостях у Вени институтский знакомый по Владимиру. Не виделись более 20 лет. Работает в ОВИРе и предлагает Вене помочь в оформлении документов для поездки в Швейцарию. Веничка беззлобно подсмеивается над его ярким комсомольским прошлым. Гость многословно, сбивчиво оправдывается.

К вечеру температура под сорок. Скорая помощь. Укол. Ночью меняю ему мокрую от жара рубашку. Очень внимательно на меня смотрит. Взгляд означает: «Неужели ты не понимаешь, что это уже «всё?» Изю всех сил стараюсь казаться спокойной.

24 марта

Терапевт из районной больницы. Обнаружила лимфатический узел. Шепнула Гале: «Операция бесполезна. Остается попробовать облучение. Берегите себя. Осторожно стирайте носовые платки».

25 марта

Утренний приезд Машеньки. Привозит лекарства. Заваривает на кухне для поднятия сил Веничке овес.

Вечером — приезд разнаряженной Жанны. Объятия с Галей. Сообщает, что навсегда уезжает в Израиль. Почти час сидит у Вени в комнате. Уж не знаю, благословил ли он ее на это?

27 марта

Веничкины именины — день Святого Венедикта. Привожу громадный букет цветов, шампанское, уже давно обещанные мемуары Хрущева и «Книжное обозрение» за 23 марта (интервью с Валерией Нарбиковой под названием «Жить так, конечно, можно, но нельзя», в котором много умных, добрых слов о Ерофееве). У Вени — Машенька. Ему очень и очень плохо. Остаюсь.

28 марта

Вызываем с Галей машину, чтобы повезти Веню в Онкологический центр на рентген. Он еще шутит: «Не надо такси. Поеду на метрополитене. Надо копить на домик». И тут же с горечью добавляет: «А я-то рассчитывал, что в первых числах мая вытащу на балкон кресло и буду глядеть на свои зелененькие всходы, жариться и пописывать».

На Каширке по-прежнему огромные очереди. Обреченные лица. Подъехала Машенька. Врач-рентгенолог, сделав снимок, вселяющим надежду голосом сказала: «Можете быть свободны!» Но, зайдя к ней в кабинет, Галя вышла из него бледная. Шепнула мне: «Две опухоли в легких. Метастазы. Ничего

не поможет...» Посмотрев на нее, Веня все понял. По возвращении на Флотскую — целая бутылка водки. Ночью — страшное сердцебиение. Очень осторожно спросил меня о большой дозе Галиного лекарства...

Галя собирается в ОВИРе оформлять Вене приглашение в Швейцарию.

29 марта

Приезжает Юрий Гутман, и на его машине все вместе везем Веню на анализ крови. Внушает Гале, что надо добиваться лечения в Швейцарии, что ехать надо туда не на месяц, а на полгода.

Вечером — приезд Саши Бондарева. Долго с Веничкой беседовали.

В Париже с нетерпением ждут для «Континента» «Фанни Каплан».

30 марта

Звоню с Флотской М.Луговской и Г.Евтушенко. Обещают помочь раздобыть для Вени черную икру. Галя обо мне (весьма недоброжелательно): «Девушка со связями».

После долгого отсутствия забегает Ната. От меня отводит глаза. Веня притворился спящим. После ее ухода: «Твоя тетка с тобою очень неискренна. Не общайся с ней». Со мною очень нежен. Все время на меня пристально смотрит, и я, понимая значение его взгляда, стараюсь казаться спокойной.

Спросил меня, звонила ли я Тамаре Васильевне

перед ее отъездом на Кольский. Расстроился, что не позвонила.

1 апреля

Приезжаю в 7 вечера с раздобытой икрой. Самочувствие тяжелое. Принял две таблетки радедорма, чтобы хотя бы час поспать. Тяжело заснул на всю ночь.

2 апреля

Утром очень сильные боли в желудке. Периодически принимает обезболивающее. В час дня Галя звонит Огольцовой. Анализ крови? Как ни странно, вроде ничего, но назначают 4 сеанса облучения.

Веничка отказывается: «Не буду, ничего не хочу, хочу в Абрамцево!»

В отсутствие Гали спрашивает меня: «А может, стоит мне это сделать?» — «Конечно, — говорю, — даже не подлежит обсуждению».

4 апреля

Состояние тяжелое. С раздражением все время говорит о транжирстве Носовой денег: «Не хватает на домик». Успокаиваю его: «Если вдруг не хватит, например, на крыльцо, продам любимую картину». Ему приснился сон, что не хватило денег на лестницу, что пришлось прыгать со второго этажа на асфальтированную, почему-то изрытую землю. Просит почаще звонить в Кировск Тамаре Васильевне: «Ведь ей так грустно и одиноко в полярной ночи,

когда за окном вьюга...» Говорю, что всегда рада ей позвонить, но боюсь навязываться. Повторяет: «Звони, звони...»

Подписал два экземпляра «М — П» Майе Луговской и Нике Щербаковой — небезызвестной московской коллекционерше современной авангардной живописи. Была очень удивлена, что Веня ее помнит. «А я-то думала, что он давно умер!» Галя по поводу моего предстоящего визита к ней: «Намекни Щербаковой о валюте. Автограф Ерофеева того стоит».

6 апреля

Состояние чуть лучше. Читает мне последний номер «Огонька» с публикацией Толстой «Не могу молчать». Возмущается выступлением русских писателей на съезде — Проскурина и др. В каком-то журнале помещены их фотографии. Веня: «За такие лица Афанасий Фет наказал бы их розгами». Вспоминает лица старых писателей и ученых, того же Бехтерева, «так быстро и странно ушедшего из жизни».

8 апреля

Вербное воскресенье. Галя в ужасе от ожидаемого приезда Венички-младшего. Все время говорит о каких-то деньгах.

Приезжает очень грустный Веничка-младший с женой Таней. Отказался от предложенной ему Галей еды. Рассказал, что дочери Настеньке уже почти три

года, что она очень быстро и хорошо рифмует даже сложные слова.

Веня жалуется на Галю: «Он у нее и рубля не возьмет, а она подозревает, что зачастил, чувствуя, что мне плохо, чтобы я завещал ему часть наследства». С грустью сказал мне, что в Абрамцеве пропал весь Набоков. Поделился — кого подозревает. Рассказал, что приезжала по его литературным делам одна немка. Была поражена, как Носова плохо ведет его архив: все бумаги разбросаны, по два часа ищет нужные телефоны и т.д.

Вечером приехала Машенька. У Венички сильно поднялась температура.

9 апреля

С утра хожу по аптекам и магазинам. Вручную выжимаю Вене литровую банку свекольного сока. Галя в порыве благодарности протягивает мне маленькую баночку черной икры: «Для твоих стариков». Просит остаться меня на ночь, т.к. утром приедет Мазурский, и мы все вместе повезем Веню в Онкологический центр. Сама едет за журналами «Факел» (с болгарским переводом «Петушков») и «Трезвость и культура». Веничка очень недоволен, что ВААП берет 75% от гонорара. Вторично подписал мне «Весть» с картиной Олега Целкова на обложке: «Наталье от Венедикта датский экземпляр с физиономиями нашего общего приятеля О.Ц. Ерофеев 9.04.90».

Приезд Клавдии Андреевны. Поручила достать мне для Веничкиного лечения веточки осины (для

настойки). Просит почаще приезжать: «А то Галя не всегда успевает».

Заезжает Сергей Толстов с проектом домика в Абрамцеве... Вслед за ним — с лекарствами Марина Глазова. На кухне шепотом беседуем с ней о Веничкином состоянии. Рассказывает мне, как от рака горла, а потом легких — мучительно умирала ее 24-летняя сестра...

Всю ночь просидела рядом с Веничкой. Ему очень, очень плохо. Глаза огромные и блестящие, как в агонии. Делает вид, что внимательно просматривает «Факел», запрещая при этом зажигать яркий свет, чтобы не так заметны были его мучения...

10 апреля

Просыпается в 8 утра. Состояние тяжелое — не подойти. В 9.00 Галя таинственно исчезает. В 9.15 на «Скорой помощи» приезжает Мазурский, чтобы отвезти Веню в Онкологический центр. Ждем Галю. Нервничаем. Стараемся чем-то отвлечь Веничку от предстоящего «путешествия». Подтруниваем над его напрасным страхом, что в Абрамцеве без него разворуют стройматериалы. Он даже оживляется. Возмущенно жестикулируя, рассказывает Мазурскому, как в его отсутствие у забора кто-то вырыл скамейку.

Около десяти возвращается Галя с нотариусом. К постели подносят авторучку и доверенность на право издания всех произведений и получения гонораров. Какие-то секунды он как будто еще в раздумье. Потом быстро поставил подпись и отшвырнул бумагу...

Ерофеев последний раз выходит из своего дома... Говоря, что «на этот раз я уже не выкарабкаюсь», берет в больницу книги, последние дневниковые записи... Ему выделяют одноместную палату (2317) и он этому рад. Заходит хирург Огольцова и лечащий врач. Сразу назначается капельница. При всей своей нелюбви к лечению он не отказывается и терпеливо ее переносит...

Сижу в палате и жду Галю. Она снова отправилась на Флотскую, так как не успела собрать Веню в больницу. Вернулась к вечеру и вновь уехала.

11 апреля

Приезжаю к вечеру с букетом тюльпанов. Веничка в тяжелой дремоте. У него Галя. Вывела меня в коридор. Сказала: «Все». Разревелись. Чуть позже подъехали с гвоздиками Машенька и Лён. Веничка так и не проснулся. Ушли они с Галей. По ее просьбе осталась до утра. Ночью два раза просыпался. Просил пить.

12 апреля

Утром реагирует на меня раздраженно: «Что это за ночное дежурство?» Досталось и от Огольцовой: «Я даже Гале запрещаю здесь ночевать!» Зашла в кабинет к лечащему врачу. «Это фатально. Ничего уже не поможет — рак легких. Метастазы пошли от горла». Спросила его о более сильных обезболивающих. Ответил довольно резко, что вот уже второй день, как не может добиться от Гали, что Ерофееву кололи

раньше, при первой операции. Уже потом, столкнувшись со мной в коридоре, сказал, что назначил что-то посильнее.

Приехала Машенька. Привезла мне для подкрепления молоко с бутербродами и сигареты. Сопровождали с ней Веничку на рентген. Не получилось. Не смог стоять.

Вечером звонок Нины Васильевны. Сообщает: «14-го из Кировска приезжает Тамара и мы вдвоем приедем Веню навестить...» (Значит, Веня все поймет!).

Звонок Жанны. Собирается кого-то привезти с видеокамерой к Веничке, чтобы его заснять... Силуюсь убедить ее, что этого делать нельзя. Бесполезно. «Это для истории», — говорит она. Маша мне на это по телефону: «Передай Ж.Г., что мы ее вместе с кинокамерой спустим с 23-го этажа». Марина Глазова присоединяется к этому решению.

13 апреля

Приезжаю к 7 вечера. Веня спит. В коридоре Машенька. Позже прибывает Галя. Состояние тяжелое. Температура 38. Лечащий врач, как бы успокаивая, говорит, что Ерофеев далеко не самый тяжелый больной.

Маша уходит. Остаемся с Галей. Допоздна сидим в коридоре, чтобы не будить Веню. Опять с ненавистью говорит о первой Веничкиной жене Валентине Зимаковой. Во всем ее обвиняет. Про себя: «Я никогда не видела в нем мужика» и т.д. и т.д. Уходит. Остаюсь ночевать в коридоре. Маша привезла мне

подушку и одеяло. Периодически еле слышно заглядываю в палату...

14 апреля

В 5 утра проснулся и попросил пить. Ко мне — полный холод. Даже раздражение.

15 апреля

Приезжаю в 8 вечера. У Вени Галя и Машенька. Галя встретила враждебно. Оказывается, до меня приезжала Жанна. Жаловалась на мой разговор с ней по телефону по поводу съемок Венички на видео. Ну да Бог с ней.

Веничке очень плохо. Сильные боли. Высокая температура. В 9 часов вечера попросил сделать укол, чтобы до 12-ти поскорее заснуть. Галя против частых уколов: «Что? Заколоть, что ли? Тогда он глаза не откроет». — «Но он же испытывает страшную боль!»

«Ну, тогда давай с ним прощаться», — говорит она.

Весь вечер беседуем с ней в коридоре. «Ты была только в общем хоре. У него это было всегда», — говорит она. «А я, кажется, ни на что не претендую», — отвечаю ей.

Ругает почти всех друзей юности. Вспоминает и Юлию Рунову. Как исключала Ерофеева из комсомола, а потом признавалась ему в любви и т.д., и т.д.

Завтра консилиум. Поэтому, как жена, остается ночевать Галя. Ушла в 11 вечера. Веничка спал...

16 апреля

В два часа я у Венички. Утром его возили на ультразвук. Страшная слабость... Депрессия... Галя говорит, что Огольцова боится смотреть ей в глаза. И все же, как мне кажется, капля надежды в нем еще таится — при всей нелюбви к лечению, просит лишнюю дозу капельницы и т.д. и т.д. Просит меня что-нибудь ему вслух почитать. Читаю стихи Холина*. Чуть улыбается. Ко всем равнодушен. Даже недобр. Приезд Сергея Толстова. Они с Галей все обсуждают строительство для Венички домика. Уехала поздно вечером. Веня спал.

18 апреля

Появляюсь только к вечеру с заказанной минералкой. 17-го весь день и ночь наверстывала вконец запущенную работу над выставкой. Галя в полудреме, лежа в коридоре на диване: «Что, загуляла девушка?» Уезжает. Остаюсь на ночь. Веничка периодически просыпается. Просит пить.

19 апреля

Веня в тяжелом состоянии, хотя сам еще без моей помощи доходит до ванной, шатаясь от слабости. Сильные боли. Уколы помогают слабо. Даже врач удивлен. Галя говорит мне: «Он намекает, что

* См. с. 15. Поэт. Яркий представитель авангарда 50—60-х годов. Создатель так называемой «барочной поэзии». Ученик Е.Л.Кропивницкого. Умер в 1999 году.

Ерофеева пора отправлять домой, как безнадежно-го...»

Звонок Клавдии Андреевны. Она мне: «Вы с Га-лей не ссорьтесь. Вот Веничка умрет, я умру, и что дальше? Ведь у тебя тоже нет детей».

20 апреля

Утром температура под сорок. Почти не говорит. Ничего не хочет. Глаза обреченные... Все время в полудреме. Врач говорит, что печень увеличена на 5 см. Вечером приезжает Галя. Остается на 21-е.

22 апреля

Приезжает с морковным соком Яна. Вслед за ней — с полевыми цветами и огромной красавицей грушей Коля Мельников. Галя ему: «Это несъедобно». Коля холодно: «Какая есть». Вслед за Колей — Веничка-младший. Говорит, что вот уже три месяца, как не пьет. Держится. Ерофеев, несмотря на тяжелое состояние, всем рад: «Гости действуют на душу анестезирующе». Даже чуть улыбается, если рассказывают что-то смешное.

Беседуем с Колей на балконе. Он почему-то очень настроен против Тихонова: «Себе на уме. Каждый шаг рассчитан»... Остаюсь до утра. В 10 вечера — укол. Спит. Проснулся в 3 ночи. Попросил две таблетки снотворного и воды. От укола отказался.

23 апреля

Утро. Слабость страшная. Обтираю ему лицо холодным мокрым полотенцем. Расчесываю волосы. Немного читаю вслух. В 11.00 — появление Льна с приехавшим из Парижа Владимиром Максимовым — главным редактором журнала «Континент», в котором с нетерпением ждут «Фанни Каплан». Ерофеев: «Сейчас говорить об этом уже бесполезно». Вспоминают общих знакомых — художников Рабина, Целкова, очень нежно Вадима Делоне и др. Максимов в разговоре: «Как можно ругать народ, который погубила интеллигенция, прославляя в книгах и т.д. советскую действительность?»

Уходя, стараясь придать голосу спокойствие, выразил уверенность в Венином выздоровлении. «Я постараюсь поправиться», — прошептал Ерофеев...

24 апреля

С утра мне много звонков: Виктор Тимачев (собирается навестить Веничку); Виктория — жена писателя Аркадия Ровнера предлагает знаменитого онколога. Спрашивает о Вене Машенька.

Вечером — звонок Игоря Авдиева. Собирается приехать к Ерофееву со священником Валентином Асмусом для исповеди. Я в смятении: отнять у Венички остаток надежды? Игорь называет нас всех «дремучими». Говорит, что исповедь облегчает и физические страдания. «Неужели мы с тобой деликатно не подготовим его к этому?» Сообщил, что Поль Павликовски приглашает его с Тихоновым в Лондон, как участников фильма о Ерофееве.

25 апреля

Приехала в час дня. У Вени — Галя. Сказала, что сегодня будет ночевать у Венички Авдиев, с которым, по его словам, я говорила по телефону умирающим от усталости голосом. Категорически против причастия: «Ненавижу религиозных ханжей». Разубеждаю ее.

Снова о своем: «У вас у всех Любовь, да еще с большой буквы, а у меня что? Я спасала Ерофеева ради его таланта. Как мужик, он мне не достался» и т.д., и т.д.

Заходит в палату Огольцова. Ко мне дружелюбна. Галя: «Наш семейный совет решил, что...» Огольцова жалуется на страшный дефицит лекарств: «Не знаем даже, чем лечить тяжелобольных». Заезжает Яна. Привозит пихтовое масло. Чуть позже — Тамара Васильевна. Целует меня. Приглашает в Кировск. На глазах у Вени — слезы...

Пока он спит, допоздна беседуем с ней в коридоре. Оказывается, в своих письмах к ней Веничка много обо мне писал.

Ночь бессонная. Тяжелое дыхание. Учащенный пульс. В 12 ночи — укол.

26 апреля

Утренний приезд Льна. Вене плохо. Лён возбужденно, взалхлеб рассказывает всем о своих зарубежных поездках. Веничка смотрит на него чуть ли не с нежной улыбкой. Когда боли немного отступают, даже шутит: «Если меня совсем недавно передергивало от мысли о коньяке, то сейчас совершенно спо-

койно мог бы наблюдать, как вы бы все выпивали, а сам — закусывал бы».

Лечащий врач о чем-то долго говорит с Галей в коридоре... Позже она мне: «Наступают самые тяжелые дни. Передай по телефону об этом Нине Васильевне...» Остается на ночь.

27 апреля

Звоню в панике Нине Васильевне. «Не слушайте Галю, — говорит она. — У нее монополия на Веню. Для нее не существует ни сестер, никого. Она уже 10 лет вызывает Тамару из Кировска хоронить его».

Рассказала, что из Кировска приехал Веничкин брат Борис, который не видел его после операции. Предупредила его, чтобы глаза его не расширились при виде брата...

Вечером звонок мне домой Тихонова. Рассказал, как в Абрамцеве Веничка с ним поделился: «Жить мне осталось совсем мало...» Галю ненавидит. Считает, что она Ерофеева погубила, лишив его, во всем угождая, элементарного инстинкта самосохранения.

«А Ерофееву, — сказал он, — это было очень удобно, а он для нее — как самоутверждение».

28 апреля

Приезжаю к 12-ти дня с розами и книгой — «Письма Константина Леонтьева Василию Розанову». У Венички — Тамара Васильевна. Ему чуть-чуть лучше. Даже с удовольствием съел манную кашу.

Приезд Муравьева. Очень поддержал Веничку своим появлением: попили чаю, интересно побеседовали...

Ко мне Веничка очень внимателен: «Не кури на балконе без пальто — простудишься». Погладил по щеке. Поцеловал руку...

29 апреля

Утренний обход. (10 врачей). У Вени опять ухудшение: сильные боли, раздражителен. Заезжает Галя. Вся в делах — покупает цветной телевизор, готовится к строительству домика, которое намечено на третье мая. Со мною весьма любезна. Уезжает.

Приезд с большим пакетом Вениных фотографий Фроликова. Хотел подняться к Веничке, чтобы его еще поснимать, но он уже крепко спал.

Вечером, перед уколом — две таблетки радедорма. Просит не говорить об этом врачу.

Уезжаю в 12. Звонок Авдиева. На Первое мая собирается в деревню. Дает телефон Валентина Асмуса. Умоляет привезти его к Вене для исповеди.

30 апреля

Приезжаю к 8 вечера. В коридоре Галя с Толей Лейкиным. Привез из деревни для Вени трехлитровую бутылку с клюквенным морсом. Галя уезжает. Звоню Тамаре Васильевне. Несу какой-то бред: «Не волнуйтесь. Ночь пройдет спокойно, хотя она сегодня и Вальпургиева». Поздно вечером подхожу к дежурной медсестре: «Можно из дома принести све-

жее постельное белье, а то от капельниц простыня вся в крови?» Краснеет и тут же выдает комплект чистого белья.

Ночь, как и ожидала, прошла спокойно. До утра крепко спал. Дыхание ровное. Температура — 37,1.

1 мая

Проснулся в 7 утра. Праздничный завтрак — манная каша, яйцо, кофе и бутерброд с красной икрой! Самочувствие получше. Почти все съел. Звоню Тамаре Васильевне и Клавдии Андреевне (по ее просьбе). Сообщила, что послала мне с Галей винегрет, рыбу и пробные духи «Красная Москва» — подарок к 1 Мая! Говорит: «Как-нибудь заезжай ко мне. Я тебя подкормлю».

Днем приезжает Лён. Сообщил, что Машенька легла в больницу. Долго обсуждает с Галей, как трудно ставить «Петушки». Предлагает ей начать писать о Вене воспоминания!

Оказывается, он приезжал к Ерофееву поздно вечером 30 апреля с бутылкой вина и тортом «Птичье молоко», чтобы в его палате отметить «Вальпургиеву ночь». Из-за поздноты не пустили. Все время восторженно повторяет: «Вальпургиева ночь» на 23 этаже!!!

Галя отказывается сразу всем показывать фильм о Ерофееве Поля Павликовски. Говорит: «Он должен пройти мою цензуру. Я, во всяком случае, отказываюсь быть в одних кадрах с Тихоновым».

В 6 вечера — приезд Тамары Васильевны. На некоторое время отлучилась к живущей по соседству в

Коломенском Нине Дудинской. Она очень трогательно пригласила меня к себе на час-два немного отдохнуть перед очередным ночным дежурством у Вени. Оставила Гале ее телефон.

Через час Галин звонок: «Ерофеев весь в испарине. Привези чистую рубашку». Пожертвовал свою Игорь Дудинский — Нинин муж.

Вернулась с рубашкой к девяти вечера. Внизу, у выхода встретила Тамару Васильевну. Еле сдерживает рыдания...

В палате у Венички Галя и Яна. Он спит. Уезжают.

2 мая

Проснулся в 7.30. Температуры нет. Сильная слабость, но лицо спокойное. Весь день спит. Даже не стали ставить капельницу.

Приезд Виктора Тимачева. Привез газету с каким-то интервью с Веней. Уехал рано, чтобы не сталкиваться с Галей.

Вслед за ним — Тамара Васильевна. Очень трогательно — привезла мне для подкрепления очень вкусные бутерброды. Показала старую семейную фотографию: на ней три брата — Веничка, Юрий и Борис. Веничке на ней 20 лет.

Позвонила Гале, чтобы привезла мне что-то теплое. За окном — жуткий холодный ветер. Привезла очень красивый свитер и даже предложила мне его подарить.

К вечеру — приезд Леонида Прудовского. Галя почему-то к нему очень агрессивна. Обрушилась за то, что он, входя в палату, очень громко хлопнул

дверью. Прудовский сообщил, что сдал свое интервью с Веней в «Континент». Бросился искать врача, чтобы выяснить у него о нужных для Ерофеева лекарствах. Сказал, что собирается сообщить об этом в телепередаче «Взгляд», которую смотрят во многих странах.

4 мая

Утром звонок Гали. Голос тихий, усталый. «Ты приедешь?» — «Да, конечно». Вечером звонит Игорь Авдиев.

«Ерофееву очень плохо, — говорю. — Выдернул из вены иглу от капельницы... Причащаться отказался». Игорь чуть не плачет: «Ты — крестная мать. Муравьев — крестный отец. Возьми все на себя. Позвони Асмусу. Я не переживу, если он так уйдет». Рассказывает, как два месяца тяжело умирала от рака его жена. Обещаю ему поговорить с Веней.

Приезжаю в больницу к 4-м дня. В палате Тамара Васильевна и Сережа Толстов. Веня в полудреме. Капельницу сегодня не ставят. Просит у меня две таблетки радедорма.

Долго беседуем с Сережей на балконе. С домиком что-то откладывается. Не дождавшись Галю, уезжает.

9 вечера. Веничка крепко спит. Лицо спокойное.

5 мая

Утро. В тяжелой дремоте. Третий день не ставят капельницы. Шумное появление с недопитой бу-

тылкой водки Тихонова. Пытается Ерофеева растормошить. Возбужденно сообщает, что «Паша» (Поль Павликовски) приглашает его с Авдяшкой в Лондон. Пытаюсь его как-то уговорить. Цыкает на меня. Все-таки, с трудом вывожу его на балкон. Несет какой-то бред: «Скоро обо мне будет говорить весь мир. Ерофейчик готовится к смерти. Надо ловить каждое его мгновение»...

Приезд Галины. К Тихонову агрессивна. Но перед его отъездом предлагает ему 25 рублей и какие-то продукты. Целует ей руку. Провожая его до лифта. Вадик: «Носова отвечает на хамство любезностью не по доброте душевной».

Галя привезла Веничке два письма. Одно из них от Петра Вайля и Александра Гениса. Зачитываю ему вслух:

«Дорогой Венедикт! Мы собираемся быть в Москве во второй половине мая. Один из мотивов поездки — повидать Вас. Мы столько раз Вас читали и столько раз о Вас писали, что взглянуть разок — очень хотелось бы. Если не возражаете — напишите две строчки. Всего хорошего, надеемся, до встречи...»

В другом конверте — справка о посмертной реабилитации отца Венички — Василия Ерофеева, бывшего несколько лет в лагерях и выпущенного после смерти Сталина «за неимением состава преступления...»

Зачитываю:

«Министерство юстиции РСФСР.

Мурманский областной суд.
г. Мурманск, ул. Коммуны, д. 18,
т. 7-22-62
20.04.90
№ 449-125

Дело по обвинению Ерофеева Василия Васильевича, 1900 г. рождения, уроженца дер. Елшанка Николаевского района Мурманской области, до ареста работавшего дежурным на станции Хибины, осужденного по ст. 58-10ч УК РСФСР (редакция 1926 г.) к пяти годам лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на 3 года, пересмотрено президиумом Мурманского областного суда 22 февраля 1990 г.

Приговор Военного Трибунала Кировской железной дороги от 25.09. 1945 г. в отношении Ерофеева Василия Васильевича отменен, и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Ерофеев В.В. полностью реабилитирован.

Председатель областного суда — Л.С.Мирошникова».

Ерофеев слушает с закрытыми глазами, не шелохнувшись. Лицо сурово-непроницаемо и, как мне кажется, — даже торжественное. А мы с Галей, не стесняясь слез своих, рыдаем. Чувствует она себя ужасно — усталость, давление, тошнота. Все время повторяет: «Зачем мне эти деньги?» Говорит, что попросит Асмуса осветить домик в Абрамцеве, как храм.

Приезд Сергея Толстова. О чем-то тихо говорят с

Галей на балконе. Наверное, опять о домике... К шести вечера приезжают Ольга Седакова и «Булгачата» — Марк и Люся. Веня спит. Ольга повесила над изголовьем Вени католический (?) образок. Так и уехали, не дождавшись его пробуждения. Чуть позже заезжают Яна с Ирой Леонтьевой.

Вечером — сильные боли. Дежурный санитар Женя сделал укол. Позвонила Муравьеву по поводу причастия. Договорились созвониться на следующий день.

6 мая

Самочувствие, как и вчера. Плохо... Галя должна приехать утром, но вот уже два часа дня, а ее все нет. Как позже узнала, — покупала для дачи какие-то кровати. Наконец, появляется с Жанной. Галя оживленная, с перекрашенными волосами, в новой, модной заграничной кофте. Никак не реагирую. Наверное, думаю — все это для поддержания нервов. Бодрится. Галя насильно вручает мне привезенные с рынка огромные помидоры, огурцы, духи «Красная Москва» от Клавдии Андреевны. Жанна взирает на нее с наигранным недоумением. Взгляд означает: «Что за лицемерие? Обливаешь Шмелькову грязью, а сама?..» Несет что-то не совсем понятное: «Кому-то придется заканчивать «Фанни Каплан»... Почему Ерофеев не диктовал свои тексты в Абрамцево» и т.д.

Приезд Тамары Васильевны. Незаметно от всех плачет... Чуть позже — Саша и Лиза Величанские. Долго и тихо сидят у Вениной постели. Ни слова.

Веня в полудреме. На секунду приоткрыл глаза и, увидя Величанского, кивнул ему. Прощально...

Появление С.Мельниковой с каким-то бородачом. Как мне потом сказали — с Владимиром Ильичом (?). Руководит воздвижением для Вени домика в Абрамцеве. Ушли быстро. «Душно. Много народу», — уходя изрекла Мельникова.

Уезжаю. Галя: «Приезжай теперь, когда захочешь. Я теперь буду здесь каждый день». Позвонила вечером Муравьеву. Сказал, что приедет к Вене с ксендзом Петром, который крестил Ерофеева.

7 мая

У Вени Галя, Тамара Васильевна (тайно плачет) и Сергей Толстов. Узнаю: приезжал Муравьев с ксендзом Петром. Причаститься — проглотить облатку — не удалось. Был в беспамятстве. Грехи, как поняла Галя, отпустил (немая исповедь).

Появление Сорокина. Настаивает на приезде Асмуса, с согласия Ерофеева, конечно. Обещает поймать момент.

К вечеру — страшные боли. С трудом выловила медсестру сделать укол. Галя ведет себя как-то странно: уже почти все вывезла из палаты, включая снотворное, кипяtilьник, бритвенный прибор и др. Просит меня остаться с нею на ночь.

8 мая

В 3 часа дня снова у Вени. Меняется на глазах... Приход врача: «Необходимо внутреннее вливание

для поддержки сердца». Приезжают сестры — Тамара и Нина. Вслед за ними Сорокин и Яна. Сорокин рассказывает полудремящему Вене и всем нам о своей поездке в Германию: «Какая чистота! Как аккуратно подстрижены газоны» и т.д.

Узнаю, что перед Днем победы на очередной «летучке» разгневанно выступал дежурящий по ночам медбрат, жалуясь врачам, что приходит много народу, что в палате не продохнуть, что до 9-го можно еще и потерпеть, а там...

На пять минут с букетом сирени заезжает Лён: «Если что — срочно звони мне и Козлову. Машина наготове». Не совсем поняла — какая машина? И зачем она, даже «если что...»

Тамара Васильевна уезжает последней. Впервые рассказывает мне об их отце: «Все было, как описано у Солженицына — карцер, допросы, обливание ледяной водой...

Ночь страшная. Тяжелое дыхание. Удушье. С трудом разыскала дежурную медсестру. Попросила специальный аппарат для облегчения дыхания. Принесла только утром.

9 мая

Веня спит. Галя уехала по делам. Приезжает Лён. Во весь голос обсуждает в палате, где Ерофеева отпевать и хоронить. Мне кажется, что во сне Веничка все слышит. Лён предлагает три варианта: Немецкое, Востряковское и Ваганьковское кладбища. «Лучше всего Ваганьковское, — говорит он. — Центр, а пробивать будет Любимов».

Звонила из больницы Муравьеву. Сказал, что уже разговаривал с ксендзом и тот дал согласие на отпевание в православной церкви. Приезжали Величанские, Леша Сосна, Сорокин (привез бутылку святой воды) и уже к вечеру — Галя. Веня в беспамятстве. Галя в сверхвозбужденном состоянии во весь голос выкрикивает строки из «Вальпургиевой»:

Этот день победы!!
Проходом пропах!
Это счастье с беленою на устах!
Это радость с ПЯТАКАМИ НА ГЛАЗАХ!
День победы!..

Состояние Венички с каждой минутой резко ухудшается. Задыхается. Поздно вечером в палату заходит молоденькая, очень внимательная медсестра Наташа. Советует отказаться от всяких антибиотиков — лишние мучения, обезболивающие — другое дело. «Не шумите. Он может уйти и сегодня, даже во сне».

10 мая

Только к 6 утра задремал. Приезжают сестры — Тамара и Нина, сын Веничка-младший, Сорокин, Валя Еселева и Сергей Толстов. Остались втроем — Галя, Веня и я. Врачи предупреждают, что предстоящая ночь — последняя. Галя в тяжелом, болезненно-перевозбужденном состоянии. Все время судорожно переставляет цветы — в каждую банку — четное число: «Цветы сами знают, как им стоять». Причитает в

полный голос, какую она с Ерофеевым прожила страшную жизнь. Вспоминает первого мужа... То плач, то короткий, надрывный хохот... Умоляю: «Выйдем из палаты. Ведь во сне Веня может все слышать». Бесполезно. Только к утру она пошла подремать на диван в коридор.

11 мая

На рассвете, в полудреме услышала резкое, отрывистое дыхание... Ерофеев лежал, повернувшись к стене... Заглянула ему в лицо, в его глаза... Попросила Веничку-младшего срочно разбудить Галю. Она, еще не совсем проснувшись и ничего не понимая, вошла в палату... Через несколько минут, в 7.45, Венедикта Ерофеева не стало...

Наталья Александровна Шмелькова

**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
Венедикта Ерофеева**

Редактор Е.В.Голкачева

Художественный редактор Т.Н.Костерина

Технолог С.С.Басипова

Компьютерная верстка обложки и блока иллюстраций Д.Э.Назаров

Оператор компьютерной верстки М.Е.Басипова

П. корректоры В.А.Жечков, С.Ф.Лисовский

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года

Подписано в печать 19.06.2002. Формат 70х100/32

Гарнитура Ньютон С. Печать офсетная. Объем 10 печ. л.

Тираж 7000 экз. Изд. № 1843. Заказ № 2098

Издательство «ВАГРИУС». 129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1

E-mail – vagrius@vagrius.com

Информация об издательстве в сети

Интернет: <http://www.vagrius.ru>

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля:

Эксклюзивный дистрибьютор издательства:

ООО «ИКТФ Книжный Клуб 36.6»

г. Москва, Рязанский пер., д.3, 5 этаж Офис: тел./факс:

(095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90

Склад: тел.: (095) 523-25-56, 523-92-63; тел./факс: 523-11-10

Мелкий опт: (095)265-81-14

E-mail: club366@aha.ru

Интернет: <http://www.club366.ru>

Переписка: 107078, г. Москва, а/я 245, ООО «ИКТФ Книжный Клуб 36.6»

Оператор для магазинов Москвы

КОРФ «У Сытина»

125183, г. Москва, проезд Черепановых, д. 56

Тел./ факс: (095) 154-30-40

E-mail: shop@kvest.com

Интернет: <http://www.kvest.com>

Фирменный магазин «36.6 — Книжный Двор»

г.Москва, Рязанский переулок, д. 3

Тел. (095) 265-86-56

ISBN 5-264-00821-3

9 785264 008214 >

Венедикт Ерофеев — автор поэмы «Москва — Петушки», «Записок психопата», пьесы «Вальпургиева ночь», блестящих и остроумных записных книжек — сам становится героем литературного произведения. В последние годы жизни судьба подарила ему, уже неизлечимо больному человеку, встречу с Натальей Шмельковой. Находясь постоянно рядом, она все виденное и слышанное заносила в свои дневники, в которых писатель предстает перед нами человеком огромной духовной силы и стойкости, но вместе с тем чрезвычайно ранимым и одиноким.

ВАГРИУС